

ВЕЛИКИЕ ДЕБАТЫ В ПАНАДУРЕ

БУДДИЗМ
И ХРИСТИАНСТВО
ЛИЦОМ К ЛИЦУ

BUDDHISM
AND
CHRISTIANITY
FACE TO FACE;

OR AN ORAL DISCUSSION BETWEEN THE

REV. MIGETTUWATTE, }
A } AND { REV. D. SILVA,
BUDDHIST PRIEST, } { AN
ENGLISH CLERGYMAN.

HELD AT PANTURA, CEYLON.

WITH AN
INTRODUCTION AND ANNOTATIONS

BY

J. M. PEEBLES, M.D.,

Fellow of the Academy of Sciences, New Orleans, U. S. A.;
Fellow of the Anthropological Society, London;
Corresponding Member of the Psychological Society of
Great Britain; Corresponding Member of the
Oriental Society of Archæology, India, &c.

BOSTON:

COLBY AND RICH, PUBLISHERS,
9 MONTGOMERY PLACE,

1878.

ВЕЛИКИЕ ДЕБАТЫ В ПАНАДУРЕ

БУДДИЗМ И ХРИСТИАНСТВО
ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Перевод с английского

ШЕДРУБ-ПИНГ

2019

УДК 294.311
ББК 86.35-3
В 27

*Издательство благодарит за содействие в выпуске книги
Ашина Ачарию, духовного руководителя Бирманского буддийского
центра Тхеравады (Москва), а также
аджана Чатри, основателя буддийского храма «Буддавихара»
(Санкт-Петербург)*

Издание предназначено для некоммерческого распространения

*На обложке — репродукция ланкийской
иллюстрации «Панадура вадая» («Дебаты в Панадуре»)*

В 27 **Великие дебаты в Панадуре: буддизм и христианство
лицом к лицу** / Пер. с англ. и монг., вст. статья, прим.
С. Ю. Куваева. — Косья: Шедруб Линг, 2019. — 212 с., илл.
ISBN 978-5-9905117-2-9

Во вт. пол. XIX в. на Шри-Ланке обострилось противостояние христианских миссионеров и местного буддийского духовенства. Его кульминацией стал состоявшийся в 1873 году диспут, который закончился победой буддийской стороны и, приобретя международную известность, дал толчок к популяризации буддизма на Западе, а также модернизации буддизма в традиционном сингальском обществе. Наряду с материалами этого диспута, в издании публикуются два монгольских произведения XIX в., также написанных в жанре диспутального диалога.

УДК 294.311

ББК 86.35-3

© С. Ю. Куваев — перевод на русский язык,
вступительная статья, примечания.

Содержание

С. Ю. Куваев

Дебаты в Панадуре:

на заре современного буддизма 7

Предисловие редактора 28

Дехигаспе Пан Насара

Введение к ланкийскому изданию 1955 года 30

Дж. М. Пиблс

Предисловие 33

Введение 35

Происхождение и распространение буддизма 35

Учения буддизма. Нирвана 40

Жертвенное искупление 45

Влияние буддизма на нравственность 46

Что буддисты едят? И на что существуют? 50

Что такое нирвана? 53

И вновь: что такое нирвана? 53

Представление о душе и духе 54

Перерождение и скандхи 55

Кончина Гаутамы Будды 56

Великие дебаты, состоявшиеся в 1873 году в Панадуре близ Коломбо

Дж. Кэппер

Введение к изданию 1873 года 59

вторник, 26 августа 1873 года

Первая речь преп. Давида да Сильвы	66
Первая ответная речь преп. Мигеттуватте	77
Вторая речь преп. г-на Сильвы	90
Второе возражение преп. Мигеттуватте	97

четверг, 28 августа 1873 года

Речь преп. Ф. С. Сириманне	109
[Третья] ответная речь преп. Мигеттуватте	124
Третья речь преп. г-на Сильвы	141
Заключительная речь буддистов, или	
Четвёртый ответ преп. Мигеттуватте	152

Дж. М. Пиблс

Заключительные заметки	167
------------------------------	-----

Приложения

Дж. М. Пиблс

Чествование памяти полк. Олькотта спиритуалистами, теософами и буддистами	172
--	-----

Агван-Хайдав

Диспут с длинноволосым пандитой Цэрэнпилом	174
Беседа облика, сознания и сущности	181

Именной указатель	185
-------------------------	-----

Глоссарий	189
-----------------	-----

Примечания	192
------------------	-----

ДЕБАТЫ В ПАНАДУРЕ: НА ЗАРЕ СОВРЕМЕННОГО БУДДИЗМА

С. Ю. Куваев

Когда в наши дни буддисты говорят о христианстве, то чаще всего их повествование идёт в исключительно положительном ключе: подчёркиваются призывы Христа к милосердию, доброте и самоотверженности, одобрительно упоминаются его заповеди и так далее. Фактически, подобные отзывы стали сегодня общим местом, однако так было не всегда. В период агрессивного проникновения западной культуры в регионы традиционного распространения буддизма в XIX веке симпатии буддистов в адрес активно насаждаемого среди них христианства были скорее исключением, чем правилом.

Одной из арен этого христианско-буддийского противостояния стала Шри-Ланка, над которой, упразднив в 1815 году Кандийское королевство, получила полный контроль Британская империя. Христианские миссионеры всех мастей — англикане, методисты, католики, баптисты — буквально наводнили страну. Деятельность их в начале–середине XIX века приобрела такой размах, что многим казалось, что к концу века буддизм полностью и навсегда исчезнет с острова.

Одной из центральных фигур в противодействии христианизации Шри-Ланки в середине XIX века стал буддийский монах, проповедник, писатель и ритор Мигеттуватте Гунананда.

Гунананда родился в деревне Мигеттуватта на юго-востоке Шри-Ланки в 1823 году в богатой буддистской

семье. Как и многие его современники, в раннем детстве он был крещён под именем Мигель и с этого периода тесно общался со священником местного католического храма, усвоив от него многие положения христианского учения. Гунананда поначалу даже планировал самому стать христианским пастором, однако впоследствии, в результате общения с буддийским духовенством, принял решение связать свою жизнь с буддизмом и после двадцати лет принял монашеские обеты. С самого начала жизни и учёбы при храме он обнаружил выдающиеся ораторские способности.

Перебравшись в Коломбо, британскую колониальную столицу, Гунананда оказался в гуще межрелигиозного противостояния. Он читал публичные проповеди в своём храме и на улицах города, написал несколько апологетических брошюр в защиту буддизма. Такие брошюры, ориентированные на простых мирян, были для сингальского буддизма явлением новым — буддийские публицисты переняли этот жанр у христианских миссионеров.

Вскоре это противостояние посредством брошюр переросло в публичные дебаты. Поначалу они, однако, проводились согласно строгой процедуре с целью избежания излишне горячих дискуссий: одна сторона зачитывала подготовленный пятиминутный текст, а вторая, будучи заранее с ним знакома, отвечала на выдвинутые в нём возражения часовой речью, и т. п. Первый из таких «устно-письменных» диспутов, в котором пришлось поучаствовать Гунананде, состоялся в феврале 1865 года в Баддегаме. Второй подобный диспут, на котором Гунананда выступал уже устно, прошёл в Варагоде в том же году.

Через год Гунананда принял участие в третьем крупном диспуте в Уданвите, на котором обсуждались христианские концепции Бога-Творца, искупления и Небесного царствия. Противником его в этих дебатах стал бывший буддийский монах, сингал-христианин Джон Хунупола. Впоследствии обе стороны опубликовали свои версии изложения итогов спора. После Гунананде пришлось опубликовать несколько работ, в которых он тщательно опровергал аргументы, оставшиеся без возражения в отчёте Хунуполы. В этом же году состоялся диспут в Лиянагемулле.

Накал буддийско-христианского полемического противостояния всё нарастал. Очередные публичные дебаты с христианами Гунананда провёл в 1871 году в Гамполе, и они закончились большим успехом. Буддисты-сингалы, присутствовавшие на диспуте, были в полном восторге от выступлений и аргументации Гунананды и собрали деньги для того, чтобы записи этого диспута были опубликованы в Коломбо.

Предыстория «великих дебатов» в Панадуре, небольшом городке в 25 километрах к югу от Коломбо, такова. 12 июня 1873 года в принадлежавшей христианам-методистам церкви Панадуры проповедник Давид да Сильва (1817–1874) прочитал собравшимся лекцию о буддийском учении об отсутствии души, заявив, в частности, что раз согласно буддийскому учению в сознании нет ничего постоянного, то нет и никакой преемственности между перерождениями, а значит — добродетели буддистов бессмысленны, а их учения абсурдны.

Методистская община Панадуры возникла ещё в 1817 году и с тех пор год от года активно ширилась, вовлекая

Буддийское духовенство Панадуры (фотография начала 1880-х гг.)

в свою деятельность всё большее количество местного населения. При церкви действовала школа, в которой молодых сингалов, наряду со светскими науками, обучали основам христианской религии. Именно на выпускников подобных школ, будущих проповедников, христианские миссионеры возлагали особые надежды, справедливо полагая, что пока христианская проповедь на Шри-Ланке будет звучать из уст иноземцев, местное население будет относиться к ней с неизбежным скептицизмом. Отчёты методистов так характеризуют успехи, достигнутые ими в деле христианизации учеников своих приходских школ в середине XIX века:

Дети на занятиях в Панадуре и Векадде в особенности подают нам всё возрастающие надежды на то, что

в будущем они окажутся нам полезны. Уже сейчас они храбро противостоят своим родителям-идолопоклонникам всякий раз, когда те зовут их на свои языческие службы и празднества, а кое-кто из них иногда говорит своим родителям об их порочности и греховности. Однажды один мальчик из класса в Панадуре так отважно и открыто выступил против идолослужения, что вызвал тем самым великое смятение между жрецами храма Панадуры.[†]

Выпускником подобной школы был и Давид да Сильва. Через неделю после его нашумевшей антибуддийской проповеди Гунананда выступил в Галватте-вихаре, местном буддийском храме, с её опровержением. Присутствовавшие на его лекции христиане захотели продолжить дискуссию. В результате 24 июня стороны договорились провести через два месяца в Панадуре большой публичный диспут, на котором решили сойтись друг с другом в устном противостоянии и разрешить назревшие противоречия.

Диспут был назначен на 26–28 августа. Стороны условились выступить с четырьмя речами длительностью в один час, в ходе которых они должны были как изложить заранее подготовленные аргументы, так и ответить на возражения оппонентов, высказанные в ходе выступления. 26 августа первый тур дебатов начался в 8:00 и окончился в 10:00, второй состоялся с 15:00 до 17:00. Сутки 27 августа отводились сторонам для консультаций и подготовки возражений. Утром 28 августа также с 8:00 до 10:00 стороны обменялись речами в третий раз, а 15:00 до 17:00 выступили с заключительными заявле-

Ранкот-вихара (до 1873 года – Галватте-вихара) –
храм в Панадуре, рядом с которым состоялись дебаты.

ниями. Право открытия дебатов было предоставлено Давиду да Сильве, поскольку именно его июньская проповедь о душе и послужила поводом к их устройению. Он же произнёс и заключительную речь христианской стороны, однако вторую речь христиан поручили огласить англиканскому проповеднику-катехизатору Ф. С. Сириманне как более опытному оратору, который к тому же сам когда-то был монахом здесь же, в Галватте-вихаре. Со стороны буддистов все четыре речи зачитал Мигеттуватте Гунананда.

Дебаты велись на сингальском языке. Обе стороны основательно подготовились к ним, изучив доступные им священные тексты противников — английскую Би-

блию и палийскую Типитаку. Буддийская сторона помимо собственных аргументов против христианства использовала и те, что в это время выдвигались против него на Западе. В частности, буддисты ссылались на работы таких представителей современного библейского критицизма, как Томас Пейн, Джон Коленсо и Роберт Ингерсолл, а также привлекали доводы против христианства из новейшей английской естественнонаучной литературы.

В перерывах между выступлениями ораторы имели возможность консультироваться с приглашёнными советниками-единоверцами. С буддийской стороны следует особо отметить среди них Хиккадуве Сумангала-тхеру, старшего монаха сангхи Шрипады, которого неофициально считали наиболее авторитетным и образованным монахом на Шри-Ланке и крупнейшим знатоком палийского канона. Христианского оратора поддерживала объединённая партия из методистских, баптистских и англиканских богословов и евангелистов.

На дебатах в Панадуре не было формального судейства и, следовательно, победившей и проигравшей сторон. Однако по реакции многотысячной сингальской аудитории, присутствовавшей на противостоянии, а также, в гораздо большей степени — по последствиям этих дебатов для религиозной ситуации на Шри-Ланке, можно безошибочно судить о том, что буддийская сторона одержала в них убедительную победу. Христиане были вынуждены утешать себя тем, что, хотя им и не удалось уверить собравшихся в справедливости положений христианства, они по крайней мере сумели огласить их перед большим количеством слушателей.

Мигеттуватте Гунананда

«Великие дебаты» в Панадуре в 1873 году знаменовали собой начало выхода из кризиса, в который буддизм на Шри-Ланке был ввергнут форсированной христианизацией, поощряемой колониальным режимом. В том же 1873 году на Шри-Ланке открылось буддийское монашеское училище Видьодая-пиривена, через два года — ещё одно, Видьяланкара-пиривена,

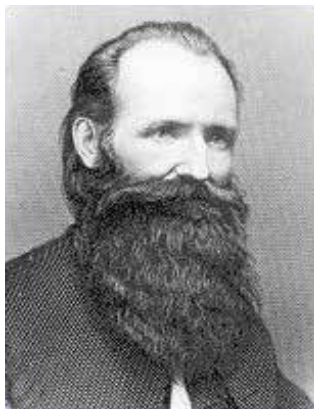

Давид да Сильва

на, оба при ведущем участии Хиккадуве-тхеры. В последующие десятилетия в стране открылись десятки подобных училищ, в которых молодых монахов готовили с учётом требований нового времени, были учреждены новые буддийские миссионерские общества и издательства.

Но не менее важным было и влияние итогов этих дебатов на общественное мнение. Записи речей разошлись по острову в газетных статьях, доводы из них передавались из уст в уста, и местное сингальское население убедилось: буддистам есть что ответить на критику христиан. И не просто опровергнуть её, но и самим выдвинуть против христианского вероучения такие доводы, которым христиане не в состоянии дать убедительного опровержения.

Научившись противостоять миссионерским технологиям христиан, буддисты смогли частично заимствовать их, обратив их себе на пользу. Этот переворот в полной

Джеймс Мартин Пиблс

мере отражает памятник Гунананде, поставленный после ухода британцев со Шри-Ланки в Панадуре прямо напротив методистской церкви, где он и стоит по сей день. Памятник изображает его с указывающей вверх рукой. Этот ораторский приём, заимствованный Гунанандой у англичан, был для сингальской культуры нехарактерен: обычно монахи, давая наставления и участвуя в обсуждении, сидели, прикрыв лица веерами, поэтому этот жест естественным образом стал его «визитной карточкой».

Победа Гунананды на диспуте в Панадуре стала предметом гордости буддистов Шри-Ланки за свою веру, внесла важный вклад в формирование обновлённого буддийского самосознания сингалов.

Последствия победы буддистов на дебатах в Панадуре для состояния буддизма на Шри-Ланке сложно переоценить, однако едва ли не большее значение панадурский диспут имел за её пределами, там, откуда пришли противники Гунананды — а именно, в странах Запада.

В ходе дебатов было сделано несколько стенографических записей, которые были опубликованы в местных газетах. Редактор газеты «Цейлон Таймс» Джон Кэппер поручил Эдварду Перейре создать компиляцию и перевод этих записей, которые впоследствии, просмотренные и выверенные в том числе самими участниками

диспута, были опубликованы в газете в серии из восьми статей. В том же 1873 году Кэппер издал их отдельной брошюрой под заглавием «Полная запись буддийского диспута, состоявшегося в Панадуре в августе 1873 года».^Т

Эта публикация попала в руки Джеймса Мартина Пиблса (1822–1922), американского врача, путешественника и писателя-спиритуалиста. Побывав на Шри-Ланке и там ознакомившись с нею, он увёз её с собой в США.

Пиблс переиздал материалы Кэппера в Бостоне сперва в виде брошюры «Великая цейлонская дискуссия между буддистами и христианами»^Т, а затем в 1878 году — в виде книги «Буддизм и христианство лицом к лицу». Он снабдил запись диспута комментариями и внушительным вступлением, в котором рассказывал западной публике об истории буддизма и его основных учениях, основываясь на личных изысканиях и наблюдениях, а также выдержках из современных ему авторов, писавших о буддизме: буддолога Макса Мюллера, католического епископа в Бирме Поля Биганде, деятеля китайской диаспоры в США и публициста Ван Цинфу и других. Впрочем, даже с этими выдержками вступление Пиблса в гораздо большей степени представляет его собственные взгляды на буддизм, основанные на спиритуализме, нежели собственно буддийские учения. Кроме этого, Пиблс подверг речи Гунананды некоторой литературной обработке, сочтя их перевод на английский недостаточно изящным.

Публикация Пиблса попала в руки отставного полковника, юриста Генри Стила Олькотта, который в 1875 году основал вместе с Еленой Блаватской Теософское общество. Пиблс был знаком с ним и Блаватской по зна-

менитым спиритическим сеансам на ферме братьев-медиумов Эдди в Вермонте. Под впечатлением от записей дебатов в Панадуре Олькотт с Блаватской тут же начали переписку с Пияратна-тхерой, создателем первой дозируемой колониальным правительством буддийской школы на Шри-Ланке, с Хиккадуве Сумангала-тхерой, а также и с самим Гунанандой. В октябре 1877 года Блаватская писала:

Я должна закончить перевод [повести Лескова «На краю света»] через три дня и послать его на Цейлон, в буддийский колледж Коломбо его президенту по имени Мохативати Гунананда. Он уже заказал 50 экземпляров моей книги [«Разоблачённая Изида»], чтобы перевести из нее некоторые места. Кроме того, он перевел работы епископа Коленса и книги «Дух и материя» Бухнера со сносками и примечаниями, полностью унизив немца. Спустя месяц он смог успешно соперничать во время публичной дискуссии с величайшим оратором, епископом методистской церкви Грингудом (?), и настолько превзошел его, что этот последний не только разбил очки, но и доказал превосходство *практического* буддизма над теоретическим христианством.*

Выдержки из «Разоблачённой Изиды» Гунананда опубликовал в 1879 году под заглавием «Тибет рате Буддагама» — «Тибетский буддизм».

Разумеется, буддисты полемизировали с христианами и до середины XIX века, но до публикации итогов дебатов в Панадуре их аргументы не были знакомы широкой западной публике. Это вкупе с массой антибуддийской литературы, издававшейся на Западе, создава-

ло у неё впечатление, будто буддистам и нечего ответить на критику, направленную в их адрес. Основатели Теософского общества были одними из тех интересующихся восточными религиями представителей Запада, симпатии которых красноречие Гунананды склонило в сторону Учения Будды.

Согласно предисловию к своему катехизису «Будда Прасаная», с 1862 года Гунананда прочитал не менее четырёх тысяч проповедей, немалая часть из которых была посвящена противостоянию христианству.

Когда спустя два года после публикации Пиблса Олькотт с Блаватской прибыли из Индии на Шри-Ланку, Гунананда был одним из тех, кто встречал их на сходе с корабля в Коломбо 17 мая 1880 года. Олькотт так записал об этой встрече в своём дневнике:

Знаменитый Мегиттуватте, представший перед нами бритоголовым монахом средних лет, среднего роста, с очень интеллектуальной головой, ясным взглядом и очень большим ртом, производил впечатление полнейшей бдительности и уверенности в себе. Некоторые из монахов, занимающихся медитацией, обычно опускают глаза при разговоре с кем-либо, но он смотрел вам прямо в лицо, как и подобало наиболее блестящему оратору-полемисту этого острова, грозе миссионеров. <...> Его приветствие, обращённое к нам, было особенно сердечным.¹

Через два дня Олькотт с Блаватской приняли буддийское прибежище и мирские обеты, став, таким образом, первыми известными западными буддистами (впрочем, имеются сведения о том, что ещё в 1870 году некий рус-

ский получил монашеское посвящение в Сиаме, но довольно скоро снял сан из-за проблем с соблюдением Винаи). Гунананда сопровождал Олькотта в его поездках по Шри-Ланке с лекциями о теософии и буддизме, а также вместе с ним и Хиккадуве Сумангалой состоял в комитете, который разработал знаменитый буддийский флаг.

Впоследствии Олькотт сделался одним из крупнейших деятелей возрождения буддизма на Шри-Ланке, участвуя, в частности, в модернизации системы буддийского образования. Популяризация Обществом теософского учения, которое позиционировалось Блаватской как «эзотерический буддизм», способствовала взрывному росту интереса к буддизму в среде образованной европейской, американской и российской публики. В 1881 году в Мадрасе вышел в свет «Буддийский катехизис» Олькотта, для которого, хоть и с большим трудом, было получено одобрение Хиккадуве-тхеры. Он выдержал десятки переизданий и стал, по существу, первой книгой на западном языке, в которой буддийское учение излагалось в доступной, привычной местному читателю форме, а главное — с позиции не учёного-ориенталиста или христианского критика, а верующего буддиста, и притом западного.

Впрочем, искренность принятия буддизма Блаватской и Олькоттом часто, и притом справедливо, ставится под сомнение. И если поначалу Гунананда видел в теософах союзников в своей борьбе с христианскими миссионерами, то потом он разглядел в теософии воззрения, враждебные буддизму — по крайней мере тому буддизму, который на Западе в XIX веке получил название «простонародного», а среди теософов — «эзотерического». Учение Будды интересовало теософов не само

по себе, а как отражение неких универсальных истин, содержащихся во всех религиях, при этом систему буддийской этики и нравственности они объявляли достоянием профанов, себя, разумеется, к таковым не причисляя. Возражения против такого подхода Гунананда озвучивал в издававшейся им газете уже в самом конце своей жизни. Необходимо отметить, однако, что Гунананда не идеализировал и уровень нравственности сингальского монашества, отмечая, что именно упадок нравов в среде буддийского духовенства стал одной из причин столь больших успехов христианских миссионеров в начале века.

Олькотт и Хиккадуве-тхера

На Западе, тем не менее, теософская репрезентация буддизма получила широкое распространение в начале XX века, подготовив почву для проникновения в Европу и Америку тибето-монгольских, южных и дальневосточных школ буддизма во второй половине столетия. В России среда т. н. «необуддистов» и «буддофилов» послужила почвой для возникновения рериховского движения, благодаря которому с буддизмом впервые познакомились многие из тех людей, которые впоследствии обратились к буддийской традиции непосредственно, порвав с её теософскими интерпретациями.

* * *

Рубеж 60–70-х годов XIX века оказался критическим в христианско-буддийском противостоянии не только на Шри-Ланке: по стечению обстоятельств, в этот период оно обострилось ещё в нескольких буддийских регионах, будучи во всех этих случаях связано с проникновением в них западной цивилизации и христианской культуры. Так, в Японии в эти годы имел место разгар антибуддийской кампании, негласно поддерживаемой правительством. После реставрации Мэйдзи в 1868 году в стране был снят запрет на исповедование христианства, которое тут же приобрело ореол прогрессивной религии, в то время как буддизм стал восприниматься как чужеродная и косная вера, препятствующая развитию Японии. В результате за несколько лет в стране были уничтожены сотни буддийских храмов, а тысячи представителей духовенства насильно переведены в светское состояние.

В 1871 году в Российской империи была проведена кампания по сносу десятков дуганов, ступ и обо, возведённых бурятским духовенством без санкции губернской администрации, что стало первым случаем массового уничтожения буддийских святынь в нашей стране. Политика ограничения количества буддийских храмов в Бурятии и Калмыкии проводилась правительством в интересах православной церкви, облегчая тем самым усилия православных миссионеров в деле христианизации российских буддистов.

Хотя монгольский мир в лице российскоподданных калмыков и бурят был знаком с последовательными попытками христианизации с начала XIX века, — времени,

которое совпадает с началом агрессивной христианизации Шри-Ланки в составе Британской империи, — успехи православных миссий на этом направлении, в отличие от их английских коллег, были сравнительно скромны. Отчасти это было вызвано плохим знакомством миссионеров с вероучением тибетского буддизма, — проблемой, которая была отчасти нивелирована к началу XX века благодаря достижениям отечественной буддологии, а отчасти — нежеланием губернских администраций провоцировать конфликты с местным населением на религиозной почве. В силу этих факторов обновленческое движение в российском буддизме, возникшее в том числе и как ответ на православную христианизацию, стало оформляться только с конца XIX века. Программа реформ буддийского быта, выдвигавшаяся обновленцами, в существенной степени формировалась именно под воздействием критики, которой буддизм подвергался со стороны христиан.

Основой обновленческой программы калмыцких и бурятских буддистов было восстановление изначальной чистоты буддийского учения, очищение от грубых суеверий, шарлатанства, стяжательства и других пороков, повышение культурного, образовательного и профессионального уровня духовенства, синтез буддийских ценностей с достижениями западной науки, культуры и техники, превращение буддийских монастырей в центры образования и культуры. Яркими представителями обновленчества на рубеже веков стали ламы А. Доржиев, Д. Мункужапов и Д. Дамбаев, общественные деятели Б. Барадийн и Ц. Жамцарано, в Калмыкии — Л.-Ш. Тёпкин, М. Борманжинов, Б. Боваев. Ярчайшей фигурой об-

новленчества, или буддийской модернизации, на Шри-Ланке был их современник Анагарика Дхармапала, так же, как и они, выступавший за возвращение сингальского буддизма к истокам, очищение его от суеверий и предрассудков, а также за развитие системы светского образования.

В Монголии буддийское обновленчество в его выраженной форме появилось лишь после Народной революции 1921 года. Тем не менее, истоки формирования обновленческого движения среди монгольских народов усматриваются с начала XIX века. Среди крупнейших деятелей монгольского буддизма, предвосхитившими модернизацию буддизма в Монголии, называют Догшин-нойонхутухту V Данзанравджу, Дандар-аграмбу и хамбо-ламу Агван-Хайдава, живших в первой половине XIX века.

Ургинский хамбо Агван-Хайдав (1779–1838) был старшим современником Гунананды. Как и его сингальский коллега, Агван-Хайдав превосходно владел искусством слова, которое так же, как и он, использовал для проповеди буддизма среди мирян и духовенства и его защиты перед лицом внешних и внутренних угроз.

Благодаря традиционной образовательной системе школы гелуг Хайдав-хамбо был знаком с ведением философских диспутов, однако два публикуемых в настоящем издании диспута за его авторством — иного свойства, нежели те, что обычно проводятся в гелугпинских монастырях. Фактически, это дидактические произведения, написанные в виде диспута, который ведётся в свободной форме, далёкой от формализованных учебных дебатов, и рассчитанные как на монашество, так и на грамотных буддистов-мирян.

Критические замечания в адрес буддизма в Российской империи высказывались миссионерами в ходе устных проповедей, обращённых к буддистам-мирянам, а также в печатных изданиях, предназначенных для интересующихся буддизмом православных. На эту критику российские буддисты не могли, подобно ланкийским, отвечать публично, будь то в форме проповедей или очных либо заочных диспутов: публичная критика христианства была в Российской империи уголовно наказуема. Вероятно, поэтому даже в сочинениях самих православных миссионеров, написанных в форме диалога с буддистами, последние не спорят с ними, а охотно соглашались с предлагаемыми антибуддийскими доводами, не выдвигая в ответ никаких весомых аргументов и возражений. Таковы три небольших работы иеромонаха Мефодия (Львовского), настоятеля Кавказского миссионерского монастыря, которые он написал в качестве пособия для проповедников православия среди калмыков: «Разговор православного с ламаитом» (1900), «Разговор миссионера с багшой» (1902) и «Разговор миссионера с гелюном» (1902). Буддолог С. Ф. Ольденбург критиковал эти произведения за коренное непонимание и искажение буддийских учений, а отдельные их фрагменты называл не иначе как юмористическими — настолько карикатурно и нелепо были выставлены в них буддисты-оппоненты христианских миссионеров.[†]

Однако отсутствие у российских буддистов полемических сочинений антихристианской направленности, подобных тем, что Гунананда писал и до, и после дебатов в Панадуре, было обусловлено не только тем, что за их написание их авторам грозила каторга и лишение

прав гражданского состояния. Дело в том, что если среди сингальского населения в середине XIX века грамотность составляла порядка 60%, что было примерно равно грамотности местного английского населения, то среди мирян-буддистов России умение читать было явлением не в пример более редким. Это привело к тому, что даже после снятия уголовной ответственности за такие сочинения в 1910-х годах они не стали распространённым явлением, а те единичные труды, что всё-таки появились, не оказали на ход христианско-буддийского противостояния заметного эффекта.

Бедность полемической практики у бурятских и калмыцких буддистов стала одним из факторов, приведших буддийскую сторону к поражению в единственном крупном публичном диспуте, состоявшемся в 1928 году в Верхнеудинске. На этом диспуте, однако, они дискутировали с атеистами, а не с православными, которые после Октябрьской революции неожиданно оказались с ними по ту же сторону идеологических баррикад. В настоящее время в России между «традиционными» буддистами и православными сохраняется своего рода «джентльменское соглашение» об отказе от взаимной критики, изредка нарушаемое отдельными антибуддийскими сочинениями клириков из рядов РПЦ.

Этим же негласным соглашением о сохранении религиозного статус-кво объясняется и отказ от миссионерства на «традиционных» территориях распространения двух религий. В связи с этим характерно, что в единственном сколько-нибудь публичном буддийско-христианском диспуте в новейшей истории России участвовали с одной стороны буддологи (А. В. Парибок

и Е. А. Торчинов), а с другой — лютеранские миссионеры. Этот диспут спонтанно завязался в калмыцком Цаган-Амане во время одной из местных буддологических конференций в 1990-х годах, и закончился полной победой буддийской стороны.

Авторы наиболее основательного исследования истории христианско-буддийского противостояния на Шри-Ланке в XIX веке, Р. Янг и Г. Сомаратна, озаглавили свою монографию «Тщетные дебаты» (1996)^Т, тем самым подчёркивая тот факт, что переубедить друг друга в целой серии диспутов сторонам так и не удалось. Приводимая ими аргументация не заставила никого из участников, признав правоту оппонента, отказаться от своих воззрений и перейти на его сторону, как это было принято, например, в классической диспутальной культуре Индии.

Действительно, затронутые на дебатах в Панадуре темы — души и воздаяния, достоверности священных писаний, уровня нравственности духовенства и личностей основателей учений — поднимаются в христианско-буддийском диалоге не первое столетие. Однако если непосредственные участники этого диалога и остаются чаще всего при своём мнении несмотря ни на какие доводы, то тем, кто заинтересованно за ним наблюдает, он, несомненно, помогает сформировать свои взгляды в пользу той или иной из сторон. Примеров тому в изобилии предоставляет полуторавековая история принятия буддизма уроженцами Запада и России, стартовым сигналом которой и послужил диспут, состоявшийся в августе 1873 года в Панадуре.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

В основу настоящего издания легло бостонское издание «Великих дебатов» от 1887 года.

В изложении хода дебатов Перейрой в отношении буддийских монахов-бхиккху используется термин «священник» (priest), что было характерно для посвящённой буддизму англоязычной литературы XIX века (в русскоязычной литературе того же периода в этом случае нередко использовался термин «жрец»). В настоящем издании этот термин сохранён там, где его употребляет Перейра, однако в выдержках из канона и комментариев он заменён на общепринятое и привычное сегодня «монах».

В оригинальном издании цитаты из буддийских источников приведены в транслитерации с пали и элу; сразу же за ними следует перевод. В целях удобства чтения эти транслитерации вынесены нами в примечания. Несколько приведённых спорщиками цитат, которые в ходе дебатов остались без перевода и содержание которых они донесли до слушателей в упрощённом виде, мы в настоящем издании сочли уместным всё-таки ввести в текст в дословном переводе. В таких случаях текст цитаты заключён в квадратные скобки.

Большая часть этих цитат фигурирует в английском издании без идентификации. Нам удалось определить все процитированные канонические тексты и комментаторские работы (часть из них — благодаря помощи А. Тэля). То же касается и буддологической литературы и публицистики, использованной Пиблсом при написании введения и заключения.

Цитаты из Типитаки приведены по электронной версии её ланкийского издания «Будда Джаянти»; согласно нему же индексированы процитированные сутты, а их палийский текст, данный в исходном издании текста дебатов, исправлен в соответствии с ним. Текст комментариев Буддагхоши «Висуддхи-магга», «Сумангала-виласини» и «Саммохавинодани» выверен по изданиям, указанным в соответствующих примечаниях. «Дхаммапада» цитируется по переводу В. Н. Топорова; перевод одного фрагмента из «Паттхана-пракараны» принадлежит Н. Ляхович. Ряд антропонимов и топонимов из палийского канона воспроизведён согласно современной общепринятой русской транскрипции.

Цитаты из Библии приведены в Синодальном переводе. Единственное исключение составляет фраза из Послания к Галатам (5:16), где этот перевод расходится с версией английской Библии короля Якова.

Примечания, указывающие только источник цитируемого текста или приводимого утверждения и не содержащие какой-либо дополнительной информации, помимо текстологической, отмечены знаком [†]. Примечания к тексту дебатов, принадлежащие Пиблсу, отмечены знаком [‡].

Используемые в книге сокращения таковы:

СН — Самьютта-никая

АН — Ануттара-никая

ДН — Дигха-никая

ДП — Дхаммапада

ВМ — Висуддхи-магга

БК — «Буддийский катехизис» Г. С. Олькотта

ВВЕДЕНИЕ К ЛАНКИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ «ВЕЛИКИХ ДЕБАТОВ» 1955 ГОДА

Дехигаспе Пан Насара

Время этого противостояния буддизму на Цейлоне прошло. Однако сто лет назад всё было по-другому. В 1815 году с падением последнего царя в Канди сингальская независимость подошла к концу. Кандийская конвенция, обещавшая, что «Религия Будху, которой придерживаются вожди и население этих провинций, объявляется неприкосновенной, и её ритуалы, проповедники и места поклонения будут сохраняемы и защищаемы», стала мёртвой буквой. Христианские миссионеры, хлынув на остров, переполнили его. Буддизм был порицаем со всех сторон. В эти прискорбные времена Джеймс де Алвис, многоуважаемый учёный джентльмен, сказал в 1850 году в одной из своих статей, что «до конца этого столетия буддизм исчезнет с Цейлона».

Буддизм на Цейлоне пребывал в великой опасности. Около 1860 года выдающийся преп. Мигеттуватте Гуна-нанда-тхеро, златоуст нашего времени, вышел на арену подобно благородному рыцарю старых времён. Помимо толкований и проповеди буддизма, а также полемики с христианством, он успешно провёл четыре больших дискуссии в Баддегаме, Уданвите, Гамполе и Панадуре. Его горячо поддерживали необъятно эрудированный учёный, преп. Хиккадукве Шри Сумангала-наяка-тхеро, основатель Видьодая-пирилены, и другие даровитые учёные как из состава Сангхи, так и из числа мирян. Надолго запомнится преп. Хиккадуве — движущая сила

этих дебатов, чьи уместные и подробные замечания весьма облегчали преп. Гунананде его задачу.

В этой книге содержится восемь лекций, прочитанных сторонами на дебатах в Панадуре, которые состоялись в августе 1873 года. Во введении Дж. М. Пиблс, доктор медицины, магистр искусств и доктор философии, комментирует их содержание и в конечном итоге поддерживает доводы в пользу буддизма.

II

Так получилось, что записи этой великой дискуссии между преп. тхерой Мигеттуватте Гунанандой и преп. Давидом да Сильвой оказались в ежедневных газетах. Д-р Пиблс, видный путешественник и учёный муж, собрал эти записи из прессы и опубликовал их в виде книги.

Именно эта книга привела к буддизму американского полковника Г. С. Олькотта. Олькотт прибыл на Цейлон. С его прибытием на острове наступила новая фаза возрождения этой священной религии. Огромная роль, которую в возрождении буддизма на Цейлоне сыграла Видьодая-пиривена, явственно видна из примечания к с. 158 в этой книге. Сей благородный труд полковника Олькотта по возрождению буддизма на Цейлоне всегда будет вспоминаться нами с благодарностью.

Перевод последней строки «Дхаммапады» — «Чаккамва вахато падам» — «как пыль следует за катящимся колесом» (с. 35 наст. изд.), не вполне верен. Должно быть: «как колесо (следует) за копытом животного, что везёт повозку». Более того, мы, буддисты Хинаяны, не можем

согласиться с утверждением [Ван Цинфу]: «Под нирваной мы понимаем конечное воссоединение с Богом» (с. 44 наст. изд.).

По счастливой случайности экземпляр этой книги, впервые опубликованный около восьмидесяти лет назад, попал в руки г-на П. К. В. Сиривардханы. Будучи ревностным буддистом, он захотел опубликовать эту книгу, чтобы англоязычная публика могла получить пользу от её содержания. Его усилия оказались ценными, пришедших как раз ко времени, и за эту работу он заслуживает почтения.

Видьодая-пиривена, 7.8.1955/2499

ПРЕДИСЛОВИЕ

Джеймс Мартин Пиблс

Пребывая в восхищении от умиротворённости, в котором пребывает восточный ум, и испытывая глубокий интерес к символизму, лежащему в основании восточных религий, я долгое время хотел своими глазами увидеть эти религии, и особенно буддизм, на арене дебатов лицом к лицу с христианской религией, чтобы каждая из этих систем была подвергнута проверке на противоречивость. Это частично осуществилось на Цейлоне, в Панадуре, где буддийский священник в устном противостоянии сошёлся с преп. г-ном Сильвой, уэслианским проповедником.

Эти дебаты продлились два дня на глазах практически безмолвной аудитории, насчитывавшей временами от пяти до семи тысяч присутствующих. У каждой из сторон были симпатизирующие ей приверженцы, и каждая, как это обычно бывает, объявила победившей именно себя. Знакомые мне на сей момент отзывы тех, кого можно было бы назвать не принадлежавшими ни к одной из сторон, сходятся в том, что буддийский священник, будучи более искусным оратором и подстраиваясь под восприятие простого люда, в конце концов увлёк большинство за собой. Несомненно, что некоторые из христиан остались недовольны результатом.

Эти дебаты были записаны; несколько копий опубликовал эсквайр Джон Кэппер, редактор «Цейлон Таймс». «Записи, — сообщает он, — были просмотрены каждым из диспутантов, так что их можно считать верным пред-

ставлением произошедшего. Выдержки на пали были проверены преп. С. Элвисом, часть из них — г-ном Л. де Зойсой, правительственным переводчиком».

ВВЕДЕНИЕ

Джеймс Мартин Пиблс

Происхождение и распространение буддизма

[Подобно тому, как солнце восходит на Востоке и, минуя народы и континенты, бросает свои сверкающие лучи на Запад, так и оккультное солнце истины и праведности восстаёт в имени ориентализма и духовно освещает Запад — наш чрезвычайно объективный, деятельный и научно-эгоистический Запад.

Самый обычный очевидец наших времён должен увидеть, что ведический брахманизм и буддизм торят свои дороги в наши социальные и религиозные институции. Их проповедники тихо, но эффективно продвигают свои учения — будь они правдивы или ложны — посредством общественного взаимодействия, публичных лекций и распространения листовок, памфлетов и книг. И возникает естественное вопрошание: «Что есть буддизм?»]*

Я странствовал по вечности,
Рождался я без счёта раз.

Дхаммы обусловлены разумом, их лучшая часть — разум, из разума они сотворены. Если кто-нибудь говорит или делает с нечистым разумом, то за ним следует несчастье, как колесо за следом везущего [ДП 1].

Будда

Подумайте только — всего насчитывается 500 000 000 буддистов на Цейлоне, в Китае, Японии, Тибете, Бирме,

Сиаме и других восточных странах — это почти треть всего человечества!

Основателем религии, которая привлекает столь обширную массу последователей, был Гаутама Будда, рождённый в Капилавасту на севере Индии около 556 г. до Р. Х., согласно Максу Мюллеру и вернейшим из индуистских свидетельств. Он принадлежал по происхождению к роду шакьев — гордой солнечной расе Индии. Праздник в свои юные годы, но предавшийся размышлениям и расставшийся с мечтами благодаря духовным чудесам, предшествовавшим его публичной проповеди, — будет более чем справедливо сказать, что он прославил народ, который дал ему рождение, и что его практические учения стали общим достоянием человечества.

Средь гималайских грозных скал
Жил в старину мудрец-аскет.
Сед и согбен под гнётом лет,
Век в созерцаньи коротал.

В тот день, как Будда был рождён, —
Народа шакьев славный сын,
Исполненный святой красоты,
Чтоб мир спасти, — увидел он

Диковинных знамений ряд,
Чей смысл понятен мудрецу:
Надежду в мир они несут,
Вселенной благодать сулят.

<...>

Но раз за много сотен лет
И ель однажды зацветёт.
Столетия минули — и вот
Явился *Будда* в этот свет!

Богам с людьми наставник он,
В пути к покою проводник.
Сей *бог* провозгласит среди них
Великий нравственный закон.

Коль, избежав мирской тщеты,
Живёшь в покое, простоте,
Жену оставив и детей,
То буддой можешь стать и *ты*.*

Великие мыслители, великие самоотверженные души, такие как Будда, — творцы истории и созидатели вековых устоев. Они остаются бессмертными в книгах, и сверх того, по возможности — в воспоминаниях восторженных поклонников.

Гаутама Будда, испив из чаши вдохновения, задолго до христианской эры стал центральным светозарным солнцем, светом, вокруг которого кристаллизовался буддизм, единственная великая религия Востока. И теперь, по прошествии более чем двух тысяч лет, она всё ещё полна энергии и духовной жизненности. Его святылища множатся, количество приверженцев возрастает, и вдумчивые умы далёких Европы и Америки всё более и более привлекаются его всеобъемлющим духом, его принципами широты и терпимости.

Редактор старейшей ежедневной газеты на острове Цейлон «Цейлон Таймс» [Джон Кэппер] написал недавно

в редакционной статье, касающейся текущего положения и развития буддизма на Цейлоне:

Нет сомнений в том, что, пока мы поздравляем друг друга с успешной работой своих миссионерских и образовательных учреждений, этими же успехами к свежим усилиям стимулируются, равно как и собственной верою, и буддисты. Не только несколько самых образованных людей среди них, как священников, так и мирян, публикуют памфлеты и периодические издания на разговорном языке в защиту и для освещения собственных убеждений, но — главным образом в среде буддийского духовенства — имеет место и оживлённая деятельность, направленная на пробуждение в умах людей более жизненного ощущения своей веры. Религиозные службы теперь отправляются ежевоскресно — в выходной день почти для всех классов общества, между тем как ещё несколько лет назад духовенство по обыкновению созывало своих прихожан лишь считанные разы в год по священным памятным датам. Строятся храмы, а там, где это в данный момент не представляется осуществимым, воздвигаются временные постройки, где люди собираются для того, чтобы сидя на скамьях слушать чтение книг-*бана* и восхваления, а также разъяснения от проповедующего священника.

В одной такой постройке довольно большого размера мы побывали в прошлое воскресенье. Службу отправлял Сипкадуве [sic] Сумангалабхидана, первосвященник Адамова пика, наисовершеннейший на острове знаток пали. Он начал с чтения *бана*, кото-

рое собравшиеся подхватили наиболее надлежащим и благоговейным образом. По завершении молитвы первосвященник, продолжая сидеть и держа веер из листьев пальмы, начал своё обращение, задуманное быть введением в курс лекций о буддизме.

Учёный первосвященник продолжил перечислением некоторых важнейших буддийских книг, коротко объясняя их содержание и темы, на которые они были написаны. Он заявил, что учения Будды можно подразделить на две части: одна – философская, содержащая высшие истины, что доступны лишь высокоучёным, и вторая – это простые изложения этих великих истин, пересказанные понятным языком. Использование простого языка, – продолжал священник, – часто приводит к возникновению ложного понимания, однако этот язык – средство сообщения фактов, применяемое согласно способностям обычных людей, и он хотел бы подчеркнуть особо, чтобы они не думали, будто «Всевышний Будда» поощрял именно такое, поверхностное, понимание смысла этих слов.

Рассказав о значении трудов и о необходимости *личной заслуги*, он остановился на том, что такое *сован*, *сакрадагамин*, *анагамин* и *архат* – описанные Буддой четыре пути к достижению нирваны (чуть только услышав упоминание о ней, все собравшиеся воскликнули «Садху!»). Свою учёную проповедь, длившуюся около двух часов, он завершил призывом к собравшимся упражняться в терпении, и, следуя наказу Будды, не допускать даже одной злонамеренной *мысли* о том, кто был с тобой жесток и угнетал тебя.

У священника не было ни книг, ни заметок для справки, однако его умение свободно приводить цитаты из различных палийских работ, указывая заглавия книг в подтверждение собственных заявлений, ясная и логичная манера его размышлений, объяснение каждого трудного термина, который он использовал, с точностью до каждого слова, а также умелое подведение итога были как минимум очень примечательны.

При храме, который будет возведён на земле, ныне занимаемой этим временным строением, будет училище для священников и мирян, которое смогут посещать и те студенты, что пожелают изучить один лишь язык пали в целях светского образования. Первосвященник сказал, что любому английскому джентльмену, жаждущему освоить язык пали, он будет давать уроки с превеликим удовольствием.

Учения буддизма. Нирвана

Буддизм обвиняют в атеизме. Это категорически несправедливо. Верно, что буддисты не верят в личного человекообразного Бога, подверженного ограничениям и даже таким страстям, как гнев и ревность, но всё-таки они *верят* в высшую Силу, в несказанное, беспредельное Присутствие. Верят они, более того, в то, что вездесущий Бог не станет через какое-то отдалённое время судить этот мир, но вместо этого он воплощён во *всех* мирах и в самоисполняющихся законах, что главенствуют в физическом и этическом универсуме. Соответственно, для просветлённого буддиста жизнь — это процесс за-

севания и жатвы плодов, неизмеримая череда причин и следствий грехов и наказаний, покуда он не достигнет нирваны. Такова *жизнь души*, её бесконечное развёртывание.

Было бы довольно-таки бесполезно, если не сказать скучно, рассказывать о том, что именно Будда, как и вслед за ним современные буддисты, имеют в виду под вхождением в нирвану. То, что я расскажу об этом вопросе, происходит не из моих предрассудков; не являются источником для меня и выбранные из книг высказывания и фрагменты миссионерских проповедей, так часто цитируемые в нынешней литературе, скорее это — мои расспросы в домах, храмах и училищах священников. Кажется, для миссионеров сложновато разглядеть светлую и прекрасную сторону в том, что они окрестили «язычеством». То, что в этом вопросе есть свои позднейшие напластования и суеверия, я охотно признаю, но не имеются ли они в любой другой великой мировой религии? Пока миссионеры обучают народы Востока английскому языку, пока они наставляют их в науках и искусствах, они творят великое добро, но в том, что касается религии, они не могут сказать людям Востока ничего *нового*, что было бы в то же время и *истинно*.

Я лично беседовал с большим количеством учёных буддийских священников на Цейлоне, в Китае и других восточных странах, и за малым исключением все они уверяли меня, что вхождение в нирвану — это избавление от болей, скорбей и разочарований, окончательное освобождение от перерождений и сладостное, божественное, но притом осознанное *отдохновение*, полностью не выразимое ни на одном языке. А один тот священник, что

занимал иную позицию, верил не в абсолютное уничтожение души, но скорее в её субъективное несознательное состояние — нечто вроде окончательного слияния с непознаваемым!

Для любого беспристрастного исследователя восточных религий должно быть очевидно, что и намерения буддистов, и подлинное устройство их древних писаний, и современные наставления их наиболее учёного духовенства — все они показывают, что нирвана не является прекращением сознательного существования даже в переносном смысле! И более того, это самым ясным образом демонстрируется в буддийских писаниях — *писаниях*, происхождение которых может быть прослежено до времени самого Гаутамы Будды — а именно, что сам Будда блаженствовал в нирване, всё ещё пребывая в своём смертном теле, и что после телесной кончины он являлся своим ученикам во славе своей. Скажем об этом словами Макса Мюллера:

Если мы учтём, что сам Будда уже после познания нирваны оставался на земле, пока его тело не стало добычей смерти, что по легенде Будда являлся своим ученикам даже после своей смерти, то, как мне кажется, все эти свидетельства едва ли согласуются с ортодоксальной метафизической концепцией нирваны.[†]

Он сообщает также:

Нирвана означает прекращение многих вещей: себялюбия, желания, греха, но о прекращении сознания или тем более самого существования речи не идёт.[†]

В рецензии на «Дхаммападу» Макса Мюллера Джеймс Алвис, член Королевского Азиатского общества и Парламентского совета Цейлона, отмечая, что Гаутама Будда обрёл при жизни не только буддство, но и предвкушение нирваны благодаря умеренности, самопожертвованию, молитве и праведному житью, продолжает свою мысль так:

Но относительное счастье буддистской нирваны — это то, что обретается в этой самой жизни. Достигший прекращения рождений — обрёл нирвану. Обретающийся в своём последнем теле, но всё ещё живой — обрёл нирвану. Эти и многие другие тексты ясно показывают, что человек обретает нирвану уже в этой жизни.[†]

Так и схожий род текстов в Новом Завете указывает, что нирвана — жизнь вечная, жизнь в духе — может быть в некоторой степени обретена и обильно распробована в текущей жизни. Таков посыл следующих библейских пассажей: «Сия же есть жизнь вечная» [Ин. 17:3], «Я есмь воскресение и жизнь» [Ин. 11:25], «Ходите в духе» [Гал. 5:16], «Мужайтесь: я победил мир» [Ин. 16:33]. Религиозное сообщество, известное в Америке как шейкеры, учения и практики которого напоминают буддийские более, нежели любые другие, называет эту *нирваническую жизнь* «жизнью в воскресении». Это спокойная, безмятежная жизнь души, умозрительно протекающая поверх плана телесной природы и земных страстей. Это раскрепощение и Победа!

Будда, говоря об архате Сальхе, сказал: «Он превзошёл все свои страсти и обрёл состояние нирваны».[†]

Когда буддист, благодаря рвению и усилиям, достигает высшей степени духовности, он считается *архатом*. И эти *архаты* соблюдением диеты, постами и молитвами становятся настолько духовными, настолько эфирными, что могут подниматься в воздух, до некоторой степени управлять стихиями и даже становиться невидимыми или исчезать из поля зрения, как и Иисус, который много дней ходил по земле в своём духовном теле.

Нагасена, буддийский проповедник дохристианской эпохи, сказал:

Нирвана – это небесный покой, разрушение бесконечных печалей сего мира, обитель обителей, которую невозможно описать.*

И Ван Цинфу, китайский учёный и буддист, который недавно путешествовал по Америке, говорил схожим образом:

Под *нирваной* мы все понимаем окончательное воссоединение с Богом, одновременное с обретением человеческим духом совершенства благодаря полному отъединению от материи. Это нечто, совершенно противоположное *уничтожению личности*.*

По мнению всех смыслящих буддистов, нирвану можно обрести лишь борьбой, самоотверженностью, отречением от мирских удовольствий, освобождением от хитросплетений эгоизма, жизнью в воздержании, праведными намерениями и глубокой верой в беспредельную, несказанную Сверхдушу Вселенной. Она состоит из оправдания всех надежд, осуществления всех

прекрасных чаяний, исполнения всех божественных пророчеств, вечного становления, неувядаемой славы сознательного бессмертия!

Жертвенное искупление

Великой системе буддизма ничего не ведомо о распятом Спасителе, о спасении искупающей кровью. Его базовые основания покоятся на неизменном принципе причины и следствия. Грех и наказание, добродетель и счастье нераздельно связаны согласно учению Гаутамы Будды. Послушайте:

К грешнику возвращается грех, как тончайшая пыль, брошенная против ветра [ДП 125].

Ибо, как не сразу свертывается молоко, так содеянное злое дело не сразу приносит плоды; тля подобно огню, покрытому пеплом, оно следует за этим глупцом [ДП 70].

Ибо сам человек совершает зло, и сам оскверняет себя. Не совершает зла он тоже сам, и сам очищает себя. Чистота и скверна связаны с самим собой. Одному другого не очистить [ДП 165].

Все вещи обусловлены разумом, их лучшая часть — разум, из разума они сотворены. Если кто-нибудь говорит или делает с нечистым разумом, то за ним следует несчастье, как колесо за следом везущего [ДП 1].

В этом мире радуется он и в ином – радуется. В обоих мирах творящий добро радуется. Он радуется – не нарадуется, видя непорочность своих дел [ДП 16].

Вдумчивые, упорные, всегда стойкие и мудрые, они достигают нирваны, свободной от привязанностей и несравненной [ДП 23].

В своей превосходной работе «Индийский святой, или Будда и буддизм» Чарльз Миллс утверждает, что «здесь нет учения о торгашеском выкупе, нет ни тени западной мечты об искуплении жертвенной кровью». Далее он говорит:

Уэслианский миссионер Спенс Харди, много лет проживший на Цейлоне, считает этот вопрос одним из наиболее безнадежных в деле обращения буддистов; они ничего не знают о спасении кровью. Это настолько чуждо всей системе их религии, что в восточном уме не находится ни единого места, с которым можно было бы эту концепцию сопоставить. Об искуплении буддист не знает ничего.[†]

Влияние буддизма на нравственность

В буддийских странах моральный настрой выше, а практика добродетелей куда более распространена, чем в христианских. Это подтвердит любой непредвзятый путешественник, равно как и всякий честный и достойный доверия житель Цейлона, Сиамы, Китая и Востока. Только на прошлой неделе в Мадриде были устроены

бычьи бои в честь свадебной церемонии короля и королевы. А Испания, как вы помните, христианская страна. Города усеяны величественными соборами, холмы венчают богато украшенные церкви. Господствующий символ — крест, месса — главное песнопение и неумолчное эхо уходящих времён. И при всём этом знать, *элита*, и даже дамы этого королевства, собираются на зрелище кровавой бойни быков, где мужчины-христиане, одетые как дикари, трясут перед глазами быков алыми полотнищами, чтобы те, разъярившись, ввязались в кровопролитную драку! А когда бока этих бедных животных уже утыканы горящими стрекалами, попоны лошадей изодраны в клочья, а мужчины на арене покрыты ссадинами и кровью, лужи которой пролиты на земле, эти дамы — эти христианки римо-католической Испании — радостно вскрикивают и машут платками, — так пишут испанские журналы. Как ни прискорбно писать это, но бычьи бои, собачьи бои и человеческие бои — последние называются *войной* — указывают на состояние христианской нравственности в наше время заката XIX века.

Страницы английских газет часто переполнены сообщениями о пьянстве, грабежах, ночных побоищах и дерзких убийствах. Лондонская «Таймс» пишет об одном ужасающем убийстве, которое на днях произошло в Вест-Энде:

Обстоятельства, явственно представшие перед нами, дают лишь малое представление о той жестокости, на которую способны мужчины и женщины, живущие с нами бок о бок.

В Америке с её стотысячным духовенством, миллионами библий и *ревивалистами* на зарплате ситуация

с нравственностью не лучше, чем в Англии или в России. Общественная печать предоставляет тому доказательств в избытке. Редактор газеты «Хорнсвилл Таймс» утверждает:

Свидетельства прошлых времён не давали картины общественного состояния страшнее и испорченнее той, что ныне наблюдается в Соединённых Штатах. Газеты со всех концов страны всё более и более полнятся сообщениями о преступлениях.

Хоть эволюция и превратилась в кредо как у воцерковлённых и невоцерковлённых вольнодумцев, так и у стойких верующих – никогда ещё не бывало такого разгула преступлений. Страницы наших газет каждый день наполовину заполнены случаями разводов, похищений людей, железнодорожных ограблений, самоубийств, аборт, коррупции, ночных грабежей и убийств – к чему мы идём? Когда же наступит рассвет нового века? («Луисвилль Адвертайзер»).

«Сайентифик Америкен» говорит:

Всеми партиями признаётся, что преступления самого вопиющего и беспрецедентного характера захватили страну в масштабе, ранее неизвестном.

Хотя пять раз я объехал весь свет, проводя время в буддийских храмах, целые месяцы в домах брахманов и буддистов и целые годы в их странах, я ни разу не видел буддиста в состоянии опьянения. Убийства сравнительно неизвестны, воровство необычно, а невежество пре-

валирует лишь там, где люди Востока мешаются с христианскими нациями Запада. Подытожим это словами Ван Цинфу, китайского оратора и буддиста, сказанными им на лекции в Чикаго, США:

Пусть мне покажут того, кто хоть раз услышал, как китаец — мужчина, женщина или ребёнок — поминал бы имя Всемогущего Бога всуе, разве что это было сказано им по-английски уже после того, как он был развращён.[†]

Епископ Биганде отдаёт дань не только всеобщей доброте, сдержанности и нравственности буддистов, но и благотворному влиянию этой системы на женщин.* Их религия не признаёт касты, и они естественным образом признают, что все мы — братья. Сердца их кажутся полными ласки и любви. Они тщательно заботятся о больных и пожилых. Уважение и любовь к родителям на Востоке давно вошли в поговорку.

Следующее составляет этический кодекс, или пять великих заповедей буддистов:

1. Не убий.
2. Не укради.
3. Не прелюбодействуй.
4. Не лги.
5. Не употребляй никаких опьяняющих напитков.

Этот нравственный кодекс в некоторых буддийских странах был дополнен, и число заповедей возросло до десятка. Включая в себя первые пять, этот набор был

дополнен другими из их священного канона, и представляет из себя следующее:

1. Не убивай ни одно живое существо, будь то малейшее насекомое или же человек.
2. Не укради.
3. Не посягай на чужую жену.
4. Не говори ни слова лжи.
5. Не пей ни вина, ни другого пьянящего напитка.
6. Избегай любого гнева, ненависти и грубости.
7. Не предавайся лени и пустословию, делай всё ради других.
8. Не возжелай имущества ближнего своего.
9. Не питай ни зависти, ни гордости, ни мести, ни злонамеренности, не желай ближнему своему смерти и неудачи.
10. Не следуй учениям ложных богов.

Те, кто соблюдают эти заповеди, кто подчинил свои страсти, кто старается жить в согласии с высочайшими идеалами, кто в борьбе одолел своё себялюбие и обрёл совершенное господство над своим низшим земным «я», находятся на пути к нирване — успокоению Будды.

Что буддисты едят? И на что существуют?

Слово Будда значит «просветлённый», то есть осенённый божественным светом. Хотя Гаутама Будда и побуждал других к самоотверженности и чистоте, чтобы и они

тоже стали буддами, он не одобрял бессменного лидерства. Напротив, избрав умиротворённую жизнь в самоотречении, он скрыл себя за учениями и истинами, которые провозглашал. Это всегда было и моей целью как в своей собственной стране, так и в дальнем зарубежье. Такова же была цель и моих товарищей в эту эпоху воссоздания, в эпоху ангельских служителей. Вдохновляющие истины, нравственные завоевания и безличные принципы — вот подлинные вожди, ведущие людей к горным вершинам святости и гармонии. Истины, оглашённые этим великим индийским святым, Буддой, вели миллионы людей по пути к лучшей жизни.

Во всех буддистских странах великую роль в пропитании играет рис, и учения буддийского духовенства в общем одобряют принятие в пищу овощей и фруктов. Хотя некоторые из последователей этой религии и едят в умеренных количествах мясо, всё же самые строгие и праведные из них, их *посвящённые*, никогда не пробуют его и даже не касаются животной еды. Эти священники обычно носят простые жёлтые одеяния, и, поскольку они живут на подаяние, они вынуждены брать то, что им дают, и это иногда частично оказывается мясной пищей. Они едят её не по желанию, а скорее по необходимости, если только не из-за её одной. Если животное убили специально *для них*, то есть его они не будут.

Самый дух буддизма противоречит мясоедству, ибо всякая жизнь священна, ибо убийство причиняет животному боль, и потому что поедание мяса ведёт к огрублению тела и оглуплению ума. Буддисты не пьют крепких опьяняющих напитков. Священники обычно едят один раз в день, как правило — до полудня. Даже если они

едят два раза, оба эти раза приходится на то время, когда солнце ещё не пересекло полуденный меридиан. Вторую половину дня они посвящают трудам благотворительности, молитвам и медитации.

[Наиболее популярная религия на земле, или скорее система морали, если исходить из численности последователей — это буддизм. Её основателем, как уже было указано, был Гаутама Будда, чьё настоящее имя было Сиддхартха. Он был царевичем в Капилавасту, а отцом его был царь Шуддходана, правитель племени шакьев арийского происхождения.

Будд было много, но Гаутама Будда был величайшим. Родился он за 623 года до христианской эры.

Дэва — ангел, или дух — явился ему, когда он ехал на отцовской колеснице, и сказал ему отринуть близящееся восхождение на престол и удалиться в тишину джунглей для медитации, поста и молитвы, став отшельником. Через какое-то время он впал в транс и упал на землю, так что его спутники-брахманы подумали, что он мёртв. Очевидно, ему было видение ангелов с пророчеством о будущем. В этом явлении дэвы сказали ему идти и проповедовать высшие философские истины, такие как: отбросить касты, не отнимать жизнь, мыслить в чистоте, делать всё для других и т. д.

Его учения быстро распространялись, войдя вскоре в состязание с метафизическим учением брахманов. Сейчас буддистов около полумиллиарда.

Будда оставил жену, ребёнка и царский дворец. Когда он уходил, жена горько стенала и плакала. Она послала к нему Рахулу, чтобы он передал ему наследование как сыну царевича.

Гаутама Будда странствовал и проповедовал сорок пять лет, скончавшись, как сообщается, из-за принятия тяжёлой пищи в Кушинагаре в 120 милях от Бенареса, на лежанке между двух деревьев сал. Его существование отрицается рядом нерелигиозных агностиков-материалистов, которые находят удовольствие в своих попытках лишить мир каких бы то ни было великих лидеров].*

Что такое нирвана? *

Будучи на Цейлоне, в Коломбо, во время своего второго кругосветного путешествия, я имел долгую беседу с Хиккадуве Сумангалой, первосвященником Адамова пика. В ходе этой чрезвычайно интересной беседы в пальмовой роще рядом с буддийским храмом, я учтиво спросил его: «Что вы понимаете под вхождением в нирвану?»

Северные буддисты в Японии и Китае с южными и другими расходятся в этом вопросе, подобно христианам, когда те стараются определить местонахождение и содержание Царствия небесного.

— Для меня, — сказал первосвященник, монах из монахов Сумангала, — нирвана значит полное прекращение обыденной жизни и сознания, возвращение в бесконечную сущность бытия, подобно тому, как капля росы падает в поток, а поток затем сам теряется в океане.

И снова: что такое нирвана? *

Состояние полного прекращения изменений, совершенный покой, отсутствие желания, иллюзии и печаль

ли, полное уничтожение всего, что составляет физического человека. До достижения нирваны человек постоянно перерождается; когда же достигнет нирваны, он не родится больше [БК 130].

Буддизм отрицает существование атмана, то есть вечного неизменного Я. Вечное – не вещь, не конкретная действительность, не совокупность, не материальное существование, а вездесущность тех вечных истин, которые воплощают все идеалы добра, истины и красоты.^П

Представление о духе и душе *

Буддизм решительно отрицает сверхъестественное, он противостоит этим представлениям о душе, о том, что существование человека зиждется на некоем бессмертном духе, который сохраняется после смерти тела; это безосновательно и может существовать лишь в человеческом воображении.

Что касается этих анимистических идей, то мы должны сказать, что они лежат в основе всех религий мира, кроме одной. Это наша буддийская вера, учения великого индийского Мудреца, данные им две с половиной тысячи лет назад – религия, которая в своих священных книгах в самой категоричной манере отвергает существование в человеке какого-либо бессмертного принципа, которая отрицает существование какого-либо Высшего Существа, замещаемого единственно вечным главенством закономерности.^П

Перерождение — скандхи *

Определённо, что подавляющее большинство буддистов не имеют в своей религии или религиозной этике сознающего бессмертного духа. Некоторым спиритистам-материалистам они говорят, что человек — это продукт материи и бессознательной силы, что человек по сути своей — это собрание ощущений, восприятий, воспоминаний, форм и сознания. Эти совокупности, в количестве пяти, называются скандхами, и все до одной переходны, изменчивы и непостоянны. У человека нет бессмертной души. Душа — лишь слово, используемое невеждами для выражения ложной идеи [БК 228].

— Что же есть то, что рождается?

— Новая группировка скандх, или Индивидуальность, порождённая прошлой производящей мыслью умирающего человека. [БК 233]

Часто говорится, и, боюсь, не без некоторых предрассудков, что в буддизме нет ни Бога, ни бессмертия, а раз так — нет и молитвы, и предвкушения встречи со старыми друзьями по ту сторону. Нужно понять раз и навсегда, что буддизм очень разнится от страны к стране, так же, как римо-католичество. У тибетских буддистов есть молитвенные барабаны, которые они вращают с востока на запад, следуя ходу солнца. Но эти молитвенные ритуальные барабаны на Цейлоне и в Бирме неизвестны. Нет их в наши дни и, насколько позволяет судить исто-

рия, их никогда не бывало — даже в священном городе Анурадхапура почти в самом центре Цейлона.

Священный язык буддистов как северных, так и тантрических — это санскрит; но после им стал индусский пали, а затем — и собственно пали, ответвление более древнего санскрита. Его использовали для написания некоторых книг.

Как было сказано ранее, буддизм меняется от страны к стране. Это относится не только к нирване или молитвенным барабанам. Учение о переселении душ, грешных человеческих душ — это основополагающая догма для китайских буддистов, но в то же самое время таковою является и учение о вечных адских мучениях. Несмотря на мою осведомлённость и в учениях, и в обрядах кальвинистских теологов, я никогда не видал картин адских мук — изображений, где демоны-драконы вливали кипяток и раскалённое масло в глотки обречённым — страшнее тех, что я видел в китайских буддийских книгах.

Смерть Гаутамы Будды

Обобщённые свидетельства учёных, равно как и истории сямцев, бирманцев и сингалов сходятся в том, что Шакьямуни Гаутама Будда умер естественной смертью в возрасте около восьмидесяти лет; это произошло во время правления Аджаташатру. Тело его на восьмой день после смерти было сожжено, и во время его кремации *наты*, возвышенные сущности божественного мира, парили над трупом, играя прекрасную музыку и рассыпая над собравшимися изысканные ароматы.

Согласно книгам и легендам Востока, Будда творил не только такие чудеса, как исцеление больных одним касанием, повеление стихиями, полёты по воздуху в окружении своих архатов или путешествия в иные миры, но он ещё и предвидел и пророчески предсказал свою кончину. Соответственно, епископ Биганде, который часто говорит о впадении Будды в транс, повествует о том, что когда Великий Мудрец, усталый и изнурённый, пришёл в Велуву, на него напала болезненная хворь. Но епископ продолжает:

Зная, что это было не то место, что он бы выбрал для последних своих мгновений, он поборол злое воздействие болезни и вскоре впал в состояние абсолютного транса, в котором какое-то время оставался. Очнувшись от него, он оказался вновь в своих привычных силах.[†]

Однако дряхлость старческих лет брала своё. Будучи номинально пока ещё в своём теле, он уже жил в преддверии Небес. Однажды он сидел под деревьями сал вместе с Анандой, давая ему предсмертные наставления, как ему доложили, что его хочет видеть Субхути. Его привели к Будде, чтобы он мог обратиться в религию. Спустя несколько мгновений безмолвного созерцания, как он обычно делал, Будда сказал:

Я провёл пятьдесят один год, следуя путям арьев, путям самоотречения и добрых трудов, вращая колесо закона. Они привели меня к нирване. Проследовать по этому пути – значит стать буддой, и все могут стать буддами. Двадцать девять лет и по сей день я овла-

девал высшей и совершенной наукой. Я овладел ею.
Я пребываю в мире.*

Когда приблизился его смертный час, он призвал Ананду с архатами и сказал:

Когда я уйду из этого состояния существования и меня с вами больше не будет, не говорите, что Будда ушёл и больше с вами не пребывает. Не думайте, не верьте, будто Будда исчез и что его нет с вами.†

Ананда был племянником Будды, и их любовь друг к другу превзошла только любовь, что была между Иоанном и Иисусом. В подлинно гармоничном человеке интеллект и чувства находятся в равновесии. Последние часы Будды были заняты проповедью и разъяснением друзьям тех великих духовных тем, которым он посвятил свою зрелую жизнь и последние годы. Он ушёл утром — и солнце этого утра не знало заката.

ВЕЛИКИЕ ДЕБАТЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЖОНА КЭППЕРА

Даже те, кто знаком с повседневной деревенской жизнью на Цейлоне, едва ли могут представить себе, что являла собой Панадура во время великого словесного противостояния между протестантами и буддистами. Дискуссия была назначена на восемь часов утра, и задолго до этого времени можно было наблюдать, как тысячи местных жителей стекались, одетые в свои наиболее нарядные, праздничные платья, в пределы широкого огороженного пространства, в котором стояло просторное бунгало, где и должны были встретиться противники. К семи всё пространство вокруг превратилось в одно сплошное море голов. От каждого округа пришло определённое количество селян, а Коломбо был представлен несколькими одетыми в шелка молодыми сингалами интеллектуальной наружности, готовых пожертвовать всем, чем угодно, ради своего великого поборника буддизма — Мигеттуватте.

Сторона протестантов тоже была очень сильна. с понедельника катехизаторы и духовенство всех деноминаций, миссионеры баптистов, уэслианцев и [англиканской] Церкви прибывали со всех концов острова, собираясь в приготовленном для них большом здании. Один из них, учёный-ориенталист, оставил свои скитания по дебрям Анурадхапуры ради того, чтобы принять участие в важной дискуссии и ассистировать представи-

телю протестантов — преп. Давиду да Сильве. Здание-временка, арена этой полемической схватки, представляло собой аккуратное сооружение, укрытое циновками из пальмовых листьев; внутри него располагался помост, разделённый надвое: на одной стороне располагались преп. Давид да Сильва со своими сторонниками, а другую занимал преп. Мохоттиватте Гунананда, широко известный как Мигеттуватте, вместе с двумястами священниками. Была сделана попытка [зрительно] определить численную мощь каждой из фракций путём установки перегородки по линии, разделяющей помост, на котором сидели уважаемые господа, однако всё увеличивавшееся количество присутствовавших сделало это невозможным. Само бунгало представляло собой чрезвычайно нарядное зрелище: сторона протестантов была украшена ветвями вечнозелёных растений, навес и скатерти на их столах были белоснежны. Буддисты, однако, прибегли к большему цветовому разнообразию: скатерти у них на столах были насыщенно-алыми, полотняный навес был подобен французскому триколору, а гирлянды — самых разных оттенков вдобавок к жёлтым шёлковым и атласным одеяниям самих священников. И это были ещё не все собравшиеся. Там был и отряд полиции Цейлона под началом инспектора Экенаеке, одетого по форме; в перчатках, подпоясанный, восседая на своём благородном коне, он раздавал приказы горстке полицейских — было их около четырнадцати — и производил среди собравшихся толп всевозможные перестроения; однако порядок и тишина среди пяти или шести тысяч людей царили не благодаря их присутствию, что оказывалось очевидно не раз и не два в ходе собрания.

Все они — облачённые в жёлтое священники, отделанная соболями одежда протестантского духовенства, фантастические наряды народного сборища, инспектор, стоящий абсолютно прямо в стремянах во время объезда, сопровождаемый с обеих сторон ребячней всех возрастов и телосложений, неторопливый гомон человеческих голосов, который то поднимался, то стихал, словно волны в океане, перемежаемый то и дело звонкими голосами вездесущих торговцев щербетом и продавцов жареного гороха — неперенных спутников любой цейлонской народной толпы — делали сцену в высшей степени живописной. В Европе можно увидеть толпы куда более многочисленные, но, конечно же, столь пёстрое собрание, как то, что образовалось по этому случаю, можно увидеть только на Востоке. Представьте всех этих людей, сидящих и жадно внимающих словам священника в жёлтых одеждах, восседающего на помосте, полном буддийских жрецов и духовенства, и вы сможете получить некоторое — пусть, несомненно, и весьма слабое — представление об этой разнородной массе, очарованной демонстрацией сингальского красноречия, редко слышимого в этой стране.

Довольно об общем виде места действия; теперь — несколько слов касательно выступающих, по крайней мере об одном из них, буддийском священнике Мигеттуватте, ибо он сравнительно мало известен весьма и весьма многим. Он хорошо сложенный человек сорока пяти или пятидесяти лет от роду, довольно приземистый, очень интеллектуального вида, с глазами, выражающими великий скепсис, и улыбкой, которая может означать как глубинное удовлетворение, так и высочайшее

презрение. Годы назад из-за некоторых разногласий со своими собратьями он оставил секту, к которой принадлежал, и основал свой собственный храм в Коттанчине неподалёку от Колледжа св. Фомы в Мутвале, и при помощи одного хорошо образованного местного жителя затеял регулярные чтения лекций, а также напечатание, при помощи печатного прессы, им же самим устроенного, направленных против христианства памфлетов. Уэслианцы, единственная из всех деноминация, озабочившаяся тем, чтобы выступить в защиту веры Христовой, проводили разнообразные встречи, на которых звучали речи и обращения из уст учёного знатока пали преп. Сильвы, преп. Перейры и г-на Джона Перейры, в то время как содержание этих обращений затем публиковалось в нескольких издаваемых этим обществом периодических изданиях. Это молчаливое противостояние завершилось около 1867 года. Желательность дискуссий между конкретными личностями, однако, пришла на ум спорщикам лишь несколько лет спустя, и грандиозная схватка в Баддегаме, в которой христианские миссионеры играли ведущую роль и которое явилось первым событием подобного рода; но в том случае дискуссия велась целиком на бумаге, и публике не была предоставлена возможность оценить в сравнительном ключе заслуги ведущих лиц, представлявших обе стороны. Но в данном случае ни одно из этих обстоятельств не могло затруднить спорщиков. Каждому было отведено на выступление по целому часу, которым можно было воспользоваться как для выявления изъянов религии оппонента, так и для ответов на выпады противника, либо же и для того, и для другого одновременно.

Поскольку преп. Давид да Сильва оказался первым из высказавших некоторые утверждения, направленные против буддизма, в одной из серий проповедей, читанных им тогда в уэслианской часовне Панадур, о которой Мигеттуватте высказался особо, называя её ложной и призывая всякого христианина впредь придерживаться точности, его (г-на Сильву) попросили открыть мероприятие с оглашения его аргументов против буддизма.

Прения начинались каждый день в восемь часов утра и оканчивались в десять, возобновлялись в три часа пополудни и завершались в пять. Поскольку на диспут было отведено всего двое суток, то у каждого выступающего в общей сложности было в распоряжении четыре часа. У буддийского священника, как это будет ниже видно, было благодаря такому устройению преимущество последнего слова, а для такого превосходного мастера публичных выступлений, как Мигеттуватте, преимущества такой позиции были неисчислимы. Защитник христианства, г-н Сильва — знающий, бегло говорящий, эксперт в пали и санскрите, он обращался к аудитории так, будто бы каждый из собравшихся был Дж. Алвисом, Луисом Зойсой, Чайлдерсом или Максом Мюллером; он никогда не испытывал недостатка в словах, но позабыл, что возможности восприятия у его аудитории были ограничены, и что заумная метафизика Будды и учёные изыскания в области *кхандх*, *аятан* и *патичча-самутпад*ы, в которой он чувствовал себя почти как дома, не соответствовала способностям его слушателей. Сомнительно, было ли хотя бы три десятка из пяти или шести тысяч присутствовавших на собрании, кто мог бы понять изысканный, но вместе с тем строгий и классический язык, при

помощи которого он давал пояснения на практически непостижимые темы, не говоря уж о самих этих темах. Его перевод выдержек из пали мог быть и верен, но кому было о том судить? Уж точно — не селянам, высыпавшим из джунглей *корле* Райгам и Пасдум. Христианская сторона настолько хорошо осознавала этот изъян судейства, — если не назвать это хлеще, — что впала в уныние, и некоторые её представители давали отповедь оппонентам в довольно сильных выражениях к очевидному успеху буддистов в первый день.

Преп. Мигеттуватте Гунананда был ему полной противоположностью. Он приспособливается к возможностям своей аудитории и использует простейший язык, какой только возможно для подобающего освещения своих тем. Высмеивая идеи г-на Сильвы, который, по его мнению, обладает всего лишь поверхностным знанием пали, пытается перевести сложные выдержки из работ на этом языке, сам он, однако, справляется с трудностями при помощи предельно легковесных аргументов. Из всех слабых мест протестантизма он касается только тех, что вызывают у людей насмешки и презрительные ухмылки, и выдаёт весьма эффектную речь, тем более привлекательную благодаря отточенным движениям его рук вкупе с интеллектуальными разглагольствованиями, которые простолюдины слушали с глубочайшим вниманием, и отзвук которых продолжал звенеть у них в ушах ещё несколько минут спустя после того, как они были оглашены.

Среди присутствовавших в бунгало мы отметили преп. С. Лэнгдона, Р. Тебба, С. Коулса, С. Джаесингхе, П. Родриго, Хосе Фернандо, Л. Натаниэльса, О. Дж. Гуна-

секару, Дж. Х. Абаясекару, Х. Мартенса, Х. Сильву, Хуана де Сильву, Д. Фонсеку, С. Сойса Модлиара, д-ра Стейплса, поверенных Джаесингхе, Даниэля и Элвиса, а также собрание катехизаторов и прочих.

Поборника буддизма поддерживали учёный перво-священник Адамова пика, Сипкадуа [sic] Сумангалабхидана, Булатгама, Дхаммаланкара, Субхути, Потувила Индаджоти, Коггала, Сангхатисса, Амарамоли, Гунарата и Велингаме Теруннансес — один из способнейших ориенталистов среди буддийских священников на острове.

ПЕРВАЯ РЕЧЬ ПРЕП. ДАВИДА ДА СИЛЬВЫ

Двумя минутами ранее назначенного часа преп. С. Джаесингхе (Церковное миссионерское общество) выступил вперёд и в нескольких словах попросил слушателей обеспечить то внимательное отношение и тишину, которых заслуживают предметы, что будут затронуты преп. г-ном Сильвой в его речи. Со стороны буддистов пожилой священник Булатгаме высказал такую же просьбу, выразив надежду, что выступающие не будут забывать о сдержанности в своих речах по ходу дискуссии.

Едва только часы показали восемь, преп. Давид да Сильва, поднявшись, обратился к толпе. Он заявил, что перед тем, как вступить в дискуссию, необходимо пояснить причины, её вызвавшие. 12 июня в уэслианской часовне Панадуры он прочёл лекцию, посвящённую учению Будды о человеческой душе; 19-го числа того же месяца буддийское сообщество обратило на неё особое внимание, объявив её неверной. Настоящее мероприятие, таким образом, призвано продемонстрировать, что данное учение буддизма имеет касательство к душе, и он надеется, что буддийское сообщество, если только это возможно, воспримет его аргументы должным образом, а собравшиеся решат для себя, чьи же утверждения переселят.

Он заявил, что буддизм учит тому, что у человека нет души, и что тот же самый человек не получает никакого воздаяния ни за добрые, ни за дурные действия.

Согласно буддизму *самма* — чувствующие существа состоят из пяти *кхандх*, а именно *рупа-кхандхи* — органи-

ческого тела, *ведана-кхандхи* — ощущений, *санна-кхандхи* — восприятий, *санкхара-кхандхи* — рассудительных способностей, и *виньяна-кхандхи* — сознания. В доказательство этого утверждения он процитировал отрывок проповеди Будды из Самьютта-никаи [22:48], а также из Сутта-питаки.

О монахи, я объясню о пяти *кхандхах* и пяти *упакхандхах*, слушайте же, монахи, что же есть пять *кхандх*? <...> Монахи, тело, прошлое ли, настоящее или будущее, врождённое или чуждое, грубое или тонкое, основное или возвышенное, близкое ли, далёкое, — называется *рупа-кхандхой*, материальной формой. Так же и *ведана* <...> Так же и *санна* <...>. Так же и *санкхара* <...>. Так же и *виньяна*.[†]

Так же говорится и об *упадана-кхандхах*, удерживающих *кхандхах*.

Монахи, что же такое *упадана-кхандхи*? Монахи, тело, прошлое ли, настоящее или будущее, врождённое или чуждое, грубое или тонкое, основное или возвышенное, близкое ли, далёкое, — называется *рупа-упадана-кхандхой*. Так же и *ведана*, <...> *санна* <...>, *санкхара* <...> и *виньяна*. [СН 22:48][†]

Монахи, если любой монах или брахман, смотрящий на чьё-либо разнообразное «я», видит что-либо, всё это видится в пяти удерживающих *кхандхах*. [СН 22:47][†]

Также из следующей строфы из «Кавьясекеры», лучшего из сохранившихся произведений на языке элу.

Пять осквернённых *кхандх*
 Составляют страдание:
 Они суть *рупа*, *ведана*, *санна*,
Санкхара и *виньяна*. *

Тот же самый индивидуум, как было заявлено, состоит из двенадцати *аятан*, органов: это *чаккаятана* — глаза, *сотаятана* — ухо, *гханаятана* — нос, *дживхаятана* — язык, *кайятана* — тело, *манаятана*, с их *бахиддхаятанами*, внешними *аятанами*, которые суть *рупа* — телесная форма, *садда* — звук, *гандха* — запах, *раса* — вкус, *пхоттхабба* — прикосновение и *дхамма* — события. Следующие выдержки подкрепляют это утверждение.

Монахи, что есть шесть *аятан*? Глаз, ухо, нос, язык, тело и ум. [СН 12:2] †

Монахи, я обучу вас *саббам* — всему; слышите ли, монахи, что есть всё? Глаз и телесная форма, ухо и звук, нос и запах, язык и вкус, тело и прикосновение, ум и события. Монахи, это и называется «всё». [СН 53:23] †

Монахи, что такое *нама-рупа*? *Ведана* — ощущения, *санна* — восприятие, *четана* — способности разуме-ния, *пхассо* — касание и *манасикаро* — объекты ума. Вот что называется *нама*. То, что составлено из этих четырёх элементов, называется *рупа*. [СН 12:2] †

Что есть *нама*? Ощущение, восприятие и различение. [АП, Вибханга, 251] †

Также в «Милинда-паньхе» утверждается:

Всё грубое – есть *рупа*; всё малое, – ум и мысли, – это *нама*.[†]

Таким образом, первые четыре *кхандхи* с очевидностью упоминаются как составляющие *нама-рупу*. Но из следующей цитаты станет ясно, что пятая *кхандха*, сознание, не может существовать независимо от предыдущих четырёх.

Монахи, если кто скажет: я покажу прибытие и отбытие, смерть и рождение, рост, расширение и полное развитие *виньяны*, сознания, независимого от тела, или от ощущения, или от восприятия, или от различения, то причина не такова, как он утверждает, то есть неверна, и потому возникновение того сознания должно быть включено в остальные четыре *кхандхи*. [СН 22:59][†]

Опять же, из нижеследующих цитат из толкования [«Саммохавинодани», написанного Буддагхошей к «Вибханге»], становится ясно, что все пять *кхандх* возникают сообща, в одно и то же время:

Существа, зачатые во чреве, в этот момент зачатия пять *кхандх* начинают существовать, ни до, ни после; они начинают существовать вместе.[†]

Так, те, что были зачаты, в момент зачатия эти *кхандхи* являются совершенными.[†]

И также следующая строфа из «Кавьясекеры»:

Кроме *нама-рупы* нет ничего,
 Что составляло бы индивидуума,
 Этими двумя в их соединении
 Всегда совершается всё, что подобает.[†]

Таким образом, доказано, что весь индивидуум целиком состоит из пяти *кхандх*, или из двенадцати *аятан*, или из *нама-рупы*.

Теперь из последующих выдержек будет показано, что Будда отрицает существование души и в *кхандхах*, и в *аятанах*.

Органическая форма, монахи — это не «я», то, что не является «я», не является умом, «я» — не это, то есть, не «моя душа». [СН 22:45][†]

Так же и *ведана*, *санна*, *санкхара* и *виньяна*.

То же говорится о *рупе*, прошлой, настоящей и будущей, и т. д.

Тело, прошлое ли, будущее или настоящее, принадлежит ли оно индивиду или другим, грубое или тонкое, основное или превосходное, дальнее или близкое, всё это тело — не «моё», не «я»; оно — не «моя душа». [СН 22:124][†]

Так же и *ведана*, *санна*, *санкхара* и *виньяна*.

Также утверждается, как это явствует из нижеследующих выдержек, что и сама причина *кхандх* — бездушна, и в них нет никакой души:

Монахи, тело — бездушно, если бы была какая-либо причина или *паччайо* (нечто, благодаря чему возника-

ет вещь) к возникновению тела, они также бездушны, и если тело бездушно, где же может обретаться душа? [СН 22:20] †

Так же и *ведана*, *санна*, *санкхара* и *винньяна*.

То же утверждается и об *аятанах*; они бездушны, и в них нельзя отыскать никакой души. Следующие тексты обосновывают это утверждение.

Монахи, глаз — бездушен, если есть какая-либо причина или условие к возникновению глаза, они также бездушны, и если глаз бездушен, где же может обраться душа? [СН 35:141] †

Так же и *сота* — ухо, *гхана* — нос, *дживха* — язык, *кайя* — тело и *mano* — ум.

В определении смерти говорится:

Монахи, что есть смерть? Это прекращение существования в каждом состоянии, разрушение его остова, исчезновение его частей, уничтожение тела, кончина, разрушение *кхандх*, отбрасывание безжизненного остова — это есть смерть. [СН 12:2] †

В совете, данном Буддой монахам для отбрасывания всех желаний, находим следующий фрагмент:

Монахи, отвратитесь от привязанности к телу; ибо сия материальная форма прекратит существовать, его корни будут подрублены, оно будет уничтожено, приведено к небытию, предотвращает будущее рождение. [СН 22:25] †

В «Махападхана-сутре» [ДН 14] утверждается: «То, что возникает, прекратится»[†].

Из этих авторитетных источников ясно, что буддизм учит тому, что всё то, из чего состоит человек, исчезает со смертью, и что внутри него не существует никакой бессмертной души; если так, то человек — всего лишь скот, и что за дело ему до какой бы то ни было религии? Может ли он обладать хоть какими-то моральными принципами?

Так, если (*кхандхи*, *аятаны* и *нама*) и *рупа* составляют всего человека, и если сам Будда отрицал существование *атмы* в каждой из этих составляющих, и явственно провозгласил, что все их ожидает совершенное разрушение, следует, что нет *атмы*, или души, что переживала бы тело, — то есть, что человеческое существо ничем не отличается от лягушки, свиньи и любого другого представителя животного мира. Если это так, и от нынешнего человека ничего не остаётся, то всякая сущность, которая возникла бы впоследствии и получала бы возмездие или награду за действия, совершённые в этом мире, — а именно так, как говорят буддисты, и происходит, — то она оказалась бы другим существом, и ни в коей мере не могла бы быть идентична той персоне, которая эти действия совершила.

И это привело учёного лектора ко второй теме, о которой он задумал поговорить, но перед тем, как затронуть её, он счёл уместным процитировать несколько выдержек из Священного Писания, дабы показать своим слушателям, почему христиане верят в существование души. Предпринятая буддистами попытка противостояния этим содержащимся в Библии ясным утверждениям

относительно души была столь же тщетна и глупа, как и попытка малого ребёнка затмить яркие солнечные лучи при помощи зажжённой свечки. Он желал бы отослать их к следующим строкам Библии Божьей, уподобленной им полуденному свету:

И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю (Лк. 23:43).

И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил (Деян. 7:60).

А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело... (1-е Кор. 5:3).

И тогда, в отношении второй темы, то есть неидентичности того человека, что совершил добро или зло, и того, что получает воздаяние благом или страданием, он процитировал следующий отрывок из Самьютта-никаи [12:47]:

«Что, о Готама, — (спросил брахман), — тот, кто сотворяет действие, тот и пожинает плоды?» — «Мысль о том, что тот, кто творит, тот же, что и пожинает, о брахман, — это одна крайность (т. е. ошибка)». †

Опять же, царь Милинда задал Нагасене следующий вопрос:

— Есть ли такая сущность, которая переходит из этого тела в иное? —

на что священник Нагасена дал такой ответ:

– Нет, о великий царь, этими *намой* и *рупой* благие или дурные действия совершаются, а вследствие этих действий другие *нама* и *рупа* получаются.*

И опять, в одном из комментариев [«Висуддхи-магга»] встречаются такие фрагменты:

Те *кхандхи*, что возникли вследствие деяний в предыдущем состоянии существования, сами они исчезли. Нет ничего, что бы перешло в это состояние существования из прошлого состояния [XIX:22].[†]

Вследствие силы деяний, совершённых существами под влиянием последовательных омрачений, возникает иная *нама-рупа* [XVII:136].[†]

Опять же, что касается определения того, что есть рождение, в различных частях буддийской литературы присутствуют следующие утверждения:

Что есть, о монахи, рождение? Это произведение, зачатие, возникновение в таком-то и таком-то состоянии, появление *кхандх* и развитие *аятан*. Вот что, о монахи, есть рождение [СН 12:2].[†]

О *кхандхах* и *аятанах* говорится: *уппаттикхане патубхаванти* [МН 141] — они возникают в тот самый момент, когда происходит рождение.

Он спросил, способно ли это учение — верно изложенное им согласно тому, что имеется в их литературе — оказывать влияние на действия людей. Если эта док-

трина верна, то понятно, что те, кто совершает добродетельные поступки, не будут вознаграждены, да она не оставляет и возможности предположить, что может быть хоть какое-нибудь воздаяние, ибо пожинать плоды будет не деятель, а кто-то другой. Между тем, что толку ждать от человека, верящего в то, что жизнь его окончится подобно жизни собаки или лягушки, заботы о том, что за поступки он совершает? Не является ли это величайшей приманкой убийце, вору и сластолюбцу к воплощению своих незаконных замыслов? Что им за дело до того, насколько дурны их поступки? В будущей жизни они не понесут за них наказания; это вместо них выпадет кому-то другому; но каким же образом это повлияет на них самих? Внутри у каждого человека существует глубокое убеждение в том, что ему самому придётся страдать из-за своих прегрешений. Эта убеждённость, или совесть, присуща не какому-то одному человеку, особой расе или классу людей; это чувство всеобщее, и намеревается ли это учение Будды опровергнуть эти убеждения, живущие в сердце каждого человека? — и даже в сердце каждого буддиста? Между тем, возможно ли представить догму более плодотворную в своих губительных влияниях, побуждающую ко злу более, чем эта, которой придерживаются буддисты? — не говоря уже о том, насколько ужасающе противоречит любым представлениям о справедливости наказание одного за проступки другого. И какой лиходея не возликует от мысли, что ему не придётся страдать за то, что он творит в этой жизни?

Он хотел бы бросить вызов противной стороне, попросив её привести хотя бы один фрагмент, где такое *персональное* наказание было бы провозглашено; если

же нет такого источника, где бы это учение было изложено прямо, он готов облегчить задачу, попросив отыскать отрывок, где такая доктрина могла хотя бы *подразумеваться*. Он знает, что это невозможно. Дабы сбить с толку невежд, противная сторона может изобретать метафоры, однако вес метафор в логическом споре ничтожен, и потому, чуть только метафоры будут ею употреблены, он будет уверен, что иных доказательств у неё не имеется. Тот же самый преступник, согласно буддистам, никогда не пострадает за свои преступления. Они отрицали существование *атмы* (души), и обе эти доктрины вкупе лишь показывали, что ни одна религия ещё не предоставляла неправедным большего соблазна, нежели это делает буддизм.

Под конец он обратился к слушателям, заклиная их, во имя Всевышнего, тщательно и без предрассудков взвешивать ответы, которые будут на это даны, а затем крепко держаться открывшейся истины даже под угрозой собственной жизни. Перед тем, как завершить свою речь, он поблагодарил аудиторию — все пять тысяч человек — за ту тишину и внимание, с которым они его слушали.

ПЕРВАЯ ОТВЕТНАЯ РЕЧЬ ПРЕП. МИГЕТТУВАТТЕ

Священник Мигеттуватте (Мохоттиватте Гунананда) начал отвечать. Он сказал, что для того, чтобы составить верное представление о лекции преп. Сильвы, которую все только что слышали, не требовалось особой проницательности. Это была очень отрывочная и бессвязная речь, которой, как он уверен, никто не понял. В своих представлениях выдержек из пали, являющих собой фрагменты проповедей Будды, он был успешен ничуть не более, так как совершенно не сумел донести присутствующим верный смысл на понятном им языке.

Очень немногие из собравшихся, однако, смогли без сомнений воспринять, что главный аргумент лекции был в демонстрации того, что, поскольку при смерти человеческого существа его *паньча-кхандха* совершенно разрушается, то существо, которое переходит в иной мир, оказывается полностью другим существом. Это не так. Хоть существо и не то же самое, но оно и не другое, как он сейчас продемонстрирует. *Атма* (душа, жизненный принцип) — это предмет, объяснить который не так-то просто, однако из того, что тема эта столь сложна, не следует, что её существование отрицается. Конечно же, они не согласны с христианским пониманием души: с тем, что, как утверждается, человеческая душа *безо всяких изменений* переходит в состояние страданий или блаженства согласно тому, что заслужила; если бы было так, то человеческая душа попадала бы в рай со всеми своими несовершенствами. Например, когда преп. г-н Сильва уходит из Панадуры в Веллаватту, он ведь не становится другой

личностью; это всё то же духовное лицо, и он остаётся известен под тем же именем; и если человеческая *атма* идёт в небеса, эта *атма* должна оставаться в них всё такою же человеческой, а существо, которое наслаждается там блаженством — быть человеком! И теперь ему надлежало разъяснить это важное учение о *паньча-кхандхе*, в представлении которого преп. джентльмен из-за своего поверхностного знания пали допустил столько ошибок.

Делая это, он намеревается избежать использования языка [пали], который в восприятии большинства — всё равно что греческий или латынь; оценить правильность своего толкования этих учений он предоставляет своим помощникам. Последняя проповедь великого Будды, в которой объясняется природа человека — не из тех, что легко доступна для понимания каждому, тем паче духовному лицу, обладающему языковыми навыками уровня г-на Сильвы. Можно совершенно точно сказать, согласно буддийским учениям, что после смерти человека ни единая частица *паньча-кхандхи* не переносится в иной мир; между тем, существо, возникающее после смерти в последовательности бытия — не *иное* существо. Сие — не какое-то новое толкование данного учения. Он уверяет своих слушателей, что это построение было признано верным и подлинным в ходе целой череды собраний, проводившихся сотни лет назад как раз по этой самой теме, в которых участвовали наиболее осведомлённые люди своего времени, чьё знание пали, разумеется, намного превосходило то, которое продемонстрировал только что преп. джентльмен. Все учения Будды были целиком записаны на пали, и ни от кого из тех, кто обладает несовершенным

знанием этого языка, не следует ожидать, что он постигнет эти сложнейшие высказывания.

Теперь он хотел бы показать, каковы на самом деле успехи преп. джентльмена в пали, и, к счастью для него, у него как раз имеется небольшая публикация, которую можно употребить именно с этой целью. Эта брошюра, озаглавленная «Грантасекера», была опубликована г-ном Сильвой и представляет собой короткие палийские строфы по четыре строки каждая, дающие смысловую выдержку того или иного фрагмента Нового Завета, из которых уже первая строка содержит несколько грубейших ошибок. Например, в предложении, начинающемся с «*Тава намо навиттхо хотху*» было весьма ошибочно использовано придыхание: *навиттхо*. Такого слова, как *навиттхо*, нет в языке пали; должно быть *навитто*, а в *тава намо* было не менее ошибочно использовать окончание мужского рода. Если преп. джентльмен не в состоянии связать два палийских слова согласно правилам грамматики, допуская столько огрехов всего в нескольких строках на пали, то слушатели вполне могут рассудить, в какой мере он готов объяснять сложнейшую метафизику великого Будды, о которой можно узнать лишь из работ, написанных на этом языке. Большинство из собравшихся может не знать, справедлива или нет его (священника) критика грамматических конструкций преп. джентльмена, но если он оказался неправ, то, несомненно, окружающие его священники, глубоко сведущие в палийской литературе, его поправят. Для знающего человека было, конечно же, весьма занятно слушать, как преп. джентльмен, обладающий столь несовершенным знанием пали, пытался объяснить сложное учение о *паньча-кхандах*.

Паньча-кхандха, между тем, состоит из пяти компонентов: 1. *Руна-кхандха*, тело, 2. *Ведана-кхандха*, ощущение, 3. *Санна-кхандха*, восприятие, 4. *Санскара-кхандха*, различение, 5. *Виньяна-кхандха*, внешнее сознание. Хорошо известно, что после смерти человека *руна-кхандха*, то есть тело, помещается в могилу, и что *ведана-кхандха*, то есть физическое ощущение, прекращает существование. Таким образом, можно быть совершенно уверенным, что ни одна частица этих двух *кхандх* не перемещается в иной мир, дабы насладиться там блаженством или же испытывать муки наказаний. Схожим образом и три остальные *кхандхи* со смертью человека прекращают своё существование; они точно так же не претерпевают в будущем существовании никаких последствий того, что было сотворено в этой жизни. Но тем не менее то существо, что возникает одновременно с исчезновением *паньча-кхандхи*, не является другим существом.

Он попытается прояснить это учение. Многоуважаемая Библия христиан — это *не* та изначальная Библия, что была написана Моисеем и остальными, что и та, которая ныне используется простыми верующими во Христа, но, тем не менее, нельзя и сказать, что это некая другая Библия. Содержание в обоих случаях одинаковое, хотя это и не две *идентичные* книги; так же дело обстоит и с *атмой*. Хотя со смертью все элементы, ранее составлявшие внешнего, телесного человека, пропадают и никакая их часть не переходит в иной мир, однако сознающее существо, пусть и возникающее в качестве следствия — это не какое-то другое существо. Соответственно, было бы неверно говорить, что другое существо вкушает плоды совершённого добра или зла, равно как

неверно и то, что вкушает их то же самое существо вместе со всем своим окружением. Он (священник) надеется, что его пример с Библией помог аудитории полнее воспринять это сложное учение.

Следующий палийский фрагмент «Катхавасту-пракараны» [83:4–5] из Абхидхарма-питаки был призван подкрепить вывод из вышесказанного, а именно: что если бы человеческая душа продолжалась в будущее существование вследствие совершённых в своей жизни деяний, то существа, населяющие небеса, должны быть людьми, а не духами во славе.

Если они говорят, что та же самая личность переходит из этого мира в иной мир, или из иного мира в этот мир, то есть те, кто были богами, становятся людьми, это ложно. Если бы та же самая личность, тот же самый человек, что умер, перемещался отсюда в иной мир, а не другой, тогда не было бы смерти, не было бы убийства.[†]

Человеческие существа претерпевают два вида смерти: один — это постоянная смена ощущений в каждый из моментов, приводящая к возникновению новых эмоций, а второй — это то, что известно всем как «отход в мир иной». Ощущения, как известно всякому, меняются ежемгновенно; желания, мыслительная способность, страсти и мнения тоже постоянно меняются. Такова же ситуация и с телом, которое, согласно буддизму, состоит из тридцати двух составляющих: например, волосы, будучи одним из тридцати двух компонентов, растут каждый день, и достижение ими чрезвычайной длины, если их не обрезать, предотвращается лишь их постоянным

выпадением. Соответственно, находящиеся на наших головах волосы — не те же самые, что были у нас в бытность нашу детьми. Такие изменения присущи не только волосам; остальные компоненты тела подвержены той же судьбе, то есть каждый миг возникают и исчезают. Более того, различные части *рупа-кхандхи* (внешней видимости) также подвержены моментальной смерти, пример которой был только что приведён. Подлинное значение второй смерти, о которой он говорил — это прекращение пребывания человека в этой жизни. Одновременно с этой смертью наступает смена существования, вызывающая возникновение существа, которое наследует квинтэссенцию глубочайших желаний человека. При этом не возникает некое новое существо, как пытался показать преп. джентльмен, ибо желание, порождающее существо — это не новое желание, но результат тех, что ему предшествовали. Источник желания здесь — тот же самый, поскольку имеет место их последовательное возникновение, а в момент смерти происходит обретение ими формы.

Если, как утверждают христиане, переходящая в следующую жизнь *атма* бессмертна, и отличается от жажды к существованию, о которой он только что рассказал и что является взглядом буддистов, то что же христиане имеют в виду, говоря о ней? Она — материя? Есть ли у неё какая-то форма? Похожа она на яйцо, на палку, на фрукт? Если в том, что они понимают под *атмой*, имеется нечто *материальное*, то не составило бы никакого труда удержать её, поместив умирающего человека в воздухонепроницаемый ящик. Если христиане сами затрудняются в объяснении того, что из себя представ-

ляет *атма*, то не является ли это исчерпывающим свидетельством, доказывающим отсутствие какой-либо *атмы*, перемещающейся в иной мир? Учение о существе, которое возникает в момент смерти, выражается у буддистов в словах «*на ча со, на ча анно*». * «*На ча со*» значит, что это — не то же самое существо, а «*на ча анно*» означает, что оно — не иное. Он мог бы привести с избытком авторитетных свидетельств в поддержку своей позиции, но полагает, что достаточно ясно объяснил собравшимся, что сознающее существо, переходящее в иной мир — это не то же самое существо, что ходило по этой земле, но не является оно и другим; и что в высшей степени неправильно говорить, будто бы другая личность пострадает в будущей жизни за преступления, совершённые в этой, или что существование жизненного принципа отрицается буддистами, как пытался доказать преп. джентльмен.

Он (священник) желал бы теперь подвести черту под данной порцией аргументов, и уверен, что в полной мере опроверг аргументы, направленные против буддизма, к полному удовлетворению собравшихся. У него осталось ещё много что сказать, между тем, касательно затронутого предмета, но он предпочёл бы высказать иные замечания в последующих случаях, которые предоставили бы ему преимущество к ним обратиться.

И в том, что касается христианства, священник продолжил свою речь заявлением о том, что христианство — ложная религия, а тому, кто его держится, не стоит надеяться на блаженство в будущей жизни. Их всех ошибок, которыми перенасыщено христианство, он желает выделить лишь несколько, исчерпывающе демонстрирующие то, что *такая* религия не достойна доверия.

В первую очередь, христиане, куда бы они не приходили, постоянно пропагандируют свою религию, давая объекту своего поклонения имя божества, к которому уже относятся с почтением народы, среди которых они намереваются учить Евангелию. Например, в Калькутте Христа они называют сыном Ишвары, что видно из слов «*Ишварена суге Кристе*», находящихся в составе одной строфы, составленной ими на санскрите. Это было сделано для того, чтобы привлечь к себе симпатии индусов, у которых бог Ишвара в великом почёте. А на Цейлоне Иегова был переименован в Девьянвахансе, так как этот термин бытовал среди сингалов в качестве обозначения божества, в которое они верили. Таким образом, видно, что христиане приспособляются к разным народам для того, чтобы обмануть их.

Опять же, в Исходе (20:5) слова, при помощи которых переведено выражение «Бог ревнитель», не отражают смысла, содержащегося в оригинале. Слово *джвалита*, стоящее в сингальской Библии, значит «сияющий» или «светозарный», в то время как английское «ревнитель» (*jealous*) не означает ничего подобного; верный синоним для этого слова — «завистник», ибо что есть ревность, как не зависть? Если бы переводчиками было использовано слово «завистник», тогда у них не было бы возможности обманывать людей — кто бы стал верить в завистливого Бога? Вот почему они так перетолковали английское слово «ревнитель». Он может уверить своих слушателей, что обман привычно используется христианскими учителями для набора последователей с тою уверенностью, что и такой способ в их деле приемлем.

Ещё у них имеется обыкновение опускать части Писания, когда это служит их целям; например, в издании Писания, опубликованном в 1840 году тем самым [Ц. М.] Обществом, к которому принадлежит преп. джентльмен, фрагмент «...чтоб они впредь не приносили жертв своих идолам, за которыми блудно ходят они» в книге Левит (17:7) присутствовал, однако в последующем издании, опубликованном тем же самым обществом, был совершён грубый обман: эти слова были выпущены. Должно быть, христиане устыдились того, что все узнают об их поклонении демонам, и изъяли эту строку из второго издания. Он удивлён такому изъятию. По какому праву можно по собственному желанию удалять или добавлять хоть одну строчку в книгу, которой приписывается божественное происхождение? Если такое опущение было сделано в одном фрагменте, то что могло предотвратить появление подобных искажений и в остальной части книги? Привычка добавлять что-то в Библию или же подчищать её весьма обычна для протестантов, однако он был рад отметить, что с римо-католиками ситуация не такова, за что они, никогда свою Библию не изменявшие, достойны всяческих похвал.

Далее, в Бытии (6:6) говорится о Иегове, Творце:

...И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своём.

Кто обычно кается в тех своих действиях, что впоследствии вызывают сожаление об их совершении? Не иначе как глупые, невежественные люди. И как в высшей степени смехотворно для Творца, которому приписывают всеведение, совершить какое-либо действие, в кото-

ром впоследствии ему пришлось раскаиваться и из-за которого пришлось скорбеть? Будь он всеведущим, он бы, вне всяких сомнений, прозрел последствия сотворения им человека, о котором впоследствии ему пришлось бы скорбеть, а его неудача в таком предвидении ясно доказывает, что Бог христиан не обладает никакой такой силой предвидения, которая ему приписывается. Сколь ненадёжна была бы вера в такое беспомощное, кающееся и сожалеющее существо, каковым является «всемогущий» Бог-Творец христиан! Ужели теперь собравшимся не очевидно, что Иегова не всеведущ и что он обладает всеми человеческими пороками?

Не кажется ли также, что Богу нужны какие-то зримые средства для опознания требуемой вещи, иными словами — не подобен ли он слепцу, ведомому поводом? Например, согласно Исходу (12:23), перед тем как был умерщвлён каждый египетский первенец, было приказано, дабы дверные косяки домов израильтян были окроплены кровью, чтобы они отличались от домов египтян:

И пойдёт Господь поражать Египет, и увидит кровь на перекладине и на обоих косяках, и пройдет Господь мимо дверей, и не попустит губителю войти в дома ваши для поражения.

Это показывает, что Иегова был не в состоянии отличить дома израильтян без такого явного, внешнего знака; если бы он был всеведущ, то тогда подобное было бы излишне. Так какое право у них тогда именовать это существо всеведущим Богом? Он (священник) знает, что его друг, преп. джентльмен, объясняет это привлечени-

ем смехотворного довода о том, что это был прообраз Христовой смерти, однако столь ребяческим ответом он удовлетворён не будет.

В приказании, данном Моисею в Исходе (4:6) касательно чудес, которые он должен был совершить перед царём Египта, Бог повелел ему сотворить некое чудо, а если израильтяне не будут отпущены — сотворить следующее; но что за нужда была в подобной череде условий, если он был всеведущ? Он должен был точно предвидеть воздействие этих чудес, если бы был таким, каким его выставляют. Не выдала ли его и тут несовершенная человеческая природа? Линия поведения лекаря весьма схожа: если одно лекарство не возымело действия, то он прописывает другое; и это оттого, что лекарь не всеведущ и не может знать всех эффектов каждого препарата. Что же тогда показывает этот инцидент? Всего лишь то, о чём он уже сказал: Творец — не всеведущ.

Имеется в Библии и ещё один отрывок, дающий представление о натуре Бога, в которого верят христиане: в Исходе (4:24-25). Там написано:

Дорогою на ночлеге случилось, что встретил его Господь и хотел умертвить его. Тогда Сепфора, взяв каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего и, бросив к ногам его, сказала: ты жених крови у меня.

Здесь собравшиеся могут увидеть, что меры, принятые Сепфорой в случае, когда Бог намеревался убить Моисея, однажды избранного себе же в слуги, не так уж и незнакомы некоторым *из них*. Разве это не напоминает жертвоприношения, которые обычно совершают для умиловливания некоторых других существ,

которых тут упоминать необязательно? Ибо не то же ли самое делают демонические плясуны в этой стране, когда кто-нибудь страдает от болезни, навлечённой на него воздействием злых духов? Разве не проливают они кровь козла или ягнёнка, или же не отрезают какую-то часть животного, поднося её дьяволу? Образ действия Сепфоры был точно таким же, и он оставляет толпе рассудить самостоятельно о натуре Бога христиан, чей гнев был смягчён, а Моисей спасён благодаря брошенной к его ногам крайней плоти.

Или же в книге Судей (1:19):

Господь был с Иудею, и он овладел горою; но жителей долины не мог прогнать, потому что у них были железные колесницы.

Этот случай предоставляет вящее доказательство, и притом весьма убедительное, того, что Бог евреев, которому поклоняются христиане, не всемогущ. Оказывается, он боится железа; а каждый из собравшихся, по словам священника, знает, кто боится железа! Среди населения этой страны бытовал обычай иметь при себе кусочек железа, когда пищу переносят из одного места в другое, а когда готовятся лечебные отвары, то вокруг горшка с лекарством обычно оборачивают шнур, с которого тоже свисает кусочек железа. Это делалось для того, чтобы отпугивать демонов и разнообразных вредоносных духов; вот почему Бог евреев так боялся железных колесниц! Дальнейшие объяснения ни к чему. Эти факты должны оказать большую помощь собравшимся в формировании верного представления о том, является ли христианский Иегова истинным Богом или нет.

В заключение красноречивый священник заявил, что, раз он всё-таки объяснил, что именно буддисты понимают под *атмой*, то он надеется, что и преп. джентльмен расскажет им о том, как христиане понимают душу. Пока г-н Сильва не предоставит авторитетных источников в подкрепление своего заявления о том, что Будда уподобил человека скоту, он (священник) будет считать, что тот солгал. Термин *атма* был, по его словам, использован им в общем смысле лишь затем, чтобы с его помощью растолковать тонкий принцип цепляния за существование, о котором он говорил. У него остаётся ещё три часа на участие в этом противостоянии, в ходе которых он убедительно покажет правоту буддизма и привлечёт ещё больше доводов к выявлению ложности христианства. Поблагодарив широкую аудиторию за то, что она так внимательно его слушала, священник окончил речь, и тут же великая толпа рассеялась.

ВТОРАЯ РЕЧЬ ПРЕП. Г-НА СИЛЬВЫ

К трём часам — времени, установленному для возобновления дискуссии — толпа увеличилась втрое; население близлежащих деревень, выслушав талантливые и эффектные речи обоих красноречивых спорщиков, собралось на траве около бунгало, и ко времени, когда выступающие поднялись на «кафедру», шум тысяч человеческих голосов был столь громогласен, что можно было подумать, будто между сторонниками обеих партий разгорелась драка, однако когда резким и ясным голосом преп. Давид да Сильва приступил к ответу, смятение стихло и вся многоголосая толпа, по крайней мере в пределах слышимости его голоса, принялась с глубоким вниманием слушать слова, исходившие от учёного лектора.

Г-н Сильва сказал, что собирается как можно лаконичнее ответить на выпады, сделанные в отношении христианства, и перейти к серьёзнейшим изъяснам, обнаруживаемым в религии, отстаиваемой его противником. Относительно обвинений в невежестве в языке пали, основанных на указании фразы в им опубликованной работе, он сказал, что в случае, если бы его противник потрудился разобраться хотя бы в том, что написано на титульной странице «Грантасекеры», ему бы не пришлось выставлять на всеобщее обозрение собственное невежество. Ложное представление фактов его противником было совершено либо по злему умыслу, либо по невежеству, ибо титульная страница этой работы ясно указывает, что содержащиеся в ней отрывки — это из-

бренные составителем *места из чужих работ*. Даже если там есть грамматически неточный фрагмент — в том нет *его* вины. Те два слова, которым его оппонент уделил столь пристальное внимание, были всего-навсего перепечатаны им из бирманского Завета, и исправление описок в работе, подобной этой, уж точно было не в его ведении, — его целью было выбрать *несколько фрагментов* из ряда стандартных работ, и *не более того*. На этом довольно об обвинении его оппонентом в незнании пали.

Его противником была также предпринята попытка поставить под сомнение честность переводчиков Библии, — он заявил, что часть предложения, имеющаяся в одном издании сингальского Писания, была сознательно и самовольно опущена в одном из последующих. Никто и никогда не оглашал неправды большей, чем эта. Не один и не два человека в настоящем собрании в состоянии верно оценить честность переводчиков сингальской Библии. Фактически, никакого опущения и не было, но для того, чтобы сделать перевод как можно ближе к оригиналу, во втором издании по сравнению с первым было совершено переставление строк местами; вот и всё «опущение», из которого его оппонент сделал столь далеко идущие выводы. Он уверяет своих слушателей, что переводчики водимы исключительно любовью к истине, и предъявление им обвинений в нечестности разоблачает лишь самого их противника. Что же касается вопроса оппонента о том, возможно ли поймать то, что христиане называют душой, поместив умирающего в закрытый сундук, который не пропускает внутрь даже воздуха, то учёный лектор сказал, что этот пример лишь выявляет

невежество его оппонента. У него (священника) такое мнение, будто бы нет ничего тоньше воздуха, однако он, видимо, не слишком знаком с электричеством, которое куда тоньше воздуха и способно пронизать любое вещество, в том числе, конечно же, и железный сундук, в который его противник желал бы заключить умирающего человека, дабы помешать его душе расстаться с телом.

Причина в именовании Христа сыном Ишвары в Калькутте не в том, чтобы ввести людей в заблуждение, о чём заявил его противник, но, поскольку «Ишвара» в исконном санскритском языке означает существо, наделённое великой властью и могуществом, то это слово и было употреблено для того, чтобы выразить эти же самые качества Отца Христа. Смысл, придаваемый слову «Ишвара» в настоящие дни — не тот же самый, какой был в Ведах, где этот термин использовался по отношению к любому существу, которое было вождём или господином. Что касается сингальского слова Девьянвахансе, используемое христианами для обозначения чтимого ими Бога, оно было принято ими не затем, чтобы обмануть людей этой страны, как весьма несправедливо утверждает противник, но всего лишь потому, что этот [сингальский] язык не предоставляет более подходящего слова. Он считает весьма неподобающим то, что человек, столь глубоко невежественный в вопросе существования у слов различных смыслов, в которых эти слова могут использоваться, как его противник, может принимать участие в подобном обсуждении.

Для иллюстрации того факта, что слова могут иметь различные значения, он процитирует следующую фразу из Виная-питаки [Махавагга 1:61]:

Евнуха, принявшего посвящение, не должно было посвящать. Если был посвящён — *насетаббо*.[†]

Слово *насетаббо* может быть переведено как «должен быть убит», но Будда, первая заповедь которого была «не отнимай жизнь», не стал бы говорить, что посвящённого евнуха следует убить или что следует отрубить ему шею; во всяком случае, ни один человек в здравом уме не сочтёт, что именно это и имеется в виду. О чём тут на самом деле говорил Будда — так это о том, что такой человек должен быть расстрижен, исторгнут из общины; так же дело обстоит и со многими словами в [христианском] Писании. У них бывает более одного смысла. Подобное имеет место в каждом языке, да и его оппонент, рассуждая о душе, использовал слово *атма*, хотя вместе с тем признавал её отсутствие; как же это следует понимать?

Его оппонент также говорил о Божьем раскаянии. Исходное слово на иврите, которое в сингальской Библии было переведено как «раскаяние» — *нокам*, и оно не означает, что Бог «покаялся» в том, что совершил нечто дурное; чтобы ещё более прояснить этот предмет, он хотел бы зачитать выдержку из сингальского журнала «Знамя истины»[†]. Что до приказа Бога отметить дверные косяки израильтян кровью, то лектор сказал, что это был просто символ Христовой смерти.

Затем лектор перешёл к выявлению абсурдностей и противоречий учений Будды относительно происхождения животной жизни, процитировав следующий фрагмент из Самьютта-никаи [12:2]:

Что есть, о монахи, *патичча-самуппада*? На основе неведения, о монахи, возникает *самкхара*, заслуги

и злодеяния; на основе заслуг и злодеяний сознание; на основе сознания — *нама-рупа*, на основе *нама-рупы* — шесть органов чувств, на основе шести органов чувств — контакт, на основе контакта — ощущение, на основе ощущения — желание, на основе желания — цепляние за бытие — *бхаву*, состояния существования, на основе *бхавы* — рождение, на основе рождения — разложение, смерть, печали, плач, боль, отвращение и чувственное неудовольствие. Так возникает полная мера страдания.[†]

Из-за *самкхары* возникает *виньяна* — сознание. Но что такое *виньяна*? Это *чакку виньянам, сота виньянам, гхана виньянам, дживха виньянам, кайя виньянам, мано виньянам* — сознание глаза, уха, носа, языка, тела, ума. Но эти органы ещё не возникли, они ещё не вошли в бытие; причина *аятан*, органов — это *нама-рупа*. Помимо этого, чётко утверждается, что *виньяна* не может существовать независимо от *нама-рупы*, что все *кхандхи* должны возникать *парипунна* — совершенными, и *эка-то* — совместно; ни после и ни перед — *апачча апуре*.

Как следствие *виньяны* возникает *нама-рупа*, хотя первые четыре *кхандхи* уже включают *нама-рупу*; между тем,

Помимо *нама-рупы* нет личности.

Личность полностью заключается в *нама-рупе*.[†]

Вследствие *нама-рупы* возникают шесть органов чувств, *салаятана*, но *виньяна* — это сознание глаза и т. д., а *нама-рупа* заключает в себе всю личность; однако здесь эти органы — следствие совершенных пяти *кхандх*.

Вследствие этих шести органов чувств возникает контакт — *пхасса*, однако *пхасса* уже включена в *наму*, которая является следствием сознания. Теперь же это — следствие органов, а *нама* была *пхассаджей* — произведённой контактом.

Вследствие *пхассы* возникает *ведана* — ощущение, но что такое эта *ведана*? Это *чакку сампхассаджа ведана*, ощущение, произведённое контактом глаза, так же *сотасампхассаджа*, *гхана*, *дживха*, *кайя*, *mano*.

Но *ведана* уже включена в *наму*, которая возникла перед тем, как появились органы, и является результатом контакта: «*таттха катамам намам*». Что же тогда есть *нама*? *Ведана-кхандхо* — ощущение, *санна-кхандххо* — восприятие, *самкхара-кхандхо* — различение. Если *нама-рупа* — это результат *виньяны*, то *ведана* точно не может быть следствием *пхассы*.

Вследствие *веданы* возникает *танха* — жажда, но *авиддья* была неведением *дуккха-самудаи*, производящей причины страдания, которая определяется как

[Пристрастие (*танха*), которое вызывает дальнейшее становление, — сопровождается страстью и наслаждением, ищущее удовольствий то здесь, то там, — то есть пристрастие к чувственным удовольствиям, пристрастие к становлению, пристрастие к нестановлению]. [СН 56:11] †

Это желание продолжения бытия и наслаждение тем состоянием, в котором они сейчас находятся, то есть желание удовольствия, продолжающегося перерождения и уничтожения после смерти; но тогда *танха* должна существовать прежде того, как кто-либо сможет быть невежественным в отношении неё.

Теперь переходим к *джати*, следствию *бхавы*. Что такое *джати*? Это *кхандханам патубхаво* — приход *кхандх* к существованию, и *аятанам патилако* — развитие органов. Но *виньяна* произвела *нама-рупу*, которая в свою очередь уже произвела эти органы; здесь же *бхава* называется предшествующей *кхандхам* и *аятанам*. Отсюда и величайшая сумятица в этом так называемом «учении», прежде неизвестном.

Затем лектор подвёл итог такими словами: «Я разделяю это многочисленное собрание на два раздела: учёных и неучёных, а поскольку данный предмет, несомненно — это предмет учёных, я умоляю их рассудить, не является ли это основополагающее учение Будды абсурдом и полнейшей мыслительной сумятицей. Не подобно ли оно заявлениям, будто бы сын родился от отца, отец родился от сына, и оба они происходят от одного источника, неведения? Насколько же абсурдна подобная теория!»

ВТОРОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРЕП. МИГЕТТУВАТТЕ*

Преп. Мигеттуватте, поднявшись, попросил народ уделить ему терпеливое внимание и сказал, что хотя прежде он упоминал джентльмена, который только что выступал, не иначе как «преподобный джентльмен», однако поскольку тот в своём ответе назвал его (священника) *вируддхакарая*, «противником», то и он впредь намеревается использовать по отношению к нему тот же эпитет, желая при этом, чтобы слушатели ясно это осознавали. Хотя оба выступающих, принадлежа к двум разным религиям, явились сюда для участия в словесном противостоянии с целью выяснить, чья же религия является истинной, но, по его словам, между ними не было никакой личной враждебности, на которую могут указывать слова «противник» или «соперник», употреблённые противоположной стороной; впрочем, коль скоро оно было употреблено, он с сожалением отмечает, что ему ничего не остаётся, как поступить так же.

Что касается последней речи христианской стороны, он хотел бы напомнить, что так и не было принято попытки объяснить причину использования более мягкого слова *джвалита* в сингальской Библии, обманывая таким образом островитян. «Завистник», как он уже уверил их, было истинным значением слова «ревнитель» в оригинале; не сделал его противник и попытки объяснить, как ревность или зависть, приписываемые Творцу, могут уживаться с другими его атрибутами. Его оппонент понимал так же ясно, как и он сам, что на эти возражения невозможно дать

удовлетворительный ответ — вот и вся причина его молчания.

Увиливание оппонента от ответственности за опубликованную под его именем работу, содержащую несколько неграмотных фрагментов на пали, при помощи заявления о том, что он был всего лишь составителем, неудовлетворительно. Если бы он хорошо знал пали, то не допустил бы столь вопиющих ошибок, которые, как он говорит, невольно прокрались в его работу. Эти отрывки могли на самом деле быть заимствованы из бирманского Завета, как было заявлено, но это ничуть не извиняет незнания его оппонентом пали: ведь в высшей степени неподобающе копировать к себе неверный текст, не внося в него исправлений.

Объяснения касательно пропажи строфы из сингальского Ветхого Завета, которая присутствовала в предыдущем издании, которые сводятся к тому, что произошла перемена строк местами, также неудовлетворительны. Ведь тогда ясно, что как минимум одно из изданий — ошибочно! Коль скоро помещение некоего фрагмента в ту или иную позицию призвано точно передавать имеющийся в виду смысл, то при перемещении его должно возникнуть иное, неверное значение. Так какой же из двух вариантов словесных конструкций должен быть признан верным? В такой ситуации всё красноречие оппонента в защиту честности переводчиков оказывается полностью обесценено. Обе команды переводчиков не могли быть в равной степени и честными, и учёными; в противном случае порядок строк в обоих переводах был бы одинаков, — и факт тут таков, что христиане *меняют* свои Библии, как заблагорассудится.

Именованье Христа «Сыном Ишвары» попытались объяснить доказыванием того, что у слов могут быть разные значения, но всем понятно, что это оправдание хромает, а подлинной целью христиан тут является обман и снискание расположения индусов, относящихся к Ишваре с почтением. Что ж, если Бог христиан — это Ишвара, то есть ли у Иеговы, как и у Ишвары, жена? Ума-янганава — так зовут его жену, а как зовут супругу Иеговы? Должно быть, христиане и сами не знают. Он прольёт на это свет позже, когда представится случай.

Каков был ответ его оппонента на замечание по книге Бытия, где сказано, что Бог раскаялся и сожалел о том, что создал человека на земле? Его не было вовсе. Да, он читал выдержку из старого номера «Знамени истины», памфлета, опубликованного христианами по итогам дискуссии, развернувшейся не так давно между теми же партиями, но ещё в тот раз он полностью опроверг учения, описанные в том отрывке. Так к чему же повторять всё те же избитые доводы? Совершенно неприемлемо было бы выносить эту устаревшую книжку на суд такого собрания, как это, ибо она не содержит ответов ни на одно из выдвинутых возражений.

Далее, что за смехотворное объяснение было дано приказанию отметить дверные косяки детей израилевых кровью — объявление этого действия знаком смерти Христа! Отчего по этому случаю было необходимо мазать кровью косяки дверей, и что это вообще за нелепый ответ на его довод, — довод о том, что раз Бог христиан нуждался во внешнем, видимом знаке для различения предметов, то поэтому он не обладает силой всеведения? Даже он сам (священник) устыдился того, что подобный

ответ прозвучал перед столь учёной публикой. Факты, отмеченные в Писании, ясно свидетельствуют: Бог, видя кровь, обходил дома евреев, и это чётко показывает, что Творцу нужен был некий знак, по которому он определял бы данную вещь, — и какой вывод можно из этого сделать, как не тот, что Иегова не обладает всеведением?

Итак, довольно о тех вопросах, на которые были получены некие ответы, но что же с указаниями, данными Моисею касательно чудес, которые он должен был совершить перед фараоном, а именно: если он не преуспет с одним, то пусть пробует следующее? Этот факт тоже был упомянут им в качестве явного доказательства того, что Бог не всеведущ. И какова же была причина бегства войск Иуды от железных колесниц? Как христиане справятся с трудностями ситуации, в которой Бог приказывает обрезать сына Моисея, выдавая тем самым своё пристрастие к человеческой крови наравне со злыми духами, у которых схожие вкусы, и в дальнейших рассказах о которых его аудитория не нуждается? Поскольку он ранее уже достаточно ясно разъяснил причины Божьей боязни железа и его пристрастия к человеческой крови, то не будет распространяться об этом сейчас, однако случай с сыном Моисея ясно показывает, — если это всё еще нуждается в пояснении, — причину того, почему христианский Иегова так любит человеческую кровь.

И теперь, что же с душой христиан? Из чего она состоит, на что похожа, если только она не то же самое, что и *атма* буддистов? Ни на один из этих вопросов даже не попытались ответить, — и все понимают, что это означает.

Наконец, что касается буддийского учения о *пань-ча-кхандхе* и будущем человека — это суть предметы, не

постижимые для людей с ограниченным разумением; существо, которое впоследствии будет страдать из-за совершённого в этой жизни, не будет идентично тому, что сейчас гуляет по этой земле, но не будет оно и полностью отличным, как он уже показал ранее. Он хотел бы процитировать сейчас фрагмент из буддийских писаний [«Висуддхи-магга», XVII:163], который мог бы ещё более прояснить этот непростой вопрос. Он таков:

[Мы объясним это при помощи обычного процесса человеческой смерти и перерождения. Когда в прошлом становлении человек оказывается на пороге естественной или насильственной смерти не в силах выносить воздействие невыносимых кинжалов или [болезненных] ощущений, которые оканчиваются смертью и разъединяют сочленения всех конечностей, его тело постепенно выцветает, будто зелёный пальмовый лист под палящим солнцем, и когда силы глаза и т. п. исчезают, а сила тела, сила ума и сила жизни одни остаются в сердце-основе, тогда сознание, которое, имея своей основой сердце, в этот момент ещё сохраняется, либо оказывается во власти некоторой каммы, которая классифицируется как «весомая», «повторяющаяся», совершённая «незадолго» [до смерти] или ранее, иными словами, формации, что обладает остающимися условиями, либо во власти объективного поля, созданного этой каммой, иначе говоря – знаков каммы или знаков судьбы. И пока это происходит, поскольку цепляние и жажда не были отринуты, жажда побуждает его, а совозникающие формации подталкивают его в объективное поле, – опасности,

скрываемые неведением. И в процессе побуждения его жаждой и подталкивания его формациями оно оставляет свою старую опору подобно тому, как человек перебирается через реку по верёвке, привязанной к дереву у берега, и, независимо от того, получит оно или нет новую опору, созданную каммой, это происходит из-за условий, состоящих только в условиях объекта].[†]

Поскольку смысл смерти и возрождения существа в данном отрывке передаются при помощи общедоступного примера, то он даст его вольный перевод, перевод его смысла, и не сомневается в том, что таким образом эта сложная доктрина станет понятнее публике. Подобно тому, как только что оторванный лист пальмы, если его положить на солнце, постепенно теряет свой зелёный цвет и белеет, так же и во время смерти, по ходу умирания, сознающее существо постепенно теряет способность использовать органы чувств, такие как зрение и слух.

Пока идёт этот процесс потери чувств, три из этих чувств входят в тело и остаются прикреплёнными к сердцу. Эти три чувства — чувство ощущения, чувство понимания и чувство жизни. Чувство ощущения — это то, благодаря чему можно ощущать прикосновение объекта к телу, чувство понимания — это сила различения объектов, а то, что зовётся внутренним чувством жизни — это состояние бессмертного существования. Со смертью существа, с сердцем которого связаны три эти чувства, оно видит будто бы во сне, что оно вовлечено в те же самые действия, греховные или праведные, которые ему были

присущи при жизни; например, если оно всю свою жизнь предавалось убийствам и другим ужасающим деяниям, в свои последние мгновения оно чувствует, будто бы вновь их совершает, а если жизнь его была праведной, то есть он совершал добродетели, например, подавал милостыню и соблюдал *шиллу*, то в момент смерти он оно видит, будто бы вновь ведёт святую жизнь. Если в момент смерти кому-то явится такая картина, то его будущее существование несомненно будет счастливым. И столь же несомненно, что если, находясь при смерти, кто-либо созерцает, как он совершает неблагие поступки, то он родится в юдоли скорби. Предчувствие характера будущей жизни как полной наслаждений тоже происходит как во сне, то есть, он видит состояние, в котором ему суждено переродиться, будто бы в сновидении. И поскольку это состояние, счастливое ли оно или полное страданий, является ему в очаровательном образе, то человек, полный желаний, естественным образом цепляется за неё и вследствие этого сразу же после смерти воплощается в том состоянии, которое и предчувствовал. Так можно видеть, что смерть и перерождение существа происходят одновременно. Если вкратце, то человеческие деяния и желания тут влияют на его будущую жизнь, а это цепляние за существование, в которое они (буддисты) верят, соответствует желаниям, питаемым человеком во время жизни на земле.

Далее, ни одна часть человека не переносится в иной мир для того, чтобы там возродиться, но в момент смерти имеет место это цепляние за бытие, соответствующее сути желаний, испытывавшихся в прошлой жизни; и, следовательно, сказать, что существо, которому впо-

следствии приходится страдать за совершённое в этой жизни — это не то же самое существо, но другое — это абсурд. Если кому-нибудь из его слушателей доводилось находится у чьего-нибудь смертного одра, они не усомнятся в том факте, что, находясь при смерти, человек всегда испытывает предчувствие мучений или счастья, которые ему предстоит вкусить. Оно находит выражение, — если они вспомнят, — или в ужасающих стенаниях, или в приятных восторгах. Ибо существу, которому предстоит родиться в счастливом уделе, всегда видятся такие приятные и несущие наслаждение объекты, как небесные дворцы и пр., но тому, кому уготованы муки, видятся лишь ужасы и истязания, и его вскрики часто очень ясно показывают тому, кто находится рядом, счастливый или несчастный удел он наследует.

Буддийское учение о человеке гласит: [*«Бесконечна, о монахи, череда перерождений, начало у неё не выявить»*, СН 15:17]^T и т. п., то есть, тот бессмертный человек не имеет ни начала, ни конца, и христианская Библия, если её верно истолковать, это воззрение поддерживает. Что же касается свидетельств Писания о сотворении человека, как это описано в Бытии (2:7):

И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.

Не может быть сомнений относительно этого отрывка в том, что вдунутое в Адама «дыхание» являлось ничем иным, как духом Божьим, который вечен; таким образом, Адам, или Адамово тело, были сделаны хранилищем духа, сделаны *вечными*; а если Адам был отцом

рода человеческого, как это утверждается, то тогда и все люди вечны — а это уже в точности буддийское учение, согласно которому, как было уже сказано прежде, у человека нет ни начала, ни конца. Единственный способ прекращения этого постоянного круга бытия — это вхождение в нирвану, а это исключительное прекращение (ибо вечное существование — это незыблемое правило, и человек по природе своей, как говорится, обречён на движение сквозь *анаматагга-самсару*, или толщу безначального и бесконечного метемпсихоза) может быть достигнуто только лишь через великие тяготы и при помощи соблюдения и воплощения нескольких плодов четырёх наивысших путей добродетели, предписанных Буддой, а именно — *сована*, *сакрадагамина*, *анагамина* и *архата*. Существо, прошедшее эти пути, оказывается таким образом спасено.

Красноречивый священник, вновь обращаясь к христианству, сказал, что может процитировать ещё один отрывок, который показывает, что Бог, которому поклоняются христиане, находит удовольствие в человеческих жертвоприношениях, а именно — случай с дочерью Иеффая, которую принесли в жертву согласно иеффаеву обету.*

Хотя протестанты стали ссылаться на то, что оно буквально не было выполнено, он, тем не менее, сослался на заметку напротив этого места в Дуэйской Библии, утверждавшую, что оно всё-таки было совершено; и здесь он не может не удостоить любезнейших комплиментов деликатность римо-католиков, у которых, в отличие от протестантов, не вошло в привычку менять свои Библии, как им заблагорассудится.

У Матфея (12:40) утверждается, будто бы Христос должен был провести в недрах земли три дня и три ночи, но разве ход событий не показал ложность этого пророчества? Провёл ли Христос три дня и три ночи в могиле? Умер он в пятницу, а восстал в воскресенье; так каково же будет развёрнутое объяснение тому, что были названы три дня и три ночи? Даже д-ру [Томасу Ли] Клотону не удалось растолковать это, когда в ходе его недавней дискуссии с секуляристом ему был задан этот вопрос. Он знает, что его оппоненты попробуют дать какой-то ответ, но они могут быть уверены, что он точно расценит, чего этот ответ стоит.

Среди восточных народов хорошо известно, что добрые знаки непременно являются предвестниками неких благих событий, а дурные знаки в полной мере указывают на природу событий, которые за ними следуют. Он мог бы привести разнообразные примеры в доказательство правоты этого утверждения из нескольких древних книг, но довольно и одного. О жене императора Бимбисары говорится, что однажды она возжелала испить крови своего мужа. Когда это желание было удовлетворено, она родила сына, который убил своего отца-императора и захватил царство. Это показывает, что дурные знамения предвещают неблагоприятные события. А каковы же были знамения пред рождением того, который пришёл спасти мир? Отчего эта резня тысяч невинных младенцев? Не указывает ли этот инцидент на то, что Христос был обманщиком, пришедшим в мир, чтобы ввергнуть его в погибель?* Так давайте же поэтому помнить, что нет оснований ожидать какого бы то ни было спасения в грядущей жизни от веры в подобное существо. Совер-

шенно ясно, что Христос не воскресал, и что его ученики ночью выкрали его тело, как того и опасались. К этой части темы он вернётся на следующий день.

Но какие же знамения предшествовали явлению на земле Будды? Он желал был обратиться к нескольким из тридцати двух благих и светлых знаков и чудес, что упомянуты в книгах как имевшие место в день зачатия его царём Шуддходаной в лоне царицы Махамайи, в день его появления на свет и в день достижения им буддства, а именно — стали слышащими, зрячими и ходячими те, что от рождения были глухи, слепы и увечны, уменьшились страдания в нескольких адах, были утолены голод и жажда тех злобных духов, что были обречены скитаться по всей вселенной, и исцелены все до того неисцелимые болезни. Не указывают ли эти знаки на то, что целью рождения Будды было принесение счастья и подлинного блаженства этому миру и дарование ему истинной религии? Как несхожи они с теми ужасающими знамениями, что предшествовали рождению Христову и которые нельзя вспоминать без содрогания и уязвления чьих-либо утончённых чувств! Если его противники окажутся способны показать, что хоть одно существо умерло вследствие рождения Будды, он даст им своё слово, — за своих собратьев он не говорит, — что в таком случае он отвергнет буддизм, не медля ни минуты.

Эта необычайно волнующая речь была подведена священником к завершению такими словами: «Христос нам не авторитет, но и Будда тоже. Взвешивайте без предубеждения аргументы, приведённые обеими сторонами; рассудите, какой стороне не удалось ответить на вопросы, пред нею поставленные, и придерживайтесь

воззрения той стороны, которая оказалось разумней. Возможно, я несколько разгорячился, обсуждая эти вопросы — отчего это случилось? Почему я был так откровенен? Оттого лишь, что я очень люблю истину, и вижу столь многочисленное собрание, которому и выражаю глубокую благодарность за терпеливое внимание».

РЕЧЬ ПРЕП. Ф. С. СИРИМАННЕ

В течение предыдущего дня, среды, на встрече нескольких духовных лиц, собравшихся в Панадуре, было решено, что обращаться к народу должен будет более беглый оратор, чья речь «будет понятна простому люду», и задача открытия прений следующего дня выпала г-ну Ф. С. Сириманне, катехизатору из Церковного миссионерского общества, поскольку он считался вторым после преп. С. Джаесингхе — который вовсе не был склонен к спорам, — из наиболее популярных ораторов среди христиан-сингалов. Не известный прочим образованным уроженцам этого острова, этот последователь Церковных миссионеров с момента разрыва отношений с буддийскими священниками Галпата-вихары трудился в относительном уединении среди низших слоёв Коломбо, противодействуя буддизму и открывая библейское учение о спасении сотням людей, которые собирались вокруг него, чтобы слушать зычный голос этого обаятельного оратора всякий раз, когда бы он ни обращался к ним в разных местах, где объявлялась проповедь на открытом воздухе.

Г-н Сириманне начал с заявления о том, что, подобно тому, как больные лихорадкой не желают принимать пищу, будь она даже очень полезной, так же точно и священник, страдающий от недуга неведения, будучи не в состоянии оценить ценность священных учений Библии, предъявил христианству ряд возражений, ибо его истина представляется ему ложью. Но он уверяет их, что против этой истинной религии не было выдвинуто ни одного возражения, которого не мог бы опровергнуть

юнец, посещающий любую христианскую школу. Однако поскольку сейчас он обращается к аудитории, с христианством совершенно не знакомой, он постарается ответить на вопросы священника настолько подробно, насколько это позволит срок в один час. Но перед тем, как продолжить, он сделает несколько замечаний касательно возражений христианской стороны, выдвинутых против буддизма.

Они (христиане) заявили, что Будда явственно отрицал существование души, и процитировали слова, которые Будда использовал, говоря об этой теме, а именно — что у человека нет души, что после смерти не остаётся ничего, и что ничто не переходит в иное состояние существования. Но что ответил на это преп. священник? Его ответы лишь послужили подкреплению их утверждений, ясно доказывая, что души не существует. Буддисты призывают к совершению добродетелей, но в чём от них прок, если ничего не переходит в иной мир?

Священник также попросил их рассказать о природе души, существования которой христиане не отрицают. Душа — это нематериальная и невидимая субстанция, и она не имеет формы; следовательно, требование показать её внешний вид — задача невыполнимая. Неужели священник забыл, что согласно буддизму существуют и такие невидимые, неестественные существа, и что говорится, будто *арупа-брахмалока* целиком заселена такими духами? Если всё то, что составляло человека, уничтожается здесь и никакая *атма* не переходит в другой мир, то нет нужды ни в какой религии, но поскольку такое посмертное бытие существует, то они нуждаются в том, чтобы верить в истинного Бога, чтобы тем самым

обрести вечное счастье.

А теперь — что касается аргументов, выдвинутых священником против святой христианской религии. Если Бог называется в Библии «Богом ревнителем», это не значит, что он завистлив. Он — совершенно святое и праведное существо. Слово «ревнитель» применительно к Богу в Библии означает всего лишь то, что он не отдаёт своей славы никому и ничему.

Большое значение священник отвёл Божьему приказанию Моисею совершить перед фараоном несколько чудес, и если они не возымеют на него воздействия и он не отпустит народ Израилев, то совершить несколько других, — такое распоряжение было отдано лишь потому, что фараон был исключительно надменным и желал выяснить, кто такой Иегова, когда Моисей в первый раз принёс его послание царю Египетскому. Затем Бог убеждает Моисея, что он выведет его народ своей крепкою рукою, показав и фараону, и израильтянам, кем на самом деле является. Вплоть до насылания десятой казни Бог хорошо знал, каков будет эффект от предыдущей, но приказал Моисею совершить все эти различные чудеса, чтобы явить свою силу как фараону, так и всем последующим поколениям. Бог не был в неведении относительно намерений фараона, что явствует из книги Исхода (3:19), где сказано:

Но Я знаю, что царь Египетский не позволит вам идти, если не принудить его рукою крепкою.

В доказательство того, что Богу приятна человеческая кровь, священником был приведён случай обрезания сына Моисея Сепфорой, но священник, по невежеству

ли или же сознательно, искажил факты. Сепфора бросила, как он заявил, крайнюю плоть своего сына, к ногам не Бога, но Моисея. Её восклицание «ты жених крови у меня» ясно это показывает, даже если использование в сингальской Библии негонорифического местоимения третьего лица в отношении того, к чьим ногам была брошена плоть, и не устраняет в полной мере всех сомнений относительно того, что именно произошло.

Что касается инцидента, упомянутого в книге Судей (1:19), когда Господь не мог изгнать обитателей долины из-за того, что у них были железные колесницы, то священник вывел из этого страх Иеговы перед железом. Но это не так, ибо не одолел ли Господь вскоре после этого целое войско из девятисот железных колесниц, полностью уничтожив фараона вместе с его железными колесницами, когда выводил детей Израилевых из Египта? Не из-за страха Господа перед железными колесницами Иуда не смог в тот раз одержать верх, но оттого, что ему недоставало веры в Бога. Он был способен побеждать врага, только когда уповал на Бога, но как только он утратил свою веру и убоился железных колесниц — так тут же был разбит. Все истории, упомянутые в Библии, помимо того, что они исторически точны, были так устроены всеведущим Богом, чтобы служить духовным уроком грядущим поколениям; и этот случай был записан для того, чтобы доказать могущество и важность веры.

В попытке сравнить буддийскую доктрину о вечности человека с библейским рассказом о творении, священник, намереваясь смутить несведущих, высказал несколько смехотворных нелепостей. Его аргумент о том, что поскольку Бог вдохнул в ноздри Адама дыха-

ние жизни, то таким образом в него оказалась вдунута часть души Бога, а раз Бог вечен, то и человек, который после того, как в него вдунули дыхание жизни, стал живой душой, стал из-за этого бессмертным. Что за смешотворный вывод! Этот фрагмент показывает лишь то, что Бог даровал человеку жизнь и поместил в него душу. никоим образом это не показывает, что Бог расстался с частицей своей собственной души. Найдётся ли среди присутствующих тот, кто вложит смысл, подобный тому, что священник вложил в эти слова, в своё родное сингалское выражение «вдунь немного масла ему в уши»? Кому придёт в голову связать наделение кого-либо жизненным принципом с вдуванием ему в ухо капли масла? Значение этого библейского выражения — «вдул в его ноздри дыхание жизни» — точно такое же.

Теперь о жертвоприношении дочери Иеффая, — эту тему не раз поднимал священник, и каждый раз ему давался ответ, что её не убили и не принесли в жертву; и всё же священник не удовлетворён. Но даже если предположить, что её всё-таки принесли в жертву, на Боге нет никакой вины, ибо он никак не поучаствовал в принятии Иеффаем этого скоропалительного обета. Человеческие жертвоприношения были чётко запрещены Священным Писанием, а в еврейском своде законов содержалось указание на случай, если некто всё же принял подобный поспешный обет — ему следовало заплатить определённую сумму денег в качестве выкупа, и таким образом сохранить жизнь своему товарищу. Нигде в Библии не говорится, будто дочь Иеффая была убита, а было так, что она два месяца оплакивала своё девство, отнюдь не свою смерть. И было также сказано, что отец

поступил с ней согласно своему обету, и она не познала мужчину, и что дочери Израилевы раз в год оплакивали дочь Иеффая в течение четырёх дней. Эта церемония имела место два месяца перед исполнением обета, и время от времени повторялась. Таким образом, понятно, что с того дня она жила в девстве, и говорить, будто дочь Иеффая была принесена в жертву посредством отсечения головы — ложь.

Другим аргументом, выдвинутым священником против христианства, было пророчество Христа о том, что он пребудет во чреве земном три дня и три ночи, якобы выявившееся ложным после того, как он оставался в гробнице лишь с пятницы по воскресное утро. Однако любой, знакомый с еврейским времяисчислением, увидит, что между пророчеством и его исполнением нет никакого несообразия. Фраза «три дня и три ночи» использовалась евреями для обозначения того, что обычно понимается под тремя днями. В том же значении оно употребляется в Бытии (7:12), где было сказано, что «лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей», смысл чего тот же самый, что и во фразе «и продолжалось на земле наводнение сорок дней» (7:17). Таким же самым образом, если было сказано, что Христос оставался во чреве земли три дня, что есть то же самое, согласно еврейской идиоме, что и «три дня и три ночи», то тогда здесь нет никакого затруднения, ибо священник наверняка не возьмётся отрицать, что Христос пробыл в гробнице пятницу, субботу и воскресенье. Верно, что он не пробыл в гробнице ни целую пятницу, ни целое воскресенье, но согласно еврейской фразеологии даже о части дня говорят как о целом дне, и такому словоупотреблению могут быть

приведены многочисленные свидетельства из древней литературы. На этом достаточно об этом хвалёном возращении, якобы приведённом образованным европейцем, с помощью которого священник вознамерился наскоро расправиться с христианством.

Дабы показать, что рождество Христово было всем, чем угодно, только не благодетелью для человечества, священник упомянул избиение младенцев в качестве дурного знамения, которое означало, что то, что последует за его рождением, будет противоположностью добру. Священник, однако, ошибся; ни один дурной знак не сопровождал рождение Христа, и нигде не сказано, будто при его рождении были убиты тысячи младенцев. Священник сказал так, либо рассчитывая ввести несведущих в заблуждение, либо по незнанию фактов. Через два года после рождения Христа — это совершенно верно — царь-грешник Ирод, услышав от волхвов, что Иисус сделается могучим царём, приказал перебить многих двухгодовалых младенцев, чувствуя опасность для своего правления, но в результате этой бойни младенцам этим не было причинено никакого вреда, ибо несомненно, что души их были взяты на небо. Это лишь приблизило их приобщение к вечному блаженству; а что до родителей, то это стало средством приведения их к покаянию, а следовательно — к бесконечному счастью.

Таковы были все замечания, которые он (катехизатор) должен был сделать в отношении выпадов против христианства; но теперь ему видится, как можно скорейшим способом завершить эту дискуссию, и он расскажет слушателям, что же это за способ. Преп. священник сказал во время своей последней лекции, что если хотя

бы муравей погиб от рождения Будды, то он отвергнет буддизм. Он (катехизатор) намеревается показать, что из-за рождения Будды лишились жизни существа куда крупнее муравьёв, и если священник — человек слова, то от буддизма ему следует тотчас же отречься. Таким образом эта дискуссия будет удовлетворительным образом завершена, а её цель — достигнута.

Теперь он хотел бы перечислить несколько из многочисленных случаев, в которых некто принял смерть из-за Будды или благодаря ему, и просит буддистскую половину присутствующих выслушать их особенно внимательно, поскольку они слышали, что сказал их представитель — что он оставит буддизм, если будет доказано, что при рождении Будды умер хотя бы муравей. Прежде всего, родная мать Будды умерла через семь дней после того, как родила своё необыкновенное дитя, о котором говорится, будто бы оно могло ходить и ясно разговаривать сразу же, как появилось на свет. Чудо в том, что мать столь огромного чудовища сумела после рождения прожить целых семь дней! Так они могут видеть, что смерть жены величайшего властителя Индии произошла по вине Будды, так не является ли её смерть более значительной, нежели смерть муравья? Во-вторых, в священных буддийских книгах говорится, что люди и даже звери могут умереть от львиного рыка. Эти львы обитают даже в наши дни в Гималайских горах, расположенных на севере Индии, хоть на Цейлоне мы не можем даже услышать, как они режут; так сколь же много существ должно было погибнуть, услышав рёв льва Гаутамы, чьё восклицание [«Высший я в этом мире, старейший я в этом мире, лучший я в этом мире»]* сразу после

его рождения, как говорится, было слышно даже богам в наивысшем мире Брахмы. Можно привести и многие другие случаи смертей людей и животных, вызванных Буддой, но он полагает, что и тех, что уже были приведены, аудитории будет довольно.

Все слышали умопостроение, созданное священником вокруг так называемых добрых и дурных знаков, сопутствовавших рождению Христа. Он не согласен с ним, и перед тем, как приходить к каким-либо заключениям, умоляет своих слушателей ознакомиться с тем, как толкуют эти знаки христиане. Христос явился в мир, дабы разрушить власть греха и установить царство праведности. Подданные царства греха противостояли Спасителю дурными знаменами, как именует их этот священник, и сделали всё возможное, чтобы и дальше пребывать в греховных удовольствиях, в которых они погрязли. Да иначе и быть не могло. Едва ли он мог ожидать иного приёма, — вот и причина так называемых дурных знамен. Но в случае с Буддой всё иначе. Он был таким же греховодником, как и все другие, явившись в мир для потакания порокам и расширения их могущества — не удивительно, что сей греховный мир приветствовал его добрыми знаками, подобно тому, как пьяницы приветствуют себе подобного с распростёртыми объятиями, но отвергают трезвенника.

Теперь же то, что касается буддизма. Перед тем, как принимать любую религию, нужно взять на себя труд проверки того, являются ли те книги, на которые она опирается, подлинными или нет. Буддизм, преобладающий на этом острове, целиком опирается на Три Питакки. Значит, нам следует выяснить, что представляют из

себя эти книги, когда они были написаны, и содержатся ли в них учения Будды в том виде, в каком он их провозгласил; короче говоря, имеются ли какие-либо свидетельства их аутентичности. Он собирается рассказать им, между тем, что эти Питаки были записаны не в той земле, где, как утверждается, жил Будда, не теми, кто слышал его наставления, и не во время его жизни, равно как и не теми, кто был хотя бы его современниками, — но, согласно «Махавамсе»* и «Сарасанграхе»*, через четыреста пятьдесят лет после кончины Будды, на собрании священников в Алу-вихаре в Матале на этом самом острове. Вплоть до того времени изречения Будды передавались из уст в уста, и велик ли тот вес — покорнейше призывает задуматься катехизатор — который можно признать за теми документами, что просто-напросто заявляют, будто четыре или пять веков назад в далёкой земле под названием Дамбадива жил некий мудрец и т. п., и он изложил такие-то и такие-то учения? Смогло бы последнее, обладающее столь мизерной достоверностью, быть признанным правдой на суде? Если нет, то как можно принимать за истинные эти документы, затрагивающие столь важные материи, как спасение человеческой души?

Также в буддийских книгах говорится, что Гаутама достиг буддства благодаря соблюдению десяти *парамит* (или самопожертвований); и было бы полезно посмотреть, способны ли эти ритуалы или подношения оказывать тот эффект, который им приписывают. Первая *парамита*, или ритуал, о которой написано, что её выполнял Будда с целью достичь буддства — это *дана-парамита*, или милостыня, которая, помимо прочего, состоя-

ла в необычайных подношениях его глаз, головы, плоти, крови, жён и детей.

Многим из присутствующих известно, с какой любовью, заботой и вниманием воспитывают свою дочь родители; как в подобающем возрасте её выдают замуж за совершенно незнакомого человека, каким бы ни было их отношение друг к другу, привязанность её к родителям уступает место любви к новообретённому мужу, и как жена всецело уповает на мужа, от которого зависят её благополучие и средства к существованию. Они также едва ли незнакомы с тем фактом, что рождение детей лишь усиливает эту их связь, союз и образует счастливую семью. Так что же подумают они об отце, живущем в таком счастье, который без тени сомнения или печали отдаёт своих детей какому-то странствующему аскету, невзирая на плач и причитания своей жены и самих детей, нимало не беспокоясь о том, что тот может с ними сделать — просто потому, что он подошёл к дверям сей счастливой обители и сказал, намереваясь, быть может, продать их в рабство или ещё как-либо дурно с ними обойтись: «Отдай мне двух своих детей в качестве подаяния, и ты обретёшь буддство»? Если бы, не удовлетворившись этим, он отдал бы и свою жену, что подумали бы мы о таком муже? Неужто это добродетельные деяния? Где добродетель в разбивании сердец жён и детей, в принесении в счастливые дома запустения и горя? Но если это — добродетель, то что же тогда можно называть недобродетелью или грехом?

А ведь Гаутама совершил всё это, вот каковы были его средства обретения буддства.* И как часто он таким вот образом отдавал своих жён и детей? Сотню раз? Нет!

Тысячу раз? О нет! Поскольку вычислительная наука не в состоянии подобающе выразить количество жён и детей, пожертвованных таким образом, то, чтобы снабдить читателя хотя бы примерным представлением о количестве отданных, в буддийских трудах сказано, что если все те верёвки и жгуты, которыми были связаны жёны и дети Будды, которых он пожертвовал, свалить в одну груды, то она будет в миллион раз выше Махамеру, которая, как напоминает катехизатор, была 84000 *йодун* в высоту, а одна *йодуна* составляет 16 миль. Это даст им достаточно хорошее представление о том, сколько жён и детей было им пожертвовано.

Кто из слушателей в состоянии поверить, что какая бы то ни было счастливая участь может быть достигнута благодаря совершению столь варварских и жестоких поступков? Всякому общественному счастью и даже существованию всего мира настал бы конец, если бы кто-то взялся совершить столь ужасающие злодеяния, которые Будда якобы совершил ради обретения буддства. Но то были не единственные подношения, приведшие его к такому итогу. Говорится, что количество пожертвованных им собственных глаз было больше, чем звёзд на небе, количество крови, отданной им, больше воды в океане, а количество плоти было больше всей земли, гора же его голов была выше, чем Махамеру. Какое огромное количество людей должно было быть убито, чтобы преподнести так много глаз, рук и голов! И даже если, как утверждает, это были собственные глаза и руки Гаутамы, то саморазрушение ничуть не лучше убийства другого человека, так что мерзость такого преступления будет тою же самой, — так что же подумают они о существе, совер-

шавшем такие злодеяния ради обретения блаженства?

О Будде говорят, будто бы он был всезнающ; но они выяснят из случаев, которые он намерен сейчас представить, что его всеведение обладало особым свойством, и что оно представляло мёртвых людей живыми, а на самом деле живых — мёртвыми. Например, в «Махавагге» говорится, что Будда в самом начале своего служения не считал стоящим делом проповедь учения, так как, по его ощущению, ни одно существо на земле не смогло бы понять его учений и извлечь из них пользу, однако вскоре после этого, как утверждается, он отправил двадцать четыре души-асанка в нирвану. Не ясно ли из этого, что у Будды не было никакой силы всеведения? Будь она у него — он не пропустил бы ни одного из этих двадцати четырёх существ-асанка, что извлекли пользу из наставлений Будды.

И опять же, после того, как Маха-Брахма убедил Будду в ложности этой лелеемой им идеи — о том, будто бы ни одно человеческое существо на земле не способно понять его учения, — он решил преподавать Дхарму Алара Каламе, умнейшему из живших тогда людей. Однако выполнил ли он своё намерение? Нет; многомудрый Будда выяснил, что Алара Калама уже несколько дней как мёртв, и обучать его нет никакой возможности. Затем его выбор пал на Уддакараму, но объект и этого его выбора разделил ту же судьбу. Выясняя состояние этого мудреца, он обнаружил, что и он тоже недавно скончался. Если они верят, что такое беспомощное существо, что совершило столь много — и столь ужасных — ошибок, и которое нуждалось в поправках со стороны, было всеведущим — то кто же тогда не всеведущ?

Наконец, буддисты молятся, или принимают прибежище, в Дхарме Будды — то есть в его учении, и в духовенстве при помощи слов, которые его друзья-буддисты часто повторяют:

[К Будде как к прибежищу иду,
К Дхамме как к прибежищу иду
К Сангхе как к прибежищу иду].

Но в чём польза принятия прибежища, *сарана*, в каждом из них? Приобретается ли этим какая-либо защита? Прежде всего, в отсутствии солнца нет и солнечного света, — так как же ожидать какой бы то ни было защиты от существа, которого не существует? Утверждается, что Будда достиг состояния уничтожения, — как же может он выступать в роли прибежища хоть от чего-нибудь? Становится ясно, таким образом, что это первое *сарана*, прибежище, никоим образом не доступно.

Второе — прибежище в Дхарме, или книгах-*бана*, — не лучше, ибо как человеку принять прибежище в книгах? Скорее уж эти книги сами находятся под защитой людей и в их заботе, переписываются ими и содержатся в сундуках или ларцах, предохраняющих их от разложения. Не ясно ли теперь, что и это прибежище, или *сарана*, также бесполезно?

Что же касается третьего *сарана* — то есть прибежища в священстве — то здесь нет нужды особо распространяться. Между двумя сектами буддийского духовенства — Амарapuraй и Сиамом* — некоторое время назад бушевали споры о том, что противная сторона будто бы не имеет *упасампады* — посвящения, *сараны*, или *шил*, или многих других принадлежностей — короче, о том,

что они — не священники. Для начала им, в таком случае, следовало решить, были ли они на самом деле священниками, которые и сами-то испытывали великие сомнения в этом вопросе; и если даже по этому поводу и было бы достигнуто согласие, то что оно даёт? Безнравственность этих священников хорошо известна; и не применима ли поговорка «слепец ведёт слепца» к буддийскому духовенству — людям, преисполненным страстей, зависти и невежества, которые пытаются наставлять народ, по глупости своей прибегающий к Сангхе, духовенству?

Итак, в заключение он хотел бы напомнить аудитории, что досточтимым священником не было сказано ни слова в объяснение запутанной и абсурдной доктрины о *патичча-самутпадае*, ни слова о буддийской *атме*, и закликает её рассудить без предубеждений всё сказанное, доискиваясь до истины, покуда она не будет добыта, а после рассмотрения всех вещей — крепко держаться того, что оказалось наилучшим.

[ТРЕТЬЯ] ОТВЕТНАЯ РЕЧЬ ПРЕП. МИГЕТТУВАТТЕ

Священник Мигеттуватте, поднявшись, сказал, что он пригласил несколько учёных духовных лиц, присутствующих сейчас на диспуте, в надежде на то, что со стороны христиан объявится какой-нибудь способный оппонент, и их помощь потребуется в опровержении аргументов, которые он, возможно, выдвинет. Но, однако же, ему пришлось испытать неожиданное неудобство перед приглашёнными, ибо он не думает, что ещё испытывает необходимость и далее их задерживать.

Впрочем, перед тем, как сделать некоторые замечания по поводу выступления своего друга катехизатора, он хотел бы сказать несколько слов касательно того, что было упомянуто его противником во время предыдущего выступления. Он (преп. Сильва) утверждал, что буддизм недостойн доверия, ибо уравнивает человека с лягушкой, змеей или псом. Сделав такое заявление, его противник не только повредил своей же задаче, но и обнаружил собственное незнание христианской Библии, проповедовать которую он призван. Ибо, обращаясь к Екклесиасту (3:19), можно найти у него такое утверждение:

...Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё — суета!

А теперь он хотел бы узнать, где в буддийских писаниях хотя бы одна строка приравнивала человека к скоту.

Его противник, заявляя, что буддизм — религия, не достойная того, чтобы ей следовать, так как в ней уравниваются люди и скот, лишь создал довод не в пользу христианства, так что он благодарен помощи со столь неожиданной стороны. Он должен сказать, однако же, что уверен в том, что такое незнание Библии будет стоить ему его места, если директор его Общества присутствует на собрании. И если невежество его оппонента столь велико даже в отношении того, что касается его собственной религии, то собравшиеся вполне способны составить представление о том, каковы его познания в буддизме, против которого — он не может не воспользоваться возможностью об этом упомянуть — его оппонент не выдвинул *ни единого* внятного возражения.

В прошлый вторник им была предпринята попытка обесценить буддизм при помощи утверждения, что учение о *патичча-самутпаде* является путанным и абсурдным. Сейчас он, как и обещал в тот день, попытается немного прояснить этот предмет. Даже премудрый Буддагхоша так хорошо осознавал сложность верного объяснения этой труднейшей доктрины, что выразил это в своей работе «Висуддхи-магга» [XVII:25] так:

[Начиная толкованье
О строении условий,
Не имею я опоры,
Словно в океан низвергся].[†]

Дословно это значит: «Нет поддержки у того, кто низвергся в океан, я, окунувшийся в море *патичча-самутпады*, не имею поддержки», однако мысль, выражаемая этой строфой, состоит в том, что лишь те мудрецы, что

достигли архатства, способны в полной мере осознать эту теорию, и что другим, не столь удачливым, понять её не так-то просто. И предпринятая его противником попытка нападки на *патицча-самутпада*, которую он, по его заявлениям, в полной мере понял, и о которой даже столь великий и учёный толкователь, прекрасно сведущий в Трёх Питаках, отзывался в таких словах, что были только что приведены, может быть уподоблена разве что лаю собаки, которая завидует сиянию луны. То, что его оппонент не имеет ни малейшего представления об учении о причинности, прекрасно видно из его слов об отце, порождающем сына и сыне, порождающем отца, которые он привёл в качестве иллюстрации к нему. На самом же деле, пример подобного породительного круговорота имеется в христианских писаниях, и к нему он ещё обратится, когда представится случай. Сейчас же он, однако, постарается, насколько позволят его способности, объяснить это учение о *патицча-самутпада* и просит собравшихся внимательно его выслушать.

Учение о причинности обозначено в следующем пассаже:

[Из-за неведения — *самкхары*, из-за *самкхар* — сознание, из-за сознания — имя-форма, из-за имени-формы — чувство, из-за чувства — контакт, из-за контакта — ощущение, из-за ощущения — желание, из-за желания — схватывание, из-за схватывания — становление, из-за становления — рождение, из-за рождения — старость-смерть, скорбь, страдание, несчастье, отчаяние] [СН 22:90].[†]

Смысл [выражения] «из-за» — «в следствие чего», то есть из *авидьи* производятся *самкхары*; вследствие, или

из *самкхар*, возникает *виньяна*; вследствие, или из *виньяны*, возникает *нама-рупа* и т. д. Если вкратце, то Будда тут, очевидно, хотел сказать, что в этой обычной последовательности все они возникают причинно одно от другого, но этого, конечно, его противник понять не смог, в чём и кроется причина произнесённых им смехотворных слов, будто бы *самкхара* возникает от вещи, называемой *авидья*, которая существует независимо от живого существа, и что *виньяна* возникает из *самкхары*. Чтобы показать неверность воззрений оппонента, а также ради дальнейшего освещения предмета, он приведёт им один пример. Хоть и говорится, что творог получается из молока, масло из творога, а *ghi* из масла, и каждый из продуктов отличается от другого, но при этом понятно безо всяких сомнений, что невозможно всем им — творогу, молоку, маслу и *ghi* — существовать одновременно. В схожей манере и *авидья* никогда не существует вне живого существа, не существует и *самкхары* самой по себе, независимо, или без *авидьи*, нет и *намы с рупой* самих по себе, независимо от, или в отсутствии, *самкхары*. То, что они существуют все вместе — это совершенно точно.¹¹

Нет сомнений в том, что его противник наложил на слова Будды, которые тот изрёк ради разъяснения способа странствий живого существа в *самсаре*, или перерождений, совершенно другую конструкцию. Все восклицания его оппонента по этому предмету напоминают ему бормотание безумца. «Паттхана-пракарана» в «Абхидхарме» также имеет упоминания об этом учении *патичча-самуттады*:

[Связанные *кхандхи* [возникают,] обусловленные неведением <...> в момент перерождения. Имеющие

причины *кхандхи* [возникают,] обусловленные материалом [сердца].*

И это означает, что *кхандхи*, сопряжённые с невежеством (например, относящимся к нынешнему существованию), и *кхандхи*, сопряжённые с формой объекта (который он видит в момент смерти) получают рождение.

Чтобы продемонстрировать, что *самкхары* никогда не существуют в одиночку, в труде, называемом «Висуддхи-магга» [XVII:132], говорится так:

[*Самкхары* выступают в качестве условий, – таких как условия *каммы* и условия поддержки намерением, – для него] и т. п.[†]

То есть *самкхары* становятся источником *виньяны* из источника *каммы* (деяний), или из источника и сопряжения.

Следующий отрывок [XVII:201] также покажет, что *виньяна* возникает не прежде *нама-рупы*, но одновременно с ними:

[...обуславливается девятерично: условиями взаимовозникновения, взаимности, поддержания, сопряжённости, плодов *каммы*, питания, восприятия и неисчезновения].[†]

Смысл его в том, что это производное сознание возникает из девяти различных источников: одновременного рождения, взаимного, причинного, сопряжённого, соединённого друг с другом, производного, объективного, существующего в восприятии и отделённого. Так

поняв и верно истолковав эту трудную доктрину, невозможно прийти к заключению, будто бы *нама-рупа* возникает после *виньяны*, так что попытка его оппонента, обладающего столь ограниченными познаниями, вникнуть в это сокровенное учение о *патичча-самутпада* подобна блужданию слепого слона в густых джунглях.

Он желал бы также напомнить присутствующим, что его противник так и не предоставил объяснения тому, что его сторона понимает под *атмой*, если не цепляние за существование, о котором он уже рассказывал. Вновь он хотел бы подчеркнуть, что существо, которое, согласно их (буддистов) мнению, испытывает в будущем страдания — это не другое существо. Каждое из существ сохраняет свою индивидуальность. Все осознают себя в будущих жизнях. Причина, по которой христиане таким образом перетолковывают это буддийское учение, а именно — утверждают, что за деяния в этой жизни в будущей жизни будет страдать *другое существо*, — кроется в их неспособности правильно понять этот предмет.

А теперь, прежде чем ответить на возражения его друга катехизатора, он хотел бы сделать ещё одно замечание касательно христианства. В Первом послании Коринфянам (15:22-28) говорится: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут...», и оно ясно показывает — а христиане именно в это и верят — что верою во Христа каждый избежит наказания в вечном пламени ада и обретёт вечное счастье. Но имеется в Библии и другой пассаж с совершенно иным значением, и поэтому он хотел бы узнать, как христиане примирят два столь диаметрально разнящихся заявления. Он обратился к Матфею (25:41-46), где есть такие слова:

Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне. И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную.

Если слова вообще имеют хоть какое-то значение, то эти — ясно показывают, что спасение человека зависит не от одной лишь веры во Христа; для того, чтобы впоследствии достичь счастья, необходимо совершать праведные, добрые деяния. Что же тогда христиане имеют в виду, когда говорят, что *все* верующие во имя Христово будут спасены? Если одна часть Библии настолько безнадёжно противоречит другой её части, *какую же* из них они считают правдивой? Ясно, что обе части не могут быть правдивы, так какая же из них неверна? Как можно доверять Библии, содержащей в себе столь много противоречий? И не имеется ли уже у них достаточно оснований для того, чтобы прийти к выводу, что религия, основанная на подобной *книге* — ложна?¹¹

Сейчас — то, что касается замечаний, сделанных его другом катехизатором. Более бессвязных и ненаучных речей он не слышал, и касаться тех их фрагментов, что затрагивают упомянутые темы в столь неподобающей

манере, было бы столь же бессмысленно, как и лечить больного лихорадкой. Катехизатором было сказано, что буддийская сторона лишь подтвердила возражения, высказанные христианами против *паньча-кхандхи*, но это было совершенно не так. Они полностью опровергли все аргументы, выдвинутые против этого трудного учения христианами, и это вспомнит каждый из присутствующих.

Он (священник) никогда не отрицал наличия следующей жизни, и всё, чего он требовал — чтобы противная сторона объяснила ему природу того, что они называют *атмой*. Он максимально прозрачно показал, что они (буддисты) понимают под идеей цепляния за существование, которое проявляется во время смерти. Катехизатор упомянул что-то об обитателях *арупа-брахмалоки*, толкуя об *атме*, но если бы его друг правильно понял, что именно говорится в отношении *арупа-брахмалоки*, то, несомненно, не стал бы приводить её в качестве иллюстрации.

Бессмыслица была высказана катехизатором и в отношении замечаний, сделанных им (священником) касательно Божьего наказа Моисею совершить ряд чудес перед фараоном, принимая во внимание эффект, который каждое из них будет на него оказывать, что доказывает отсутствие у Бога всеведения; чтобы справиться с этим возражением, его друг заявил, будто бы эти казни были навлечены на Египет из-за упрямства фараона. Но как тогда быть с приказанием: «Сделай это, а если оно не принудит фараона к освобождению народа, тогда сделай другое», и т. д.? Те из присутствующих, что обладают здравым смыслом, в состоянии оценить несоответствие

такого ответа выдвинутому возражению.

Ответ, данный его другом на замечание об обрезании сына Моисея, оказался не лучше. В Библии чётко говорится, что Сепфора, Моисеева жена, знала о том, что Бог прогневался на Моисея и намеревается убить его, обрезала их сына и кинула крайнюю плоть к его ногам. Этот пример был приведён им для того, чтобы показать пристрастие христианского Бога к жертвам в виде человеческой крови, что роднит его с демонами и другими злыми духами; ведь способ ублажения последних *точно таков же*, как и тот, которому последовала Сепфора в только что упомянутом отрывке. Возможно, катехизатор просто-напросто недопонял, что он (священник) имел в виду, ведь если бы он осознал это, то наверняка не высказал бы такое своё возражение. Он удовольствовался словами о том, что крайняя плоть была брошена к ногам Моисея. Помимо абсурдности самой попытки убедить их в том, что жертва, предназначенная для умиловления *Божьего* гнева, была брошена к стопам *Моисея*, — насколько же слаб такой ответ на утверждение о том, что Бог любит человеческую кровь! Ведь именно Бог хотел убить Моисея — и всё же его друг заявляет, что кровавое подношение было кинуто к Моисеевым ногам. Это же абсурдно!

Происшествие с войсками Иуды, бегущими от железных колесниц несмотря на то, что с ними был Бог, также было упомянуто им (священником) для того, чтобы показать, что, как и все злые духи, еврейский Бог боится железа. Если он не боится железа, то почему же Иуда, с которым был Господь, не преуспел? Катехизатор в ответ заявил, что замешательство войск Иуды было вызва-

но не какой-то боязнью железа, но недостатком у Иуды веры. Но если у Иуды не было веры, то почему же Бог христиан, которого они именуют всезнающим, с ним пребывал? Присоединившись к нему, Бог, будь он всеведущим, сразу был понял, что Иуда не обладает верой, и предвидел бы катастрофические последствия; и всё же он оставался с ним до конца, сбежав лишь при появлении железных колесниц! Разве это не показывает ясным образом, что Бог либо не всеведущ, либо боится железа? Как его друг расправится с этой дилеммой? Он хотел бы остеречь его (катехизатора) от использования ответов, которые лишь ввергают его в новые затруднения.

Чтобы показать, что Иегова не вдвухвал частицу своей души в Адама (в чём заключается смысл фразы «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» [Быт. 2:7]), его друг привёл пример вдвухвания масла человеку в уши, задав вопрос, с какой стати вдвухвание масла должно означать и вдвухвание частицы человеческой жизни. Что за глупости? Какие слова: о вдвухвании масла в чьё-то ухо или о том, что [Бог] «вдунул в лицо его дыхание жизни», были им процитированы и положены в обоснование того, что частица духа Божьего была вдвухнута, или помещена, в Адама?

Катехизатор также попытался показать, что дочь Иеффая не была убита и принесена в жертву, при помощи заявления о том, что она была выкуплена выплатой Иегове некой суммы денег, однако в Библии чётко сказано, что Иеффай *поступил* с ней согласно своему обету, который заключался, как все помнят, в том, чтобы принести Господу в жертву то, что первым выйдет из ворот

его дома ему навстречу, когда он будет возвращаться с миром после победы над аммонитянами. Ну так что же было бы соблюдением своего обета, как не принесение своей дочери, вышедшей его встречать, в жертву Иегове? Если им этого будет мало, то есть Дуэйская Библия, которую он готов вручить своим оппонентам к их вящему удовлетворению, и которая покажет наконец, что голова дочери Иеффая была на самом деле отрублена и поднесена Иегове. Он (священник) выражает глубокое сожаление из-за того, что он вынужден вести полемику с теми, кто пытается отрицать даже такие факты, которые подтверждаются столь неопровержимыми показаниями.

Что касается его утверждения о том, что в связи с рождением Христа было убито несколько беспомощных и невинных, катехизатор имел дерзость заявить, будто бы он (священник) сказал, что эти невинные были убиты при рождении Христа или в день, когда он родился, однако именно так — в связи с рождением Христа — много людей было убито Иродом. Если только катехизатор хоть насколько-то привержен *истине*, то он не высказал бы подобной *лжи* перед собранием, подобным тому, что сейчас перед ним, и которое помнит, что он на самом деле говорил.

Будучи не в состоянии отрицать, что в связи с явлением Христа была устроена настоящая резня маленьких детей, катехизатор задумал возвести поклёп на Будду, заявив, что и мать Будды тоже скончалась через семь дней после его рождения. Но смерть матери Будды, однако же, не была следствием рождения Будды. В буддийских книгах ясно говорится, что перед тем, как Бодхисаттва (или Будда) покидает обитель богов для того, чтобы родить-

ся в этом мире, он предвидит пять вещей, одной из которых является продолжительность жизни его матери; и в данном случае оказалось, что он воплотился во чреве матери ровно за десять месяцев и семь дней до срока, в который она, как он видел заранее, прекратит своё земное бытие. Он появился на свет через десять месяцев, и, как и было предначертано, она скончалась по прошествии оставшихся семи дней. Насколько же безрассудно приписывать Будде вину за смерть его матери, которая всего лишь уплатила долг природы в назначенный срок! Как можно вести дискуссию с людьми, которые переиначивают сведения, столь явно присутствующие в буддийских писаниях? Но ни искажения, ни сокрытие фактов не поможет им придать избиению невинных младенцев по случаю рождения Христа оттенок лучший, нежели тот, каков он есть на самом деле, о чём он уже рассказывал в прошлый раз.

Чтобы очистить Христа от обвинения в ответственности за это деяние, катехизатор заявил, что Христос был врагом греха, и вследствие этого после его рождения было явлено знамение греховного избиения младенцев. Ответ этот, между тем, был до невозможности глуп. Появление греховных знаков указывает, что скорее уж он является *другом*, чем *врагом* греха. При рождении того, кто приносит в этот мир счастье, должен явиться добрый знак, а поскольку детоубийство было недобрым знаком, то нет сомнений в том, что оно предвещало лишь появление на земле ложной религии и последующее за этим зло для людей.

Правдивость или ложность предзнаменований может испытать на себе каждый, ибо даже успех в путешествии

часто предвещается знаками, появляющимися в его начале. Необязательно, однако же, далее распространяться на эту тему, так как он полностью осветил её ранее. Единственное, чего сумел катехизатор добиться *таким* своим толкованием предзнаменований — так это создание у слушателей верного представления о собственных мыслительных способностях.

Но даже это не обнаружило глупости и невежества его друга так явственно, как его истолкование красивого сравнения, использованного в буддийских книгах для выражения идеи могущества и превосходства речи Будды. Выражение, использованное в этих книгах, таково: после своего рождения Гаутама совершил *абхита кесара синха нада*, что его друг перевёл дословно как «рык неустрашимого льва из рода кесара, или гривастых», заявив при этом, что из-за этого рыка Будды, достигшего ушей всех существ, сколько-то из них погибло. Для образованной части слушателей невозможно подавить смех, слыша столь глупое и нелепое толкование, и, поскольку буддизм не в состоянии хоть как-либо пострадать от столь ничтожных нападков, они вполне могут позволить себе отнестись к нему пренебрежительно. Согласно толкованию его друга, *раджасингха* означает «царь-лев», а не «доблестный царь», что это на самом деле и значит. Окажется ли его друг между тем в состоянии процитировать хотя бы один источник, свидетельствующий о том, что хоть кто-то пострадал от этого «львиноподобного рыка» Будды?

Его друг также утверждает, что Типитака, содержащая буддийские учения, была записана лишь через 450 лет после смерти Будды, и что до того времени его учения передавались из уст в уста, что привело к тому, что

доктрины эти были записаны согласно произволу живших в это время священников, о которых едва ли можно предположить, будто бы они безошибочно сохраняли в памяти всё, что слышали. Это, однако, совершенная неправда! Точно известно, что через пятьдесят три года после достижения Буддой нирваны, во время правления Валагамбаху, проповеди Будды были записаны на этом острове,* и даже в течение жизни Будды отмечалось, что проповеди Будды оттискивались *на золотых пластинках*. Подлинности наших священных книг не может оспорить ни один по-настоящему образованный человек.

На этом острове буддийские писания были записаны архатами, святыми и безгрешными существами, обладавшими божественным знанием, лишённые любых страстей и уступающие лишь Будде. Поэтому для них не составляло никакой сложности удерживать в памяти в течение сколь угодно долгого времени и верно воспроизвести всё, что они слышали, на письме, не добавляя и не убавляя *ни крупницы* из того, что Будда на самом деле провозгласил. В случае с христианской Библией, однако же, всё по-другому. Она была написана не столь же святыми личностями, как те, которых он только что упомянул, но грешными и презренными людьми вроде Моисея, который совершал убийства и бежал из страны. Кроме того, отмечается, что однажды написанная таким образом Библия полностью сгорела, но один из *капурала* (демонических жрецов) Иеговы написал её заново в соответствии со своими целями и каким-то образом представил её царю в качестве подлинника.*

Говоря о Моисее, он не мог не упомянуть о чудесах, которые, как утверждается, тот совершил в Египте. Было

сказано, что египетские маги совершили те же чудеса, что и Моисей. По его мнению, магом был и сам Моисей, и поэтому говорить, что с ним пребывало могущество всеильного Бога, было бессмысленно. Если же это было так, то и у этих магов тоже должна была быть такая же «божественная» сила.

Катехизатор также сделал несколько замечаний по поводу подношений, совершённых Гаутамой ради достижения буддства. В частности, он упомянул подношение им собственных детей в бытность его царём Вессантарой отшельнику по имени Джуджака Бамуна; но катехизатор сказал об этом, очевидно, забыв, что перед тем, как достичь буддства, наивысшего состояния во вселенной, для подвижника необходимо *преодолеть все страсти*, а особенно пристрастие к земному имуществу; и если, когда его попросили пожертвовать собственными детьми и женой, царь Вессантара, который надеялся стать буддой, отказался бы сделать это, из этого бы явствовало, что он не подходит для столь высокой миссии из-за желанья обладать женой и детьми, и поэтому царь Вессантара своих детей отдал. Возможно, пожилые женщины, слышавшие историю о царе Вессантаре и его подношениях, вспомнят, что его дети не претерпели никакого зла, но напротив, итогом их отдачи было одно лишь счастье.

Опять-таки, супруга царя Вессантары не была, как утверждает катехизатор, отдана с тем, чтобы стать женой другого человека. На самом же деле, Шакра, небесный царь двух божеских миров, дабы дать царю Вессантаре возможность свершить *дана-парамиту* (подношения), необходимую для достижения высшей степени буддства,

приняв человеческий облик, предстал перед царём Вессантарой, и, заполучив его царицу и детей, тут же вернул ему их назад. Так была совершена последняя жертва царя. А значит, неверно говорить, что Будда отдавал своих жён другим людям в том смысле, который имел в виду катехизатор.

Упоминания катехизатором высоты верёвок, которыми были связаны жёны Будды, если их сложить в кучу, и тому подобного, все были бесполезны, так как эти примеры приведены в книгах просто лишь для того, чтобы дать понятие о количестве подношений, сделанных Буддой, и о той самоотверженности, с которой он их совершал. Подобные символы и иносказания были общеприняты в речи во времена Будды. Разумеется, едва ли можно было ожидать, что его друг (катехизатор) правильно поймёт такие речевые обороты.

Что касается ответа катехизатора на его (священника) замечания о том, что Христос не оставался в гробнице три дня и три ночи, как это утверждается в Писании, он может назвать его не иначе как *новасанаван* (ничтожным). Катехизатор сказал, что библейское выражение «три дня и три ночи» означало трое суток. Даже если предположить, что это так, то Христос восстал в субботу вечером, то есть, согласно толкованию катехизатора, перед наступлением воскресенья, он оставался в гробнице только два дня — пятницу и субботу, так как же это может означать три дня и три ночи? Нет нужды объяснять что-либо ещё по этому поводу.

В связи с тем, что уделённый ему час почти подошёл к концу, он хотел бы подвести итог, обещая ещё полнее доказать ложность христианства в течение очередного

часа дебатов. Он не показал ещё сравнительное превосходство Будды над Иеговой и Христом, что он должным образом пополудни и сделает. Между тем, он нижайше просит собравшихся сохранять сказанное им в памяти, отличая правду от неправды. От всего сердца поблагодарив собрание за сохраняемый им превосходный порядок, священник завершил своё выступление.

ТРЕТЬЯ РЕЧЬ ПРЕП. Г-НА СИЛЬВЫ

Преп. г-н де Сильва, поднявшись, сказал, что поскольку эта его речь будет последней в ходе дискуссии, он просит собравшихся уделить ей особое внимание.

Что касается упрёка священника в использовании им термина *вируддхакарая*, «противник», он сказал, что слово это нельзя считать неподобающим для оппонента. Тут он процитировал следующую гатху (строфу), показывая, что это слово не должно вызывать недовольства.

[Учёный учит верному; ведёт к иному скептик.
Разумный, мудро рассудив, правдивое приемлет].[†]

Слова *апаннакам тханам* здесь переводятся в «Джатаках» [с пали на сингальский] как *авируддхакаранияк*; слово *вируддха*, таким образом, означает предмет, о которым имеются различные мнения. *Вируддхакарая*, соответственно — ни оскорбительно, ни неуместно.

Фрагмент из Екклесиаста (3:19), процитированный противником для демонстрации того, что Библия учит, будто бы человек — всего лишь животное, опровергается Екклесиастом же (3:7). В первом имеются ввиду лишь животная жизнь и телесная смертность, но во втором говорится, что внутри находится дух, отходящий к даровавшему его Богу.

Противник сказал, что Буддагхоша, пытаясь объяснить *патицча-самутпада*, столкнулся с непреодолимыми трудностями, будто человек, павший в глубокий океан, и между тем его противник обещает объяснить

её. Что же он, компетентнее Буддагхоши? Затем г-н де Сильва сделал обзор *патичча-самуттады*, показывая её абсурдность, как и в своей второй речи.

Противник, объясняя *Чатухсатью* [Четыре истины], воззвав к народу, спросил, не является ли *джати*, — рождение, — страданием. Но Будда сказал [СН 56:11]: «для обретения этих прежде неведомых знаний зрение, знание, мудрость, чистое восприятие, свет развились во мне»^Т (Будде). То, что и так известно всякому человеку, Будда узнал только после достижения буддства.

Что касается того, что в небесах будут обитать люди, если там будут присутствовать их души, то г-н Сильва сказал, что человеческие души будут оставаться человеческими и в раю. Люди на земле подвержены смерти и разложению, но в раю они станут сияющими бессмертными существами.

Далее была показана абсурдность цитирования противником Первого послания Коринфянам (15:22), чтобы показать его противоречие с Матфеем (25:41-47 и 7:13-14). В первом отрывке противник спутал значения слов *дживат вану лабанаваета*, «оживлены», и *галавану лабанаваета*, «спасены». Оживлять и спасать — вещи разные. Все оживляются Христом, но из Иоанна (5:28-29) мы узнаём, что

...все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения.

Оппонент, по-видимому, не знает значения даже сингальских слов *дживат вану лабанава* и *галавану лабанава*. Отсюда и путаница.

Противник сказал, что рассказать о мирах-арупа и об их обитателях очень сложно, ибо тема эта весьма глубока, и вместе с тем хотел бы знать, на что похожа *атма*, или душа — на яйцо или на мяч. Что за бессмысленный вопрос!

Противник сказал, что даже во времена Будды Дхарму записывали на листочках золота, но книги [«Сарасангаха»] говорят:

[Учения и толкования — всё Слово Будды — после паринирваны Татхагаты на протяжении четырёхсот пятидесяти лет передавались изустно учёными монахами]. *

То есть, слова Будды вместе с комментариями передавались образованными священниками из уст в уста в течение четырёхсот пятидесяти лет после смерти Будды.

Противник возражает Моисею и его писаниям, ибо он (Моисей) однажды убил египтянина. На самом деле Моисей спас жизнь невинного еврея, убив египтянина, который намеревался этого еврея убить. Поступок Моисея был совершенно оправдан и похвален. Но даже если это было бы не так, и он был бы преступником, это было до того, как его призвал Бог. Ничто не мешало ему повинаться Богу, раскаяться и исправиться. Между прочим, христиане и не принимают прибежища в Моисее. Но взглянем же на особенности кое-кого из тех, в ком принимают прибежище буддисты. Ангулимала, обёрнутый гирляндой из пальцев, был грабителем и убийцей, и убил 999 человек. Он был немедленно посвящён Буддой в монахи и достиг, как утверждает, архатства.

Буддисты принимают в нём прибежище. «Ангулимала-паритта»* читается в наши времена буддистами для защиты. Харантика тоже был разбойником. И тоже достиг архатства. Буддисты принимают в нём прибежище. Демон Алавака на протяжении двенадцати лет убивал и съедал по человеку каждые сутки. Он, как говорят, стал сованом. Буддисты принимают в нём прибежище. Смехотворно, что противник, имея в своём лагере таких персонажей, обвиняет Моисея в убийстве и хулит Бога за то, что тот к нему воззвал.

Противник заявил, что Бодхисаттва никогда не допускал, чтобы его жену и детей использовали недолжным образом. Тут противник либо несведущ, либо лжёт ничтоже сумняшеся даже перед такой аудиторией. В [третьем разделе «Тхериападаны»] «Кундалакеша» говорится, что жена Будды Яшодхара, покидая его для отхода в нирвану, сказала, обращаясь к самому Будде:

Много тысяч *коти* раз на съедение львам отдавал ты меня,
И всё же не гневалась я на тебя, о великий мудрец.

Много тысяч *коти* раз в жёны отдавал ты меня ...

Много тысяч *коти* раз отдавал ты меня, дабы обрести
расположение,[†] и т. д.

Опять же, в толковании [Буддагхоши «Сумангала-виласини»] сказано:

Не было ничего, что я пожалел бы отдать пришедшим
ко мне с просьбой. Я отсекал свою украшенную главу,
я жертвовал кровь из своей шеи, я вынимал свои

прекрасные глаза. Я отдавал своих смышлёных детей и свою возлюбленную жену.[†]

Утверждение оппонента, таким образом — либо явная ошибка, либо чудовищная ложь.

Затем г-н Сильва сосредоточился на характере Бодхисаттвы после того, как он утвердился в своём желании стать Буддой. Тогда он был *будданкурой*, то есть в зачаточном состоянии буддства, последовательно возрастая в этом состоянии. А зародыш любого вида отражает природу того, что из него вырастет.

В «Парантапа-джатаке» [№416] Бодхисаттва был наследником престола. К городу подступили враги, и царь попросил царевича прогнать их. Царевич же, опасаясь быть убитым из-за предсказания, сделанного шакалицей, отказался вступать в бой. Царь повторил свой приказ, и Бодхисаттва, несколько раз отказавшись, в конце концов всё же дал согласие. Но вместо того, чтобы защитить город и своего венценосного родителя, он выступил на стороне врага. Венценосному родителю вместе с семьёй, жрецом и слугой по имени Парантапа пришлось спасаться в джунглях. Тут царица, мать Бодхисаттвы, влюбилась в Парантапу и блудно сожительствовала с ним, а он в итоге убил несчастного царя. В отместку за это второй царевич, выросший в джунглях, повзрослев, убил Парантапу за соблазнение своей матери-царицы.* Все эти вещи случились из-за предательского поведения Бодхисаттвы, выступившего на стороне врага собственного отца-царя и его царства. Ни одна цивилизованная нация не может одобрить такое непотребство и измену.

В другом рождении, в «Суссонди-джатаке» [№360], Бодхисаттва был *гурулой*. Он был известным игроком. Отправившись в Бенарес, чтобы сыграть с царём Тамбандой, в конечном итоге он соблазнил царицу и сбежал с ней. Вот каково было поведение юного Будды.

В «Матанга-джатаке» [№497] Будда совершил аналогичный поступок.* И эти-то примеры были записаны в назидание тем, кто вознамерился достичь буддства?

Теперь изучим то, чему учил Будда.

В «Сатта-сурьюггамана-сутте» из Ануттара-никаи [7:62] Будда говорит:

Монахи, царица гор в длину – 84000 *йодун*, в ширину 84000 *йодун*, над океаном на 84000 *йодун* и под водой на 84000 *йодун*.[†]

В той же сутте упоминается порядок уничтожения мира:

Монахи, придёт время, когда сотни, тысячи и сотни тысяч лет не будет дождя. Монахи, в отсутствие дождя все растения, травы, целебные корни, леса, кустарники и деревья совершенно высохнут и сгорят. Когда появится второе солнце, мелкие речки, пруды и озёра иссохнут и исчезнут. Когда появится третье солнце, крупные реки и т. п. иссохнут, когда появится четвёртое солнце, крупные озёра иссохнут. Когда появится пятое солнце, моря иссохнут. Когда появится шестое солнце (*аян ча маха патхави синеру ча паббата раджа адиппанти падджаланти*), эта великая земля и Махамеру будут сожжены одно за другим.[†]

Таким образом, упоминается эта великая земля, Махамеру и всё остальное в порядке их уничтожения.

И где же находится эта великая гора 84000 йодун в длину, 84000 йодун в ширину и 84000 йодун над поверхностью моря? Как может быть так, что человеческому глазу она не видна? Этот глобус представляет собой мир (тут был продемонстрирован глобус). В этом изображении земли представлены все её измерения, все великие реки и моря, месторасположения всех стран и т. п. Окружность земли составляет 25 тыс. миль. Это признают все цивилизованные народы мира. Этот факт проверяется день ото дня на опыте. Следовательно, гора таких размеров просто не может существовать на этой земле. Если бы она существовала, то была бы видима каждому, подобно тому, как вот этот глобус, стоящий на этой подставочке, должен быть виден всякому, с какой стороны ни посмотри. Так что если бы такая гора была в действительности, то обитатели всех четырёх сторон света обязаны были бы видеть её. Между прочим, за несколько недель можно с уверенностью выяснить, есть такая гора или нет. Никогда ни один человек не видал такой горы, и посредством науки возможность существования такой горы также не подтверждается. Всякий, кто утверждает даже возможность существования такой горы, не может быть назван мудрым, не говоря о том, кто заявляет, что она есть. Такое заявление — это ложь, это высказывание невежды. Более того, говорится, что Сахампати совершил подношение размером с Махамеру, что обиталище Шакры находится на вершине Махамеру, и Будда часто навещал его; говорится также, что «Абхидхарму» преподавали с неё.

Много подобных заявлений, связанных с Махамеру, разбросано по священным книгам буддизма.

Если спросят, к чему говорить о Махамеру, то ответ будет таков: раз касательно порядка вещей в этом мире кем-то была озвучена столь великая ложь, к тому же такая, которую всякий может развеять при помощи лишь собственных глаз, то как можно верить ему хоть в чём-то, что касается невидимых миров и миров Брахмы, недоступные для нашего наблюдения и исследования? Следует ли верить человеку, который лжёт о легко проверяемых вещах, говоря, что несуществующее существует? Конечно же, нет. А между тем, всё, о чём говорится в буддизме, связано с Махамеру. *Чатурмахараджика*, небесные миры [Четырёх великих царей], связаны с Махамеру. Небесный мир *Таватинса* [Тридцати Трёх] у неё наверху. Другие небесные миры восходят вверх вокруг неё. Над ними располагаются миры Брахмы. Миры-*арупа* — над ними. А если Махамеру не существует, где тогда располагаются все эти миры? Тогда они должны все обрушиться, как дом на прогнивших сваях.¹¹

К тому же, раз нет Махамеру, то к чему совершать подаяние и другие добродетельные деяния? Ведь делаются они в виду перерождения в этих мирах. В чём польза соблюдения *шил*, обетов? Их соблюдают, чтобы родиться в высших мирах. Если этих миров не существует, значит, это бессмысленно. Зачем соблюдать *джхану*, трудоёмкие медитации, подобно некоторым жрецам в Макаре, которые делали их, покуда не обезумели? Все эти вещи бесполезны. Махамеру в 84000 *йодун* в длину, ширину и высоту, должна располагаться на земле; если её нет, то буддизм следует отбросить не-

медленно. Нет ни единой выгоды, какую бы несло следование буддизму.

Затем, если у Будды была сила всезнания, хотя бы и из размышления, ему следовало бы формулировать обеты исходя из того, как они будут поняты его учениками; ибо из-за того, что один из этих обетов звучал как «не иметь плотской связи», один из священников вступил в связь с обезьяной, другой священник — со своей матерью, а третий — с собственной сестрой. Разве не странно приписывание силы всеведения такому человеку, который даёт распоряжение, не зная, что оно будет неверно истолковано — что он должен был бы предвидеть? Есть ли в мире другой такой пример, чтобы наставник воспитывал своих учеников подобным образом? Разве не мог бы всезнающий так сформулировать своё распоряжение, чтобы предотвратить все эти недопонимания? Если же он и обладал такой силой, но её не использовал — то тогда он и является причиной всех этих заблуждений. Это — не единственные случаи, упомянутые в книгах «Параджики», там содержатся целые груды похожей мерзости.

Опять же, Будда поощрял практику наиболее гнусных преступлений. Один священник совершил отвратительнейший грех, детали которого не могут быть здесь озвучены. Наказание, наложенное Буддой на священника, так поступившего, относилось к разряду малых. Это наказание было *тхуллака*. Он должен был просто признать свою вину перед остальными священниками, и в силу этого возвращался в разряд духовенства. Он даже не был изгнан из общины. Другой священник был повинен в ужасном преступлении схожего рода. Это преступление было названо Буддой *дукката* — очень мелким

прегрешением. Священник возвратился в духовный сан, с ним возобновили общение. Другой священник совершил похожее нарушение, и опять оно оказалось *дукката*, очень мелким прегрешением.

Другой случай — причинение выкидыша — был объявлен *тхуллака*, а именно — прегрешением очень небольшим. Много и других случаев такого рода можно привести из «Параджики». Фиксировались ли такие случаи у какого-либо другого учителя? Не ясно ли из наказаний, налагаемых на совершивших столь бесчеловечные преступления, что их учитель поощрял их ко злу? Эти преступления встретились бы с величайшим народным осуждением, но Будда своим небрежением поддерживал их. Бессмысленно говорить, что священники во времена Будды были хорошими людьми, ибо эти примеры показывают обратное.

Что касается смерти Будды, он получил приглашение от Чунды-кузнеца. Был приготовлен поросёнок с рисом. Будда запретил кому-либо из присутствовавших с ним священников к нему прикасаться. Он один наелся им досыта, и это вызвало несварение желудка. Его приглашали в Паву. Оттуда он должен был идти в Кушинагару. Из-за несварения он испытывал мучительные боли. По дороге ему пришлось прилечь двадцать пять раз. Несколько раз он падал в обморок. Он попросил воды, чтобы утолить жажду. Добравшись до одной речушки, он выпил холодной воды, искупался в воде, но от этого расстройства так и не вылез. Он умер. Всё это описано в «Маха-париниббана-сутте» [ДН 16]. Все эти сопряжённые с его смертью обстоятельства показывают, что всё, что написано о его рождении, посещении, чествовании

и восхвалении его богами и Брахмой, а также о собственных чудесах Будды, которые он творил, когда было нужно — всего лишь слова, которым никому не следует верить. Тут имел место кризис, в который требовалось проявление всей сверхчеловеческой помощи и опеки, равно как и применение собственных сил. Но ничего этого под рукой не оказалось. Он занемог, страдал от болей, переходил с одного места в другое, падая в обморок и валясь на дорогу, и наконец умер подобно любому другому страдальцу. Всё это доказывает, что утверждения о сверхчеловеческих силах Будды — всё равно что сказки для малых детей.

Затем он заявил, что, согласно христианству, у человека была бессмертная душа, равно как и тело, и эта драгоценная бессмертная душа должна проследовать в иной мир. Чтобы спасти эту душу и отправить её в небеса, «так возлюбил Бог мир, что отдал сына своего единородного» [Ин. 3:16]. Сей Иисус Христос, Спаситель человеков, пожертвовал собой и умер на кресте жертвою за грехи, благодаря чему путь для спасаемых теперь открыт. Ни одно имя под небесами не дарует спасения, кроме как это. Поэтому долг всех присутствующих — принять прибежище именно в этом Спасителе, и тем уберечься от адских мучений. Сделать это он умолял всех, кто внимал ему.

Итак, сказал он, на возражения против буддизма не было предоставлено удовлетворительных ответов, а на все возражения, выдвинутые против христианства, удовлетворительные ответы даны были. Об этом он попросил присутствующих не забывать.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ БУДДИСТОВ, ИЛИ ЧЕТВЁРТЫЙ ОТВЕТ ПРЕП. МИГЕТТУВАТТЕ

Священник Мигеттуватте, начиная свой ответ, отметил, что поскольку этот час дискуссии был последним и это его последняя возможность обратиться к аудитории, он просит выслушать его столь же терпеливо, как и в прошлые разы.

Они должны помнить, как преп. джентльмен в первый день этого противостояния заявил, что буддизм сравнивает людей со скотом; в своей утренней лекции он полностью показал, что делает это не буддизм, а христианство; но поскольку сейчас перед ним находятся некоторые люди, не присутствовавшие на ней, он, дабы предотвратить любые недопонимания, вновь прочтёт фрагмент Библии, относящийся к этому вопросу. В Екклесиасте (3:19) есть такие слова:

...Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё — суета!

Какое более ясное доказательство требуется им для установления факта, что это христианство сравнивает людей со зверьми, а не буддизм, как несправедливо заявил преп. джентльмен.

Что касается краткого объяснения *патичча-самуттады*, то преп. джентльмен насмешливо спросил, является ли он (священник) более компетентным в объяснении

этого трудного учения, нежели Буддагхоша, который в своём высказывании сравнил человека, пытающегося объяснить эту доктрину, с тем, кто упал в глубокий океан. Действительно, он процитировал эту строфу для того, чтобы дать понятие о сложности верного осознания этого учения, однако его объяснение этого предмета в меру своих возможностей не делает его (священника) умнее Буддагхоши. Неумные замечания преп. джентльмена касательно его слов он может объяснить лишь завистливым чувством к нему.

Преп. джентльмен, объясняя *патицча-самутпаду*, озвучил ряд заносчивых бессмыслиц, заявив, что это учение о причинности — запутанное и бестолковое, и что оно подобно заявлению о том, что отец породил сына, а сын породил отца. Этот натянутый пример, по его убеждению, не мог бы быть приведён преп. джентльменом, если бы у него было хоть малейшее представление о верном значении *патицча-самутпады*. У него не было ни малейшего основания приписывать буддизму защиту подобного беспорядочного взаимопорождения вроде того, что было показано в этом примере. В буддизме нет никаких учений подобного толка, зато в христианстве примеры такого необычайного круговорота, о котором говорил преп. джентльмен, как раз-таки имеются.

Он попросил самого пристального внимания аудитории на то время, пока он будет объяснять, в чём же он заключается. Если Мария, мать Иисуса, была сотворена Иеговой, то он приходится ей отцом, а она ему — дочерью. Но поскольку Святой Дух был зачат во чреве Марии, то Иегова становится её сыном, а Мария матерью Иеговы; а раз Христос — сын Иеговы, то Иегова оказывается

мужем Марии, а Мария его женой. Так что, согласно Писанию, одна и та же Мария в одном случае — дочь Иеговы, в другом — мать Иеговы, в третьем — жена Иеговы, и если термины «круговорот» или «беспорядочное взаимопорождение» вообще можно к чему-либо применить, так это к понятию Троицы и рождению Христа, а уж никак не к разумному учению *патичча-самутпады*. Он надеется, что теперь они удостоверились в том, что это именно в христианстве говорится о том, что «отец порождает сына, а сын — отца».

Преп. джентльмен также заметил, как и его друг, катехизатор, что буддийские учения недостоверны, ибо они были записаны через целых четыреста пятьдесят лет после достижения Буддой нирваны. В ответ на это он может лишь повторить, что доказательств того, что ещё во время жизни Будды его учения увековечивались в записях, имеется в изобилии. И буддийские писания, он уверяет их, не разделили судьбу части оригинальной христианской Библии, которая однажды полностью сгорела, но затем была вновь состряпана храмовым *кануа* (жрецом дьявола) и выдана за верную копию исходного документа.

Обвинение в убийстве, выдвинутое преп. джентльменом против Ангулималы-тхерунансе, было полностью *неверным*. Нигде в буддийских трудах не говорится, что им был убит хотя бы муравей — не говоря о людях.* Имя Ангулимала было дано этому человеку после посвящения и достижения им архатства, и вот этому-то архату совершают приношения и дары буддисты; и если бы даже Ангулимала-тхеро и был виновен в приписываемых ему преступлении (чего нет, и что его оппонент

не сможет подтвердить), когда был мирянином, обуреваемым плотскими желаниями и греховными страстями, то всякая вина спала с него после того, как он стал архатом, и теперь они не могут пятнать его доброе имя, ибо *после* того, как он стал им, он *сполна* искупил все свои прегрешения. Те же замечания также применимы и к обвинениям преп. джентльмена, касающимся Харантики и Алаваки.

Преп. джентльмен думал возложить вину на святых архатов Ангулималу, Харантику и Алаваку, написавших буддийские писания, но сказал, что Библия, тем не менее, чиста, хоть часть её и написал убийца Моисей, бежавший из страны и в конце концов примкнувший к Иегове. Мой оппонент сказал что-то о «мерзостях» в буддийских книгах. Эта нападка лжива и несправедлива! Но если где-либо и напечатано больше мерзких вещей, чем в Библии христиан, то он такой книги не встречал.

Преп. джентльмен никогда не сможет подтвердить с опорой на Библию, что Моисей освободился от греха, даже когда примкнул к Иегове. Он был таким же человеком, как и все остальные, полным похотливых желаний и страстей, и даже говорится, что он уничтожил тысячи после этого события. Несомненно, они не могут назвать такого человека святым, так какое же доверие можно испытывать к работе, происходящей из столь низменного источника? Но не так обстоит дело с создателями буддийских писаний, которые все были архатами, свободными ото всех страстей и похотей, чьи грехи были полностью исчерпаны. И попытка преп. джентльмена очернить их святые личности упоминанием некоторых изъянов, в которых они могли быть повинны в предыдущих со-

стояниях существования, была столь же безуспешна, сколь и нечистоплотна. Ведь подобным рассуждением невозможно извинить Моисеевых злодеяний, и уповать на обретение будущего счастья через веру в учения такого жестокого и порочного человека, как Моисей — всё равно что пытаться выжать масло из песка!

Чтобы показать, что Будда отдавал свою жену другим, преп. джентльмен прочёл несколько строф на пали, объявив их цитатами их буддийских писаний. Его оппоненту знать лучше. Ничего подобного нельзя вывести из строф, цитируемых из «Тхериападаны», а что до других строк, начинающихся с «Не было ничего...» [с. 144 наст. изд.], то таких фрагментов, что привёл преп. джентльмен, никогда не было среди речений Будды! Он с прискорбием признаёт необходимость ведения спора о религиозных материях с тем, кто столь беспардонно говорит неправду, силясь обмануть несведущих. Это, однако же, поможет присутствующим составить верное суждение о личности преп. джентльмена.

Он также в уничижительном ключе отзывался о личности Будды, цитируя «Джатаку о Парантапе» и «Джатаку о Суссонди», но он хотел бы сказать, что, как и в случае с Ангулималой, святого Будду не следует винить за грехи, совершённые в прошлых рожденьях, или даже в состоянии бодхисаттвы, то есть в состоянии, когда существо стремится сделаться буддой. В обоих этих состояниях смертные существа не лишены страстей и подвержены ошибкам. Было неверно утверждать, что буддисты принимают прибежище в подобных существах. Бодхисаттвам не поклоняются и не обращаются к ним за прибежищем, ибо они не обладают достоинствами Будды.

Толкование, данное *будданкуре* — что это взрослеющий будда — ложно и лишь показывает достойное сожаления невежество преп. джентльмена! На этом довольно про его безуспешную попытку обличения преступлений, совершённых в состоянии бодхисаттвы.

Показав, что в «Сурьюгамана-сутре» Будда провозглашал существование Махамеру, преп. джентльмен сказал, что даже школьнику по силам полностью опровергнуть такое заявление. Преп. джентльмен, делая это замечание, несомненно, ссылаясь на теорию сэра Исаака Ньютона, согласно которой смена дня и ночи вызвана обращением Земли вокруг своей оси, а не сокрытием солнца за Махамеру. Тот маленький глобус, что продемонстрировал преп. джентльмен, сделан на основе принципов Ньютона, но даже среди англичан имеются серьёзные сомнения и различия во мнениях относительно того, верна ли теория Ньютона или нет. Среди прочих, учёный джентльмен г-н Моррисон опубликовал книгу, опровергающую доводы Ньютона, и он рад предоставить христианской стороне возможность взглянуть на эту книгу, которая у него имеется (тут он достал и передал в зал книгу «Новые принципы» Р. Дж. Моррисона, изданную в Лондоне).

И насколько же нечестно было пытаться опровергать речения великого Будды, приводя в качестве надёжного свидетельства незрелую астрономическую систему, правдивость которой ещё не общепризнана. Между тем, даже согласно христианству утверждения преп. джентльмена неверны. Ибо у Екклесиаста (1:5) есть такие слова: «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит», то есть библейский взгляд та-

ков, что движется именно солнце, а земля неподвижна. В буддийских книгах имеется схожее утверждение. Попытка преп. джентльмена опровергнуть существование Махамеру при помощи этого маленького глобуса и ньютоновской теории лишь обнаруживает лживость его собственной религии.

Морской компас — лучшее доказательство существования Махамеру, которое он может им привести. Где бы вы его не хранили, магнитная стрелка его всегда будет указывать на север. Это показывает, что в том направлении, куда указывает эта стрелка, находится некая огромная масса, а согласно буддийским книгам, Махамеру — величайшая, громаднейшая гора на земле, находится как раз на севере. Теперь-то они убедились, что их Махамеру действительно существует на севере, как и говорилось? Если нет — то пусть христианская сторона приведёт хоть одну причину, почему эта стрелка должна поворачиваться на север в большей степени, чем на восток, запад или на юг? Это невозможно. Морской компас — наиболее убедительное свидетельство существования легендарной Махамеру. Поход сквозь северные льды в полярное море, где находятся земли, скалы и горы, может развеять последние сомнения в этом.¹¹

Преп. джентльмен также спрашивал, как на Земле могла бы существовать скала высотой в 84000 *йодун* над уровнем моря, в то время как окружность самой Земли составляет всего 25 тыс. миль. Но этот вопрос спорен, так как основан на теории Ньютона. И кроме того, цифры эти невозможно сопоставить, так как даже в наши дни подлинная длина одной *йодуны* — предмет споров индийских *савантов*. Возможно, преп. джентльмену уда-

лось определить её настоящую меру? Он не станет далее обсуждать эту тему, так как надеется, что ему, к полному удовлетворению аудитории, удалось подтвердить существование Махамеру, разобрав все доводы, что преп. джентльмен выдвинул против её существования.

Преп. джентльмен среди прочих своих выпадов против буддизма сделал и такой: что некий священник в Матаре сошёл с ума от излишней медитации. В том нет ничего странного: ведь согласно буддийским книгам одна лишь чистая медитация, не сопровождаемая трудами на благо людей и истинной добродетельностью, как раз и ведёт к безумию. Да и вообще — что общего имеют безумие или заболевание человека с истинностью или ложностью религии?

Само упоминание тех ужасных преступлений, за которые Виная, буддийский моральный кодекс, назначает наказание, демонстрирует нам чистоту буддизма, поскольку показывает, что к каждому из этих происшествий применялись противодействия. Разумеется, винить его (священника) за разглашение этих отвратительных преступлений не следует — за это отвечает преп. джентльмен, чьё невежество в том, о чём он пытается говорить, в очередной раз обнажилось в его истолковании фрагментов из Винаи. Да, мы не видим, чтобы тех священников, что совершили свои преступления до оглашения правил, наказывали сурово; но какой же законодатель станет карать человека за проступок, совершённый до вступления закона в силу? Он уверяет их раз и навсегда, что буддизм, равно как и никакую другую религию, нельзя порицать из-за одного лишь недостойного поведения её духовенства. Кому придёт в голову объ-

явить христианство ложным из-за того, что жена одного широко известного протестантского духовного лица, заболев, вскоре после этого отправилась в одну удалённую деревню, где с попустительства своего мужа совершила *демонический обряд*, — хотя об этом случае ему и было хорошо известно? Миссионеры, прибывающие в эту страну, не всегда оказывались нравственными и благочестивыми. Как преп. джентльмену оправдать бесчисленные аморальные поступки, описанные в Библии — например, случай с Лотом и его дочерью, кровосмешение между сыновьями и дочерьми Евы и массу других?

Свинина и рис не явились причиной смерти Будды, как заявил преп. джентльмен, но это происшествие было описано по-разному, дабы показать природу пищи, которую Будда принимал перед смертью. Он умер бы в назначенный день и не вкушая её. Будда и буддисты едят то, что перед ними поставят. Они зависят от подаяния. У них нет ни кошельков, ни сумы. Они почитают всякую жизнь священной. Некоторые не принимают животной пищи. И что же, в конце концов, такого нечистого в свинине? Разве она не лучше саранчи, которой, согласно Библии, питался Иоанн Креститель?

Он ещё не ответил на несколько возражений, сделанных катехизатором, и вкратце коснётся их теперь. Его друг катехизатор сказал, что принятие прибежища в Будде, в Дхамме или учениях, и в духовенстве тщетно, так как, во-первых, Будда скончался и его нет, поэтому он не может никому помочь; но если бы катехизатор правильно понял то, что написано по этому вопросу, то не огласил бы столь вопиющей глупости. Смерть Будды, как описывается, подразделена на три этапа: смерть

страстей, *кхандх*, что было объяснено ранее, и его мощей. Смерть его страстей наступила у подножия древа Бодхи по достижении им буддства, смерть *кхандх* — в саловой роще царя Маллавы, а последняя стадия, то есть полное разрушение его мощей, наступит через пять тысяч лет после вступления Будды в нирвану, то есть через две с половиной тысячи лет, считая с наших дней, когда все мощи Будды будут принесены ко древу Бодхи под названием Джаямаха в Индии, примут образ живого Будды, и после непродолжительной проповеди исчезнут. Вплоть до этого времени эффект от обретения Буддой нирваны не прекратится, и те, кто делает подношения и оказывает почёт этим мощам, словно самому Будде, будут скапливать обильные заслуги. Будда до сих пор связан со всем, чего он когда-либо касался, и со всем, что он когда-либо сотворил на Земле. Потому говорить, будто бы влияния Будды не существует — крайне неправильно.

Сарана в буддийской Дхарме значит принятие прибежища не в книгах-*бана*, а в его учениях, которые, будучи верно восприняты, несут спасение в будущих жизнях, а [прибежище] в духовенстве относится не ко грешным священникам, но к тем, что безгрешны и бесстрастны.

Что до споров об *упасампаде*, который, по словам катехизатора, вели между собой секты Амарapura и Сиам, то он может заверить, что ни одно духовное лицо какого бы то ни было сана в этих разногласиях участия не принимало. Это была всего лишь дискуссия, в которой на страницах [газеты] «Лакривикирана» анонимно участвовали две заинтересованные стороны.

Что касается обвинения в отсутствии у Будды всеведения, раз он не знал о том, живы или нет Алара Кала-

ма и другие, кого он задумал учить, то он (священник) сказал, что эта тема неизменно поднимается на каждом диспуте между христианами и буддистами,* и поскольку каждый раз эти обвинения были успешно опровергаемы, то его нынешнее объяснение будет коротким. То, что Будда всеведущ — правда, но его всеведение не обладает тем неприятным свойством, которое приписывается Иегове, который, как утверждается, знает всё сразу без обращения на что-либо своего внимания. Что за ужасная картина вечно стоит у него перед глазами, если без каких-либо усилий со своей стороны он созерцает все муки, мерзости, грехи, нечистоты и грязь этого мира! Как можно быть счастливым, если ты принужден созерцать все несчастья и пороки этой земли? Не кажется ли им, что Иегова испытывает мучения даже жесточе адских, если, пребывая на небесах, он обязан лицезреть всё это? Всеведение Будды, между тем, существенно отличается: он открывал и созерцал только то, что хотел, направляя на это свою силу. Верно, что в свете своего прошлого знакомства с Аларой Каламой и прочими он счёл подходящим обучать их как тех, кто в состоянии его понять, но как только он принял такое решение, бог сообщил ему, что эти личности скончались, и вот тогда-то, как говорится, он и применил свою силу, увидев это и *даже* то, в каком состоянии пребывал Алара Калама после смерти. Он надеется, что собрание поймёт приятную и разумную природу всеведения Будды, а что касается слов христианской стороны о том, что он не обладал силой всеведения, раз её не применил, то это равносильно заявлению, будто бы человек, обладающий полноценным зрением — слепец, раз не обратил глаза к такому-то объ-

екту. На этом довольно о всеведении Будды.

Теперь то, что касается христианства. Его (священника) цель участия в дебатах — лишь выяснить истину. Лично он был уверен в правоте буддизма и пришёл защищать её, но он не настолько предубеждён, чтобы не внимать разумным доводам или даже не принять христианство, если бы им удалось доказать, что его положения достоверны. Но чему же в нём верить?

К чему христиане придают такое значение смерти Христа, который был убит властями за попытку поднятия мятежа против Римской империи? Что ещё власти должны были сделать с человеком, который открыто призывал своих последователей распродать даже свою одежду и обзавестись мечами, и чьё преступление, согласно надписи на кресте, заключалось в том, что он выдавал себя за царя иудеев — народа, находившегося тогда под Римской империей?

Помимо этого, как ненадёжны свидетельства его телесного воскрешения! Первым свидетелем этого важнейшего события, согласно Марку (26:9), была Мария Магдалина — женщина, одержимая некогда семерыми демонами! Разве могут быть вескими показания столь безумной женщины? На деле же тело Христа ночью вынесли из гробницы его ученики, пока не было стражи, и как показательны слова Писания о том, что уже в те времена ходили слухи о том, что его тело «выкрали»? Что ж, если такое воскрешение Христа кажется им убедительным, то такую веру уже ничем не поколеблешь! *

Христиане заявляют, что дух Божий пребудет с теми, кто в него верит. Он (священник) не отрицает веру в Создателя, признавая, что и он обязан своим существовани-

ем некоему творцу, но почему человеку было позволено стать врагом Творцу — каковым, согласно Библии, он сейчас является? Христианские представления о творце ложны, и теперь он объяснит им, кто же является настоящим Создателем, в которого он верит, и то, что он скажет, подтверждается даже в рассказе [христианского] Писания о творении. Он должен сказать, что эта часть Библии написана наиболее правдиво, и того, кто её написал, ни в коем случае нельзя назвать человеком невежественным. Там сказано, что дух Божий носился над водами — для чего был упомянут этот факт, как не для того, чтобы показать, что воздействие этого духа на воду стало источником всей животной и растительной жизни? Определённо, это так. Воздействие воздуха на воду всегда производит животную жизнь; если кокосовый орех, который обычно может провисеть на дереве девять или даже десять месяцев, продырявить и допустить внутрь него воздух, то в воде внутри него обязательно заведутся черви, а пока воздух находится отдельно от воды, то никакие насекомые там и не рождаются. Схожим образом «дух Божий», как он здесь называется, воздействовал на поверхность этих вод, и они произвели животную жизнь.

Получается, что источник всех видов даже согласно Библии — это «дыхание», или воздух, соединённый с жаром и водой. С этими тремя, как бы они не назывались — Брахма ли, Вишну и Ишвара, или Бог, Сын и Святой Дух, и нужно соотносить происхождение видов. Эти три, как им сейчас стало понятно, и были их единственным создателем; и ему он готов отдать должное; и поскольку ни воздух, ни вода, ни огонь не могут творить самостоятельно и так крепко друг с другом связаны, что едва ли

можно признать за ними независимое существование, и христиане справедливо говорят, что хоть и есть три сущности — Отец, Сын и Святой Дух, они тем не менее — не три разных бога, но один Бог. Они, однако — не существа, а состояния. Надо всем находится один Абсолютный Дух.*

Ещё в Библии говорится, что Сатана соблазнил Адама и Еву попробовать запретный плод. Тут, по его убеждению, «Сатана» значит похоть, а «вкушение запретного плода» означало телесное соитие, что привело к деторождению и другим запретным последствиям, описанным в Библии. «Вкушение запретного плода» должно означать именно это, так как если муки деторождения — это наказание за «съедение плода» в буквальном смысле, то чем они [христиане] объяснят страдания, которые испытывают представители животного мира, производя на свет собственное потомство? Например, родовые муки, которые испытывают *полонги*, настолько велики, что они иногда лопаются, разрождаясь своими змеёнышами. Они что, тоже съели запретный плод? Вот какво христианство! Оно полно иррациональных и безрассудных заявлений.

Что же до буддизма, то наиболее выдающиеся личности во все века свидетельствовали в его пользу. Великие врачи, искушённые в искусстве медицины, относительно способностей которых может быть лишь одно мнение, основоположники этики, а также столь важной и удивительной науки, как астрология, при помощи которой можно рассчитать даже дату смерти человека, — не вдаваясь в подробности и не упоминая имён этих учёных мужей — все они всегда взывали к помощи Будды и воз-

носили хвалу ему и его религии в каждой из своих работ.

Буддизм прививает чистейшую нравственность, особо выделяя необходимость самоотверженности, самопожертвования и благотворительности. Он призывает к миру. Он терпимо относится ко всем религиям, с которыми сосуществует. Ему нечего бояться. Он побуждает людей следовать образцу святого Будды, направляя страждущих к блаженному состоянию нирваны. В подтверждение этих учений можно было бы привести огромное количество книг, но делать этого не придётся, так как он надеется, что уже полностью убедил слушателей в истинности буддизма и ложности христианства. Он также выразил надежду, что они не забыли сути вопросов, выдвинутых его оппонентом, должным образом оценив предоставленные им ответы. И, наконец, он настоятельно просит накрепко их запомнить и всегда искать прибежища в святом Будде.

Едва только смолкли последние слова этой лекции, голоса тысяч присутствующих слились в возгласах «Садху!» Горстка полицейских пыталась поддерживать порядок, но ничто не могло убедить их прекратить свои громогласные восхваления, покуда, по просьбе первосвященника Адамова пика, священник Мигеттуватте не поднялся вновь, и по мановению его руки, призывающей к спокойствию, воцарилась тишина.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Джеймс Мартин Пиблс

Так окончилась эта весьма горячая дискуссия, в которой буддийский священник, называемый «язычником», апеллируя к различным библиям, разуму и здравому смыслу собравшихся тысяч, храбро вышел против христианского проповедника в честной схватке лицом к лицу. Это чтение глубоко заинтересовало меня; тем более, что я ознакомился с ним на Цейлоне неподалёку от того места, где она и состоялась. Единственная вещь, которая заметно омрачила поток моей мысли, пока я перелистывал эти страницы — та едкость и даже оскорбительность применительно к личностям, к которой время от времени прибегали велеречивые диспутанты. Пусть даже христиане, как мне сообщили наверняка, и были нападающей стороной, используя колкие аргументы, бьющие не в бровь, а в глаз — всё же буддийского священника едва ли можно оправдать в следовании их примеру. Умиротворённость, спокойствие и созерцательность составляют самую суть буддийского духа. И во всех религиях лучший путь — отвечать добром на зло, добрыми словами — на грубость. Американский поэт-квакер написал такие строки:

Врага для Божьей правды злей
Вы даже не ищите,
Чем возомнивший, будто ей
Нужна его защита.

Кто ухищренья в словесах
Употребляет рьяно,
Тот засоряет Божий сад
Диавольским бурьяном. †

И Гаутама Будда, и Иисус не только учили и объясняли принцип воздаяния добром на проклятия, но и сами служили великолепным примером своих учений в жизни, будучи образцами милейшей кротости и всепрощения.

До и в течение ведической эпохи, — пишет учёный г-н М. Кумарасвами, — лилась кровь, приносились в жертву люди и животные, преподносились масло и молоко, поклонялись огню и другим стихиям, что всё вместе знаменовало собой пробуждение сверхъестественных ощущений в груди индуиста. Но вскоре на эту землю пришли перемены.

Умиротворение, нежность и все мягкие добродетели взяли верх. Истинной жертвой, как гласили учения, стало самопожертвование. Приуготовление к небесам состояло в уничтожении всех злых страстей. И величайшее счастье, как было внушаемо, состояло в философических надежде и покое. *

В качестве примера проповедей Будды Гаутамы я выбрал следующую — из «Кхаггависана-сутты» [Суттанипата 1.3] и комментариев к ней. Эта речь была произнесена Индийским Святым, кажется, по просьбе Ананды, его выдающегося ученика.

Сперва ищи истинный путь, а найдя – тщательно ему следуй. Истинный герой, отвергающий житейскую тщету и сходящий с безумных мирских путей, скидывает с себя оковы домохозяйства, как дерево ковилара – свою листву, и идёт одиноко. Желаящий домов, полей, скота и детей пребывает в печали, но тот, кто удовлетворён, кто не имеет эгоистических желаний – не печалуется. Величайший – тот, что желает малейшего, а отдаёт наибольшее. Скромность – выше чести... Я получил урок у одного человека, что сидел в спокойствии и счастье у обочины, прося подаяния у богатых, чтобы передать их беднякам...

Брахманов, хранимых добродетелью, не заденут оскорбления других. Они непобедимы. Никто не останавливает их на порогах домов. В прошлом они хранили целомудрие с ранних годов и до сорока восьми лет. Наиболее посвящённые сохраняли чистоту до конца жизни. Тот, кто освободился от непотребства, отказался от пересказа неподобающих историй, оставил неумеренный смех и не подвластен жадности, суетности и лицемерию, укореняется в спокойствии и ведаёт, что составляет подлинную суть мудрости и умиротворения...

Близ себя можно держать хороших друзей, но, не имея таких друзей, нужно питаться чистой пищей, предаваться молитве и ходить одному... Ночь я провёл на берегах Махи, дом был без крыши, огонь потушил дождь, и всё же я был счастлив, ибо был свободен от гнева, свободен от упрямства, свободен от страстей.

Как бык, сломавший ярмо, как слон, порвавший путы, я разбил цепи мирских привязанностей. Я не вернусь к перерождению. Я войду в нирвану.

Мой ум свободен от страстей, освобождён от изъянов мира, долго подвергался упражнениям, ныне подвластен мне. Нет на мне никакого греха. Я одержал победу.

Так рёк Будда Ананде и другим ученикам.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ ПОЛК. ОЛЬКОТТА СПИРИТУАЛИСТАМИ, ТЕОСОФАМИ И БУДДИСТАМИ

Джеймс Мартин Пиблс

С превеликим удовольствием сообщаю, что мне довелось водить личное знакомство с полковником Г. С. Олькоттом на протяжении тридцати пяти лет; я знал его как спиритуалиста, посещавшего спиритические сеансы; знал его как медиума, через которого индийские духи исцеляли недужных. Затем я знал его как теософа, и провёл вместе с ним и мадам Блаватской две недели в доме медиумов Эдди в Читтендене, что в штате Вермонт.

В ходе одного из трёх своих кругосветных путешествий я дважды встречался с полковником — и в Индии, и на Цейлоне. Однажды я провёл с ним два месяца в Адьяре, величественном месте, имея между тем доступ в его обширнейшую библиотеку, и пользовался привилегией посещения Святылища, где сидел на тигровых шкурах меж портретов двух наиболее выдающихся *Махатм*, вправленных в рамы. Черты их были бесспорно индийскими.

Рок ли, свободная ли воля привели меня в Коломбо как раз в тот момент, когда полковник Олькотт скончался за работой на благо буддизма — за написанием «Буддийского катехизиса» по просьбе первосвященника Сумангалы. Прах его упокоился в Адьяре. Буддисты Цейлона отслужили по нему поминальный молебен в гостинной зале колледжа «Ананда». Это здание было буквально набито битком, там присутствовало около двух сотен

облачённых в жёлтое буддийских священников. Трое из них во главе с Дхармарамой выступили с короткими обращениями; как велит обычай восточных стран, они произносили свои речи сидя, некоторые притом скрывали лица веерами. Песнопения этих священников были весьма вдохновенны и красивы.

«Цейлон Индепендент» от 25 февраля 1907 года писал следующее:

В 1862 году знаменитый оратор-златоуст Мигеттуватте обошёл весь Цейлон, наставляя буддизму, и слушать его собирались тысячи, а в 1873 году между ним и преп. Давидом да Сильвой состоялись великие дебаты, протокольные записи которых появлялись в ежедневных газетах. Д-р Пиблс в ходе одного из своих путешествий по миру собрал сообщения прессы об этой дискуссии и опубликовал их в форме книги объёмом около ста страниц, сопроводив их пространной критикой и комментариями, симпатизируя при этом скорее буддизму, нежели стародавнему, ортодоксальному христианству. Эта брошюра по некоему счастливому обстоятельству попала в руки американского полковника Олькотта, явившись первым звеном его связи с Цейлоном.

Д-р Пиблс, в то время гостивший на острове, присутствовал на том собрании и сказал несколько слов: о том, что он имел удовольствие знать полковника Олькотта в Америке и отдаёт дань уважения честности и искренности покойного джентльмена, который, как он сказал, оставил свои чины и положение в обществе ради возвышения восточных религий.

ДИСПУТ С ДЛИННОВОЛОСЫМ ПАНДИТОЙ ЦЭРЭНПИЛОМ

Агван-Хайдав

Однажды, когда живший у меня щенок русской собаки по кличке Цэрэнпил, нагулявшись на улице, забежал домой, я, воскликнув: «За домашним имуществом и скарбом ты не следишь, только и делаешь, что шляешься где ни попадя!», шлёпнул его. Тогда он — а был он смыслёным и сообразительным — возмущился и хрипло выговорил:

— Ха! Чем же собака, шляющаяся ради забавы, хуже монаха, шляющегося ради наживы?

Тогда я сказал:

— Не говори заносчивых слов. Вот поймают тебя большие псы — что тогда?

— Станут есть — да и пускай съедят. Моё-то собачье тело не из тех, что трудно обретаётся. А вот когда ты употребляешь своё труднообретаемое человеческое тело на всякую чепуху — по сравнению с тем, что я употребляю своё собачье тело на игры, — это каково? Моё ведь тело только лишь собачье.

— Что же, тебе собачье тело без нужды?

— Собачье тело мне не нужно, мне бы человеческое. Его получить не так-то просто. На тебя же поглядеть, так выходит, что как будто чловечье тело тебе не нужно, а собачье — нужно.

— Заткнись и сиди тихо. Когда собака говорит по-чловечьи — не к добру.

— Если собака говорит чловеческим голосом — это

диво. Но если человек вздумает вести себя по-собачьи — вот это не к добру.

— Говорят, красноречие дурака — в его немногословии. Так что замолчи и лежи себе смирно.

— Некрасноречие — когда говорят не так, как приличествует мудрецам. А коли дурак скажет правду — это диво.

— Диво то, что ты, чьё тело сплошь поросло волосами, ещё имеешь дерзость произносить столь хвастливые слова!

— Шерсть на моём теле — это одежда, полученная мною от рождения, и это чудесно. Мне не надо добывать её от других. А вот тебе, использующему нашу, животных, шкуру для того, чтобы прикрывать своё срамное место, да при этом ещё дивящемуся моей наглости, должно быть стыдно!

— Мы, хоть и покрываем поверхность тела овчиной и прочим, зато снаружи обделываем её шёлком и парчой, и получается благолепно. А вот твои космы, торчащие во все стороны, будто ячьи хвосты, отнюдь не благолепны.

— Высокие ламы и великие князья, вывернув шерсть волосом наружу, называют это меховой курткой и сидят в ней, вызывая всеобщее восхищение. Но когда я тоже хожу шерстью наружу, это тебя поражает. Кроме того, вы, снимая свои куртки, оголяетесь — разве это красиво? Это непотребно. Что же касается моей обращённой наружу шерсти, растущей из моего же тела, то она крепка.

Я сказал:

— Старая хвостатая псина, не буду с тобой разговаривать!

Он ответил:

— Где и когда появится еда с питьём, туда бежит.
Хоть приставлен к делу, от него убегает.
Коли так, то, хоть и может говорить и смеяться,
На деле же — старая собака без хвоста.

Согласно вышеупомянутому изречению, и тот старый пёс, что умеет трепать языком и смеяться, и тот старый пёс, что умеет рычать и лаять — оба они псы. Так не лучше ли тот, у кого есть хвост, того, у кого его нет?

— Что до тебя, так ты дерьмод.

— Собака ест дерьмо — в чём тут грех? А вот ты, монах, проедающий без меры казну, родишься потом навозным червём и будешь питаться дерьмом. Ещё и вкусным покажется!

— Тебе уже сейчас дерьмо по вкусу. А вот меня бы вырвало.

— Хоть тебя и рвёт от дерьма, обретающегося в желудке, но ты мирно уживаешься с пребывающими в твоём сердце тремя ядами круговерти, ничуть их не страшась — и ещё думаешь о себе как об ученике Будды Шакьямуни?

Я ответил:

— Я — человек. Ты — зверь. Меж человеком и зверем разница. Не возводи напраслины!

— Что до тела — разница есть. Но что касается разницы меж сознаниями — о том не ведаю. В Слове Будды, касающемся немногих отличительных свойств человечества, не сказано, что человеческое сознание в период, когда оно не порождает мысли, чем-то отличается от животного. По благому Учению Татхагаты:

— Постоянно делающий главным насыщение желудка
Безволосый — всё одно что свинья.

Таково наставление. И ты постоянно заботишься о насыщении, и я постоянно забочусь о насыщении. Так в чём же один из нас лучше другого? В миру же собаки считаются лучше свиней. Изрекший это наставление — для всех вас учитель, и не бывало такого, чтобы он пристрастно относился к нам, животным.

— Ты мудрец, рекущий удивительные вещи. Просто какой-то собачий пандита! А ну сложи какое-нибудь ладное стихотворение, а я оценю.

— У собак пандит не бывает. Но что до стихов — сочинить могу, — ответил он.

Я ответил: «Сочини!» — и он произнёс:

— Прикипел ты к нашей шкуре, коже, маслу,
Потому лишь о животных ты печёшься.
От деяний сих, постыдных и ужасных,
Вот и мне, о лама, выпало на долю!

Я отвечал:

— Ах, негодный дерьмод, отроде пёсье,
Имя славное моё своею пастью, —
То, что люди повсеместно перевозносят, —
Ты не поноси — не то сгоню из дома!

Так сказал, а он в ответ:

— Между псом и скверным ламой нет различий,
Ведь со столика и я на трон запрыгну.
Слово Будды на мирской сменив обычай,
В чём же, лицемер, меня ты превосходишь?

Я отвечал:

— Что, щенок, ты гомонишь, рыча и лая?
Недостойн спорить ты со мной и мига.
Мясо вкусное я чаем запиваю,
Словно полная луна я над тобою.

Он отвечал:

— Иль мирянин, — красным шариком отмечен, —
Выше всех других становится, бахвалясь?
Веры ты стезю отринувши беспечно,
От Учения едва ль меня не дальше.

Я отвечал:

— Я проник во глубь священного Ученья,
Для людей женатых полем став заслуги,
Отовсюду я встречаю лишь почтенье.
Как со мною простаку тебе сравниться?

Он отвечал:

— Сотни книг ты прочитал, да всё без проку.
Подношеньями людскими богатеешь.
Был в Тибете, но домой удрал до срока.
Ты и псом переродишься-то навряд ли!

Я отвечал:

— Разъясняя всем премудрости глубины,
Я владею поднесёнными дарами,
И — не ровня дерьмоду и скотине —
Добродетели своей плоды вкушаю.

Он отвечал:

— Чем хвалиться, коль, беря шелка с парчою,
Объясняешь ты науку по крупнице?
Как подвижник же вкушать дерьмо с мочою —
То, поистине, безгрешное деянье.

Я отвечал:

— Спорить с собственной собакой — вот забота!
Мне тебя, что и в жару, и в холод ищешь
В пропитание себе дерьмо с блевотой,
Надоедливого пса, взаправду жалко.

Он отвечал:

— Хоть и встретился с Ученьем лежебока,
Но козу, овцу, корову убивает
Ради лишь чревоугодия порока, —
Состраданья ты поболее достоин.

Я отвечал:

— Приютил тебя, лохматую собаку,
Что в безвестии и гладе прозябала,
Дал еду тебе и кров я, благодетель.
Коль не так, тогда сейчас же прочь отсюда!

Он отвечал:

— Ты, монах, меня, щенка, едой казённой
Монастырскую присвоенную кормишь.
И ещё мне заявляешь: прочь из дома!
Кто тут прав, кто виноват — покажет время.

Я отвечал:

— Лишь в немногом отстоя от животины,
Всё же плоть их ем, как демон ненасытный.
И когда я, человеческий мир покинув,
В преисподнюю низвергнусь — будешь прав ты.

Он отвечал:

— Я лишь пес, лишённый доброго удела,
Извергаю околесицу из пасти.
Коль в Монголии обосновалась вера,
Не впадай же в заблужденья иноверцев!

Я отвечал:

— В Тайной Мантре лик у божества бывает
Ужасающ, но глубинный смысл содержит.
Мудрецу всё, что ты изрёк ты, подобает,
И с познаниями моими соразмерно.

Он отвечал:

— Я лишь пёс, заслуг и званий не имею,
Хоть и прав я, люди мне поверят вряд ли.
К созерцателю Бушуну поскорее
Побегу — мой друг не будет столь надменен.

И тут, вскочив с места, он выбежал гулять на улицу,
а я, ради забавы и для пользы прочих, всё это записал.

БЕСЕДА ОБЛИКА, СОЗНАНИЯ И СУЩНОСТИ

Агван-Хайдав

Сущность:

— Мои тело и сознание, покуда вы вмещаетесь одно в другое и, не разлучаясь, благоденствуете, ровно тогда счастливо живу и я. Но если вы двое расстанетесь, что мне делать? Сознание, когда ты оставишь тело и уйдешь восвояси, чем я стану? Давайте-ка изобретите надёжный способ водить дружбу! И если вы отделитесь друг от друга, то кто из вас тогда будет меня вмещать, а кто покинет?

Тело:

— Сущность, что ты говоришь? Я существую только лишь само будучи в сознании. Когда сознание покинет меня, то я превращусь в вонючую падаль и пойду на съедение собакам и птицам. Как же тогда мне вмещать тебя?

Сознание:

— Когда я бестелесное, когда я от него отделяюсь, то само нигде не нахожусь, ни к чему не имею отношения — как же мне ещё и тебя вмещать?

Сущность:

— Тело, ты верно говоришь. Однако ты, сознание, вечно бродишь туда-сюда, не распадаясь — вот с тобой-то одним я и буду дружить! Обычно я властвую и повелеваю вами обоими. Однако ты, тело, в конце концов исчезает. А ты, сознание, вечно — буду следовать за тобой. Но не подумай ли ты однажды: «Существует ли мир лучший, чем тело и сознание? Что есть „я“? Ничто

иное, нежели облик и осознание». Не кинешь ли ты нас вдруг, — тело с сущностью, — заявив, что ты само по себе, и не начнёшь ли жить в одиночку? Как же быть? Позову-ка я своего товарища — разум, и спрошу у него.

Сознание:

— Какой такой разум, кого это ты зовёшь? Такого не знаю. Ведь это я хозяин тела и речи.

Тело:

— Я — прекрасное, совершенное тело. Любите и охраняйте меня! Этот твой разум, говорят, способен рассудить других, и вообще очень мудрая штука!

Сознание:

— Что ж, разум обычно чепухи не говорит. Давайте спросим у него о способе, каким можно было бы навек соединить вместе тело и сознание.

Итак, все решили воззвать к разуму, сознание призвало его, и он явился. Когда ум-разум пришёл, тело, сознание и сущность сидели в совершенном молчании.

Разум:

— Бестолково шляясь в круговерти бытия, ты, сознание, прихватив обузу — несчастное тело, плод деяний, за пазуху, и подружившись с «я» — сущностью, для которой труднопостижимы бытие и небытие, что расселось здесь?

Сознание:

— Я в этом мире самое старшее. Я дружило со всеми бесчисленными вещами. А ты тут едва пришёл, ты тут лицо новое, слова твои бестолковы, и слушать я их не хочу!

Разум:

— Сознание, ты превратилось в проклятие этого мира,

брось отрицать это. Прекрати злиться и своевольничать! Внять моим словам, что исходят из знания истины — для твоей же пользы.

Сознание:

— Я, сознание, — не какая-то там безделица! Я прогниваю весь мир и творю бесчисленные дела! Я являлось в царях и князьях, я являлось в ламах и послушниках. И в прекрасных супругах царей и князей являлось тоже я! Защищая свои земли и воды, я билось с врагами, сражало и убивало их. Борясь и враждуя со знающим истину разумом и прочими, я было гневно и горделиво. Радея о своём благополучии, я жаждало прибылей и имущества. Чтобы мочь убивать и понуждать, я готовило тьмы воинов и груды оружия. А раз так — то я делало все дела на свете. Не только тебя, — ты, дурной разум, — я могу убить любого! Если не мне — то кому заведовать всем житьём-бытьём? Да и делая всё это, я думало не только о себе одном, но заботилось о текущем житье. Ведь я же вкушало и всевозможные страдания! Я делало всё это не только ради себя, но и для тела с сущностью. Потому эти двое никогда не смогут меня покинуть, а так и будут таскаться за мной и дальше. Так что, разум, будь-ка мне другом, но не болтай лишнего!

Разум:

— Мы с тобою не друзья. Ты постоянно думаешь о множестве совершенно бесполезных вещей.

Сознание:

— Какие такие вещи у меня бесполезные? Я же должно беречь и лелеять моё собственное тело. Для своего господина — сущности — я должно добывать выгоду и славу. Будто бы не так!

Разум:

— Вникни получше в суть деяний, которые ты само творишь! Тело твоё, которое ты так любишь и бережёшь, не ведает, в чём польза, а в чём вред. Тело — штука недалёкая. Однажды сломается оно и исчезнет — товарищ оно тебе ненадёжный. А когда ты разлучишься с телом, то и сущность, твой нынешний господин — исчезнет тоже. Твоя так называемая «сущность» — это произведение ваше с телом, только лишь имя, а сама по себе она не имеет никаких качеств. Все те вещи, что вызывают у тебя различие на «хорошее» и «плохое», что заставляют тебя стараться ради мирской жизни, все возникают взаимозависимо — а коли так, все они не вечны, временны и подобны сновидению. Подобно веренице снов возникают они в твоём бытии. К чему ради этой обманной жизни, в которой твои негодные тело и сущность — временные и неверные попутчики, надрываясь, вершить всевозможные дела, заодно собирая за пазуху грехи и беды? По сути все вещи не существуют — всесторонне исследовав и постигнув их как череду переменчивых признаков, как подобную пространству пустоту, не лучше ли задуматься тебе о пути выхода из этого мира?

Сознание:

— Разум, недаром тебя, достигшего пределов святой премудрости, прозывают пробуждённым. Под конец твоей речи я понял, что нет «я» у сущности, нет «я» у явлений, а все явления по сути своей совершенно пусты.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаясекара, Дж. Х. 65
 Агван-Хайдав 26
 Адам 104, 112–113, 113–114, 133–134
 Аджаташатру 56
 Алавака 144, 155
 Алара Калама 121, 162
 Алвис, Дж. 30, 43, 63
 Алвис, Корнелиус
 Амарамоли 65
 Анагарика Дхармапала 24
 Анаксимандр 208
 Ананда 57–58, 170
 Ангулимала 143–144, 154–155, 205, 207
 Апостолы 107, 163
 Асита 193
 Барадийн, Базар 23
 Бентара Атхадасси 209
 Боваев, Бадма 23
 Бовака Дхаммананда 202
 Бог, см. Иегова
 Борманжинов, Мунко 23
 Биганде, Поль 17, 49, 57, 194
 Бимбисара 106
 Блаватская, Елена Петровна 17–18, 19–20, 172, 192, 194
 Бодхисаттва, см. Будда
 Брахма 117, 121, 164
 Буддагхоша 69, 125, 141–142, 144, 153
 Булатгама 65, 66
 Будда 20, 30, 35, 36, 37, 39, 41–42, 43, 45–46, 50–54, 52–53, 56, 73, 116–119–121, 127, 134–137, 138, 139, 142, 143, 145–146, 147, 149–151, 154, 156, 157, 160–163, 168, 194, 195
 Бюхнер, Людвиг 18, 209
 Ваал 199
 Валагамбаху 137, 206
 Ван Цинфу 17, 31, 44, 49, 194
 Ваттагамини см. Вагаламбаху
 Велингеаме Теруннансес 65
 Вессантара 138–139, 203
 Вишну 164
 Гад 205
 Гаутама, см. Будда
 Гогерли, Дэниел Джон 209
 Грингуд 18
 Гунананда 7–9, 11, 12, 14, 16, 17, 18, 19–21, 25, 26, 27, 28, 30–31, 33, 59–60, 61–64, 75–76, 77, 78, 86–87, 89, 90, 97, 110, 124, 131, 134, 142, 151, 152, 163, 166, 167, 173, 200, 203, 206, 209

- Гунаратана 65
 Гунасекара, Дж. 64
 Давид 204–205
 Дамбаев, Д. 23
 Дандар-аграмба 26
 Данзанравджа 26
 Даниэль 65
 Девьянвахансе 84, 92
 Дехигаспе Пан Насара 30, 32
 Джаесингхе, С. 64, 66, 109
 Джуджака Бамуна 138
 Доржиев, Агван 23
 Дхаммаланкара 65
 Дхармарама 173
 Ева 160, 165
 Зойса, Луис 34, 63
 Иегова 49, 55, 84, 85–86, 88, 89,
 97–99, 111, 112, 132–133, 137, 146,
 153–154, 156, 162–163, 201, 205
 Иезекииль 201
 Иеремия 201
 Иеффай 105, 113–114, 133–134, 202
 Иисус Христос 7, 44, 45, 58, 73,
 84, 92, 93, 99, 106–107, 114, 115, 117,
 130, 134, 135, 136, 141, 142, 145, 151,
 152–153, 156, 157, 159, 160, 162,
 209–210
 Ингерсолл, Роберт 13
 Иоав 204–205
 Иоанн 58
 Иоанн Креститель 160
 Иосиф (отец Иисуса) 92
 Ирод 115, 134
 Иуда (патриарх) 88, 100, 112,
 132–133, 201, 204
 Ишвара 84, 92, 99, 164
 Клеанф 210
 Клотон, Томас Ли 106
 Коггала 65
 Коленсо, Джон Уильям 13,
 18, 201, 210
 Коулс, С. 64
 Кумарасвами, Мутху 168, 211
 Кэппер, Джон 8, 16–17, 33, 37, 69
 Лесков, Николай Семёно-
 вич 18, 192
 Лот 180
 Лэнгдон, Сэмюэл 64
 Лютер, Мартин 210
 Маллава 161
 Мария (мать Иисуса) 153–
 154
 Мария Магдалина 163
 Мартенс, Х. 65
 Махамайя 107, 116, 134–135
 Маханамо 206
 Махатмы 172
 Махинда 206
 Мефодий (Львовский) 24
 Мигеттуватте, см. Гунананда
 Миллс, Чарльз 46

- Милинда 73–74, 196, 198, 199
 Моисей 80, 87–88, 100, 111–112, 132, 137–138, 143, 165–166, 207
 Молох 201
 Моррисон, Р. Дж. 157
 Мункужапов, Д. 23
 Мэйдзи 22
 Мюллер, Макс 17, 36, 42, 43, 63
 Нагасена 44, 73–74, 196, 198, 199
 Натаниэльс, Л. 64
 Нил (Исакович) 192
 Ньютон, Исаак 157, 158
 Ольденбург, Сергей Фёдорович 24
 Олькотт, Генри Стил 17, 19–20, 21, 29, 31, 172–173
 Парантапа 145
 Парибок, Андрей Всеволодович 26
 Пейн, Томас 13
 Перейра, Джон 62
 Перейра, Эдвард 16, 62
 Пиблс, Джеймс Мартин 16, 17, 19, 28, 29, 31, 33, 35, 167, 172, 173, 193, 194, 200, 201, 204, 208, 209, 211
 Потувила Индаджоти 65
 Рахула 52
 Родриго, П. 64
 Сальха 43
 Сангхатисса 65
 Сатана 165, 205
 Сепфора 87–88, 111–112, 132
 Сиддхартха, см. Будда
 Сильва, Давид де 9, 11–12, 15, 28, 31, 33, 59–60, 62–64, 66, 72, 75–76, 77–78, 79, 89, 90, 96, 97, 124, 127, 167, 173
 Сильва, Х. 65
 Сильва, Хуан де 65
 Сиривардхана, П. К. В. 28, 32
 Сириманне, Ф. С. 12, 109, 116
 Сойс Модлиар, С. 65
 Сомаратна, Г. 28
 Субхути 57, 65
 Сумангала, см. Хиккадуве
 Стейплс 65
 Тамбатанда 146
 Тебб, Р. 64
 Тернор, Дж. 206
 Тёпкин, Лувсан-Шарап 23
 Торчинов, Евгений Алексеевич 26
 Тотагамуве Шри Рахулатхера 195
 Уддакарама 121
 Умаянганавана 99
 Уолластон, М. 204
 Фараон 100, 111, 131
 Фернандо, Хосе 64
 Фонсека, Д. 65
 Харантика 155

- Харди, Спенс 46
- Хиккадуве Сумангала 13, 14,
18, 20, 21, 30, 38–40, 53, 65, 172, 203,
205, 206–207
- Хунупола, Джон 9
- Чайлдерс, Роберт Цезарь 63
- Чунда 153
- Шакра 138–139, 147
- Шакьямуни, см. Будда
- Шуддходана 107, 116, 193
- Эдди, братья 17, 172
- Экенаеке 60
- Элвис 65
- Элвис, С. 34
- Янг, Р. 27
- Яшодхара 144

ГЛОССАРИЙ

Анагамин (*пали*) — «невозвращающийся», третья ступень святости, предшествующая архатству.

Бана (*синг.*) — название традиционных сингальских книг, изготавливаемых из пальмовых листьев. Иногда используется как синоним буддийского учения в целом.

Гурула (*синг.; санкр.:* гаруда) — мифическая птица из индийской мифологии.

Гхи (*хинди*) — разновидность очищенного топленого масла.

Дана (*пали, санкр.*) — практика даяния, милостыни в буддизме.

Джхана (*синг.; санкр.:* дхьяна) — практика медитативного сосредоточения.

Йодуна (*синг.; санкр.:* йоджана) — древнеиндийская мера длины, равная 12–15 км.

Капуа см. Капурала.

Капурала (*синг.*) — название индуистского священника-экзорциста на Шри-Ланке.

Квакеры — протестантское движение, возникшее в XVII веке в Англии.

Корле (*синг.*) — округ, уезд.

Коти (*синг.*) — сингальское числительное, равное 10 млн.

Махатма (*санскр.*) — «великая душа», здесь: титул, принятый в теософии для обозначения её основоположников.

Методисты см. уэслианцы.

Пандита (*санскр.*) — учёный, знаток.

- Парамита** (*пали*) — «совершенство», одно из десяти качеств, ведущих к Пробуждению.
- Паритта** (*пали*) — практика начитывания текстов в буддизме Тхеравады, выполняемая с целью охранения от возможных неприятностей.
- Пиривена** (*синг.*) — монашеское училище на Шри-Ланке.
- Полонг** (*синг.*) — местное название сингальских разновидностей гадюк.
- Ревивалисты** — представители движения в протестантизме, выступающего за усиление религиозности и деятельного отношения к вере.
- Савант** (*от фр. savant*) — учёный.
- Садху** — «хорошо сказано!», традиционный приветственный возглас.
- Сакрадагамин** (*санскр.*) — «однажды возвращающийся», вторая степень святости.
- Сарана** (*пали, синг.*) — прибежище.
- Сован** (*синг.; пали.: сотапанна*) — «вступивший в поток», первая ступень святости.
- Спиритуалисты** — последователи религиозного движения, придерживающегося веры в то, что духи умерших существуют после смерти, особенно популярного во вт. пол. XIX – нач. XX веков.
- Таватимса** (*пали, санскр. Траястримша*) — букв. «[мир] тридцати трёх [богов]», небесный мир на вершине горы Меру.
- Тхера** (*пали*) — букв. «старейшина», почётный титул старших монахов в Тхераваде.

Тхерунансе (*пали*) — почётный титул старших монахов в монашеских организациях Тхеравады.

Упасампада (*пали*) — монашеское посвящение.

Уэслианцы — последователи протестантской конфессии, отколовшейся от англиканства в XVIII веке под влиянием проповедей Джона Уэсли.

Чатурмахараджика (*санскр*) — небесный мир «четырёх великих царей»: Вайшраваны, Вирудхаки, Вирупакши и Дхритараштры, который располагается на склонах горы Меру.

Чатухсатъя — Четыре благородные истины: истина страдания, причина страдания, его прекращения и пути к прекращению.

Шейкеры — протестантская конфессия, отколовшаяся от движения квакеров; была распространена в Англии и Америке.

Шила (*пали*) — практика соблюдения обетов в буддизме.

Элу — древний литературный язык Шри-Ланки, предшественник современного сингальского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

Дебаты в Панадуре: на заре современного буддизма

- C. 11 Handwritten District Minute Book, Methodist District of South Ceylon 1831–1871:15 (Methodist Headquarters, Colombo). Цит. по: Harris E. J. Theravada Buddhists and the British Encounter. Religious, Missionary and Colonial Experience in nineteenth-century Sri Lanka. — London, New York: Routledge, 2006. — P. 200.
- C. 17 Capper J. A Full Account of the Buddhist Controversy, Held at Pantura, in August 1873 [between a Buddhist Priest, Gunānanda Mohattivatte, and Two Ministers of the Protestant Religion, the Rev. D. de Silva and the Rev. F. S. Sirimanne] ... With the Adresses Revised and Amplified by the Speakers. — Colombo: Ceylon Times Office, 1873. — 73 p.
- C. 17 The Great Ceylon Discussion between the Buddhists and Christians. With an introduction and comments by J. M. Peebles.
- C. 18 Письмо к Надежде Фадеевой от 28 октября 1877 г., Нью-Йорк (Блаватская Е. П. Письма. — М.: Ассоциация Духовного Единения «Золотой Век», 1995. — С. 230–231). В письме Блаватская упоминает повесть Н. Лескова «На краю света» (1875), посвящённую работе православной миссии среди бурят-буддистов в Забайкалье. Прототипом главного героя повести, по признанию Лескова, был епископ Иркутский Нил (Исакович), руководивший христианизацией бурят в 1838–1853 годах. Впоследствии Нил написал книгу «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири» (1858), ставшую одной из первых популярных книг о буддизме в России.
- C. 19 Olcott H. S. Old Diary Leaves. — London: The Theosophical Publishing Society, 1990. — P. 157.
- C. 24 См.: Ольденбург, С. Обличение ламаизма. / Вопросы философии и психологии. XIII, кн. 65 (V). — М.: 1902. — С. 1016–1024.

- C. XX Young R. F., Somaratna G. P. V. *Vain Debates. The Buddhist-Christian Controversies Of Nineteenth-Century Ceylon.* — Vienna: Institut für Indologie der Universität Wien, 1996.

Введение

- C. 35 В первом издании 1878 года эти два абзаца отсутствовали; приведены по ланкийскому изданию 1955 года.
- C. 37 Здесь Пиблс приводит строфы из поэтического переложения «Лалитавистары» (*Metrical Translations from Sanskrit Writers.* — London: Trübner & Co., Ludgate Hill, 1879. — PP. 147, 152, 151, 150). Несмотря на то, что в источнике мудрец Асита говорит Шуддходане о том, что в будущем суждено стать буддой именно его новорожденному сыну, Пиблс изменил его слова так, будто они обращены не к царю, а к читателю и имеют в виду не Сиддхартху, а его: «буддой можешь стать и ты». Склонность Пиблса к тенденциозному искажению цитат проявляется в тексте и дальше.
- C. 42 Muller M. *Meaning of Nirvana / Studies of Buddhism.* — New Delhi: Asian Educational Services, 1999. — P. 58.
- C. 42 Из статьи Мюллера «Буддийский нигилизм». См.: Müller, F. Max. *Lectures on the science of religion: with a paper on Buddhist nihilism : and a translation of the Dhammapada or «Path of virtue».* — New York: Charles Scribner And Company, 1872. — P. 141.
- C. 43 См.: D'Alvis, J. *Buddhist Nirvana: A Review of Max Muller's Dhammapada.* — Columbo: William Skeeen, Government Printer, 1871.
- C. 43 Пиблс цитирует книгу «Жизнь, или легенда, о Гаудаме» Биганде (*Bigandet P. A. The life, or legend, of Gaudama, the Buddha of the Burmese. Vol. II.* — London: Trübner & Co., 1880. — P. 7), где автор пересказывает «Махапариниббана-сутту» [ДН 16].
- C. 44 Пиблс приводит искажённую цитату из «Вопросов Милинды», приведённую в книге Спенса Харди «Восточное монашество» (*Hardy R. S. Eastern Monachism.* — London: Williams and Norgate,

1860. — P. 295). См.: Вопросы Милинды (Милиндапаньха) / Пер. с пали, предисл., иссл. и комм. А. В. Парибка. — М.: Наука, 1989. — С. 255–256.
- C. 44 Очевидно, Пиблс цитирует Вана по «Разоблачённой Изиде» Блаватской, где она приводит эти слова, сказанные им в личном с ней разговоре. См.: Blavatsky H. P. *Isis Unveiled. A Master-Key to the Mysteries of Ancient and Modern Science and Technology*. Vol. II. — New York: J. P. Bouton, 1878. — P. 320.
- C. 46 Mills, C. D. B. *The Indian Saint, Or, Buddha And Buddhism: A Sketch Historical And Critical*. — Northampton: Journal and Free Press Co., 1876. — P. 115.
- C. 49 Цитата Ван Цинфу приведена по изд.: *The Secular Review and Secularist*. 1877, August 4 / *The British Secular Almanack for 1878*. — London: Charles Watts. — P. 132.
- C. 49 Bigandet P. A. *The life, or legend, of Gaudama, the Buddha of the Burmese*. Vol. I. — London: Trübner & Co., 1880. — P. 125.
- C. 53 В издании 1878 года обозначенный фрагмент отсутствовал. Дополнено по ланкийскому изданию 1955 года.
- C. 53 В издании 1878 года этот раздел отсутствовал. Дополнено по ланкийскому изданию 1955 года.
- C. 53 В издании 1878 года этот раздел отсутствовал. Дополнено по ланкийскому изданию 1955 года.
- C. 54 Прим. Дж. Пиблса: *Burman Buddhist Quarterly*.
- C. 54 В издании 1878 года этот раздел отсутствовал. Дополнено по ланкийскому изданию 1955 года.
- C. 54 Прим. Дж. Пиблса: *Burman Buddhist Quarterly*. — P. 678.
- C. 55 В издании 1878 года этот раздел отсутствовал. Дополнено по ланкийскому изданию 1955 года.

- C. 57 См.: Bigandet P. A. The life, or legend, of Gaudama, the Buddha of the Burmese. Vol. II. — London: Trübner & Co., 1880. — P. 8. Пиблс указывает с. 261, что, по-видимому, означает, что он пользовался более ранним изданием.
- C. 58 В издании книги Биганде от 1880 года нет приписывания Будде слов о том, что «все могут стать буддами». Будда у Биганде говорит о том, что «в моей религии есть люди, ставшие *сотанами*, *анагамами* и наконец *рахатами*», см.: Bigandet P. A. The life, or legend, of Gaudama, the Buddha of the Burmese. Vol. II. — London: Trübner & Co., 1880. — P. 64. По-видимому, в ранних изданиях у Биганде эта фраза звучала по-иному, либо, что более вероятно, Пиблс привёл цитату с намеренным искажением.
- C. 58 См.: Bigandet P. A. The life, or legend, of Gaudama, the Buddha of the Burmese. Vol. II. — London: Trübner & Co., 1880. — P. 65.

Первая речь преп. Давида да Сильвы

- C. 67 Panca ca bhikkhave, khandhe desissami, || pancupadanakkhandhe ca. || || Tam sunatha <...> || «Katame ca bhikkhave, pancakkhandha? || || Yam kinci bhikkhave, rupam || atitanagataraccuppannam || ajjhattam va bhahiddha va, || olarikam va sukhumam va, || hinam va panitam va, || yam dure santike va, || ayam vuccati rupa-kkhandho. || Ya kaci vedana <...> Ya kaci sanna <...> Ye keci samkhara <...> Yam kinci vinnanam <...> [CH 22:48, Кхандха-сутта].
- C. 67 Katame ca bhikkhave, panc'upadana-kkhandha? || || Yam kinci bhikkhave, rupam || atitanagataraccuppannam || <...> Ya kaci vedana <...> Ya kaci sanna <...> Ye keci samkhara <...> Yam kinci vinnanam <...> [CH 22:48, Кхандха-сутта].
- C. 67 Ye hi keci, bhikkhave, samanava brahmana va || aneka-vihitam attanam samanupassamana samanupassanti, || sabbe te panc'upadana-kkhandhe samanupassanti [CH 22:47, Саманупассана-сутта].
- C. 68 Paskanda sakelese || Duknam weya emese || Ru weyin sanrese || Sakara vinnena nanin merpase [«Кавьясекера» («Совет дочери») —

знаменитая поэма сингальского монаха Тотагамуве Шри Рахула-тхеры, написанная ок. 1444 года. В ней Будда, родившись в одном из воплощений учёным брахманом, даёт наставления своей дочери].

- C. 68 Kataman ca bhikkhave salayatanam? || || Cakkhayatanam, || sotayatanam, || ghanayatanam, || jivhayatanam, || kayayatanam, || manayatanam [CH 12:2, Вибханга].
- C. 68 Sabbam vo bhikkhave desissami || tam sunatha. || || Kinca bhikkhave sabbam? || || Cakkhun ceva rupa ca || sotan ca sadda ca || ghananca gandha ca || jivha ca rasa ca || kayo ca phothhabba ca || mano ca dhamma ca. || || Idam vuccati bhikkhave sabbam. || || [CH 53:23, Сабба-сутта].
- C. 68 Kataman ca bhikkhave nama-rupam? || || Vedana, || sanna, || cetana, || phasso, || mana-sikaro. || || Idam vuccati namam. || || Cattaro ca mahabhuta, || catunnam ca mahabhutanam upadaya-rupam. || || Idam vuccati rupam. || || [CH 12:2, Вибханга].
- C. 68 Tattha katamam namam? Vedanakkhandho sannakhandho samkharakkhandho. Idam vuccati namam. [Абхидхамма-питака, «Вибханга», 251. См.: The Book of Analysis (Vibhanga). — Bristol: The Pali Text Society, 2010. — P. 192].
- C. 69 Yam olarikam etam rupam, ye sukhuma citta cetasika-dhamma etam namam. Прочитированный фрагмент полностью:
 «Царь молвил: «Почтенный Нагасена, ты упомянул образно-знаковое [нама-рупа]. Что здесь знаковое, а что образное?» — «То, что там грубое, то образное, государь, а тонкое — ум и связанные с ним дхармы — это знаковое». — «Почтенный Нагасена, почему знаковое или образное не воплощается порознь?» — «Эти дхармы взаимозависимы, государь, раздельно они не возникают». — «Приведи пример». — «Например, государь, если в курице не будет зародыша, то не будет и яйца. Оба — и зародыш и яйцо — взаимозависимы, порознь не возникают. Вот так же, государь, если не будет знакового, то не будет и образного; оба они — образное и знаковое — взаимозависимы, раздельно не возникают» (Вопросы Милинды

(Милиндапанъха) / Пер. с пали, предисл., иссл. и комм. А. В. Парибка. — М.: Наука, 1989. — С. 97).

- C. 69 Yo bhikkhave evam vadeyya. Aham anna rupeca anatta vedanaya annatha sannaya annatha samkharehi vinnanassa agatini va gatini va cutini va appathne va vuddhim va virulhim va vepullim va pannapessamti netam thanam vijjati [CH 22:59, Панъча-сутта].
- C. 69 Gabbhaseyyakasattanam hi patisandhikkhane pancakkhandha apaccha apure ekato patubhavanti [Буддагхоша. «Саммохавинодани», 1.1.5. См.: Sammohavinodani-Atthakatha. — Yangon: Buddhasasana Society, 2008. — P. 20].
- C. 69 Evam gabbhaseyyakanam patisandhikkhane pancakkhandha paripunna honti [Буддагхоша. «Саммохавинодани», 1.1.5. См.: Sammohavinodani-Atthakatha. — Yangon: Buddhasasana Society, 2008. — P. 21].
- C. 70 Nam ru deka hera || Neta an pungul behera || Peveta deka nohera || Siyalu katayutu veyya nitara [«Кавьясекера»].
- C. 70 Rupam bhikkhave anattam, yad anattam n'etam mama n'eso 'ham asmi na meso attati [CH 22:45, Патхама-аниччата-сутта].
- C. 70 Yam kinci kappa, rupam || atitanagata-paccuppannam ajjhattam va bahiddha va || olarikam va sukhumam va || hinam va panitam va || yam dure santike va || sabbam rupam|| 'n'etam mama, || neso ham asmi, || na meso atta' ti. || || Evam etam yathabhutam sammappannaya passati. || [CH 22:124, Патхама-каппа-сутта].
- C. 71 Rupam bhikkhave anatta. || || Yo pi hetu || yo pi passayo || rupassa uppadaya, || so pi anatta. || || Anatta-sambhutam bhikkhave, || rupam kuto atta bhavissati? [CH 22:20, Татъя-хету-сутта].
- C. 71 Cakkhum bhikkhave anatta, || yo pi hetu || yo pi passayo || cakkhussa uppadaya || so pi anatta. || || Anatta-sambhutam bhikkhave|| cakkhum kuto atta bhavissati? || [CH 35:141, Хетуна-адджхатта-сутта].

- C. 71 Kataman ca bhikkhave, maranam? || Ya tesam tesam sattanam tamha tamha sattanikaya cuticavanata bhedo antaradhanam maccumaranam kalakiriya khandhanam bhedo kalebarassa nikkhepo || <...> || Idam vuccati maranam. || [CH 12:2, Вибханга].
- C. 71 Yo bhikkhave, rupasmim chandarago, || tam pajahatha, || evam tam rupam pahinam bhavissati || ucchinnamula talavatthukata anabhavakata ayatim anuppadadhammam. || [CH 22:25, Чандарага-сутта].
- C. 72 ‘Yam kinci samudaya dhammam, || sabban’tam nirodhadhamman’ ti [MH 74, Дигханакха-сутта].
- C. 73 Kim nu kho bho Gotama so karoti {patisamvediyatiti}. || So karoti so patisamvediyatiti kho brahmana ayam eko anto. || [CH 12:47, Януссо-сутта].
- C. 74 Atthi koci satto imamha kayat annam sankamatiti? <...> Nahi maharaja, imina nama namarupena kammam karoti sobhanam va parakam va, tena annam namarupam patisandhatiti. Ниже приведён весь процитированный диалог Милинды и Нагасены:
 «Царь молвил: «Почтенный Нагасена, переходит ли какое-либо существо из этого своего тела в иное тело?» — «Нет, государь». — «Если, почтенный Нагасена, нет переходящего из этого своего тела в иное тело, то [существо], вероятно, освобождается от греховных деяний?» — «Да, государь, не будь нового воплощения, оно бы освободилось от греховных деяний. Но раз воплощается, государь, то отнюдь не освобождается от греховных деяний». — «Приведи пример». — «Например, государь, один человек стащил у другого манго. Заслуживает ли он наказания?» — «Да, почтенный, заслуживает». — «Но ведь он стащил не те манго, что посадил владелец; почему же он заслуживает наказания?» — «Эти манго, почтенный, появились благодаря [тем], поэтому он заслуживает наказания». — «Вот точно так же, государь, этим образно-знаковым [существо] совершает деяние, праведное или греховное, а через это деяние воплощается иное образно-знаковое. Поэтому оно отнюдь не освобождается от греховных деяний» (Вопросы Милинды (Милиндапанья) / Пер. с пали, предисл., иссл. и комм. А. В. Парибка. — М.: Наука, 1989. — С. 111).

- C. 74 Atitabhavē kammaṃpaccaṃyena nibbattate khandho, tattheva niruddho atitabhawato imam bhawam agato ekadhammopi natthi. [Висуддхи-магга, XIX:22].
- C. 74 Sattena katakammaṃpaccaṃyanubhavena anupacchinna kilesabalavinamitam annam namarupam patubhavati [BM XVII:136].
- C. 74 Katama ca bhikkhave jati? || Ya tesam tesam sattanam tamhi tamhi sattanikaye jati sanjati okkanti abhinibbatti khandhanam patubhavo ayatananam patilabho || Ayam vuccati bhikkhave jati || [СН 12:2, Вибханга].

Первая ответная речь преп. Мигеттуватте

- C. 81 Sveva manusso so mahisoti. Amanta. Manusso hutva mahiso hoti mahiso hutva manusso hoti manussabhuto anno mahiso anno manussabhuto svevayam sandhvatiti miccha .pe. Sace hi sandhavati sveva puggalo ito cuto param lokam ananno hevam maranam na hehiti panatipatopi nupalabbhati [Абхидхарма-питака, Катхаваттху-пракарана, 83:4-5].
- C. 83 Это фраза из «Вопросов Милинды»: «Приведи еще пример». — «Например, государь, свеженадоенное молоко спустя некоторое время превращается в простоквашу, из простокваши получается сливочное масло, из сливочного масла — топленое. Если кто-нибудь будет утверждать, что и молоко, и простокваша, и сливочное масло, и топленое масло — одно и то же, то будут ли его слова истинны, государь?» — «Нет, почтенный, но [одно] возникло благодаря [другому]». — «Вот так же, государь, и последовательность дхарм связуется: иным становится, иным переходит, как бы безначально, бесконечно связуется, а потому и не тот и не иной получается в сцеплении очередного сознания» (Вопросы Милинды (Милиндапанья) / Пер. с пали, предисл., иссл. и комм. А. В. Парибка. — М.: Наука, 1989. — С. 91).

Вторая речь преп. г-на Сильвы

- C. 93 Pandako bhikkhave anupasampanno na upasampadetaḅbo, upasampanno nasetabbo 'ti. [Винья-питака, Махаватта 1:61].
- C. 93 Banner of Truth, Vol. 1861. — P. 39 (Vide Appendix A).
- C. 94 Katamo ca bhikkhave, paticcasaṃuppaḍo? || || Avijja-paccaya bhikkhave saṅkhara || saṅkhara-paccaya vinnanam|| vinnana-paccaya nama-rupam || nama-rupa-paccaya salayatanam || salayatana-paccaya phasso|| phassa-paccaya vedana || vedana-paccaya tanha || tanha-paccaya upadanam || upadana-paccaya bhavo || bhava-paccaya jati || jati-paccaya jara-maranam soka-parideva-dukkha-domanassupayasa sambhavanti. || || Evam etassa kevalassa dukkhakkhandhassa samudayo hoti. || [СН 12:2, Вибханга].
- C. 94 Nam ru deka hera || Neta an pungul behera [«Кавьясекера»].
- C. 95 Yayam tanha ponobhavika nandi ragasahagata tatra tatrābhinandini, || seyyathidam: || || Kamatanha, || bhavatanha, || vibhavatanha || [СН 56:11, Дхамма-чакка-паваттана-сутта].

Второе возражение преп. Мигеттуватте

- C. 97 Прим. Дж. Пиблса: Буддийский священник Мигеттуватте, будучи выдающимся знатоком сингальского и пали, временами испытывал некоторые сложности с подбором необходимого для выражения смысла идиоматического выражения. Осознавая недостаток его проникновения в гений английского языка и трудности в выборе терминов, я внёс, согласно просьбе (?), некоторые изменения. Надеюсь, однако, что они пойдут скорее на пользу, нежели во вред доводам этого буддиста.
- C. 102 Māranantikavedanā sattānaṃ sannipātaṃ asahantassa, ātape pakkhittaharītāpaṇṇam iva, kamena upasussamāne sarīre, niruddhesu cakkhādisu indriyesu, hadayavatthumatte patiṭṭhitesu

«...Но смешались с язычниками и научились делам их; служили истуканам их, которые были для них сетью, и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам...» (Псалтирь 105:35-37).

«И взяла сыновей твоих и дочерей твоих, которых ты родила Мне, и приносила в жертву на снадение им» (Иезекииль 16:20).

«...И сыновей своих, которых родили Мне, через огонь проводили в пищу им. Еще вот что они делали Мне: оскверняли святилище Мое в тот же день, и нарушали субботы Мои; потому что, когда они заколали детей своих для идолов своих, в тот же день приходили в святилище Мое, чтобы осквернить его» (Иезекииль 23:37-39).

«И дал Иеффай обет Господу и сказал... что выйдет из ворот дома моего навстречу мне, будет Господу, и вознесу сие на всеожжение... и он совершил над нею [собственной дочерью] обет свой, который дал» (Книга Судей 11:29-40).

- C. 106 До того, как отношения между христианами и буддистами на Шри-Ланке вошли в критическую фазу, буддисты высказывались о Христе в гораздо более мягких выражениях. Например, Бовака Дхаммананда, глава монашеского братства Сиам, говорил о нём как об одном из божеств, обитающих в небесах Тридцати Трёх. В целом же, как можно заметить и по содержанию дебатов в Панадуре, буддисты были склонны в полемике с христианами критиковать скорее Ветхий Завет, нежели Евангелия.

Речь преп. Ф. С. Сириманне

- C. 116 'Aggo'ham asmi lokassa, || jeṭṭho'ham asmi lokassa, || seṭṭho'ham asmi lokassa || [ДН 14, Махападана-сутта].
- C. 118 Фрагмент из «Махавансы» (гл. XXXIII): «Глубокомудрые (вдохновенные) жрецы прежде устно передавали палийские Питакаттаю и её Аттахакатху (комментарии). В этот период те жрецы, предвидя погибель людей (из-за отклонения от истинных учений), собрались и для того, чтобы религия сохранялась веками, записали то же самое в книгах» (The Mahāvanso in

Roman Characters. Vol. I. — Ceylon: Cotta Church Mission Press, 1837. — P. 207).

- С. 118 Фрагмент из «Сарасамграхи»: «После нирваны Будды на протяжении 450 лет этот Текст и Комментарии, и все слова Татхагаты, сохранялись и передавались мудрыми жрецами устно, *мукха-патхена*. Но, приняв во внимание ущерб, который может быть нанесён им подобным способом передачи, пятьсот пять высокоавторитетных рахатов в пещере, называемой Алока (Алу), в провинции Малая на Ланке под охраной главы этой провинции, записали их» (цит. по: Hardy S. Legends and Theories of the Buddhists. — London, Edinbourg: Williams And Norgate, 1866. — P. 192).
- С. 119 Сириманне говорит об истории, рассказанной в «Вессантараджатаке» (№547; см.: Джатака о Вишвантаре / Будда. Истории прошлых рождений. Гирлянда джатак. — М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Око, 2001.— С. 186–211). История царевича Вессантары становилась предметом критики цейлонских христиан и до дебатов в Панадуре.
- С. 122 Речь идёт о ланкийских монашеских братствах («орденах») Амарapura-никая и Сиам-никая. Сиам-никая была основана в 1753 году после приезда на Шри-Ланку тайского тхеры Упали, который восстановил в стране передачу обетов бхиккху после того, как она была утрачена из-за повсеместного пренебрежения Винаей вследствие политико-экономического кризиса в стране. Амарapura-никая откололась от Сиама в 1800 году из-за того, что внутри этого братства монашеские обеты передавались, с санкции кандийского короля, исключительно в рамках касты Говигама. Новая линия передачи упасампады была основана в опоре на бирманское духовенство и не была связана с сингалскими кастами. Возникновение Амарapura-никаи стало первым случаем в истории Шри-Ланки, когда новая самостоятельная сангха была основана без покровительства монарха.

Соперничество Амарapura и Сиама в пер. пол. XIX века было в значительной степени нивелировано появлением общего врага — агрессивных христианских миссионеров. Гу-

нананда принадлежал к Амарapura-никае, а Хиккадуве Су-мангала — к Сиаму, но на дебатах в Панадуре они выступали сообща — как, впрочем, и различные христианские деноминации.

[Третья] ответная речь преп. Мигеттуватте

- C. 125 Vattukāmo aham ajja paccayākāravammanam patimham nādhigacchāmi ajjhogamho va sāgaram. [BM XVII:25].
- C. 126 Avijja-paccaya samkhara, || samkhara-paccaya vinnanam, || vinnana-paccaya namarupam, || nama-rupa-paccaya salayatana, || salayatana-paccaya phasso, || phassa-paccaya vedana, || vedana-paccaya tanha, || tanha-paccaya upadanam, || upadana-paccaya bhavo, || bhava-paccaya jati, || jati-paccaya jara-maranam soka-parideva-dukkha-domanass'-upayasa sambhavanti [CH 22:90, Чанна-сутта].
- C. 127 Прим. Дж. Пиблса: Наиболее учёный буддист из всех, с которыми я беседовал на Востоке, решительно отрицал существование материи. Она была лишь видимостью, лишь тенью. Две единственные реальности во вселенной — это причинность и духовная субстанция.
- C. 128 Mohaṃ paṭicca sampayuttakā khandhā; paṭisandhikkhaṇe vatthuṃ paṭicca sahetukā khandhā, и т. п. [АП, Паттхана-пракарана, Дхаммапаччания, Дукапаттханапали, Сахетукадука].
Процитированный фрагмент полностью: «Беспричинная дхамма возникает, обусловленная причинной дхаммой согласно условию причины: форма с источником в сознании [возникает,] обусловленная неведением, сопряжённым с сомнением, сопряжённым с беспокойством. Три великих элемента [возникают,] обусловленные одним великим элементом. Производная форма с источником в сознании и созданная кармой [возникает,] обусловленная великими элементами. Имеющая причины дхамма возникает, обусловленная беспричинной дхаммой согласно условиям причины.

«На всяком месте очи Господни» (Притчи 15:3) — «Сошел Господь посмотреть город и башню (Быт. 11:5).

«Есть ли что невозможное для Меня? (Иер. 32:27). Богу же всё возможно» (Матф 19:26) — «Господь был с Иудею <...> но жителей долины не мог прогнать, потому что у них были железные колесницы (Судей 1:19).

«Бог не человек <...> чтоб Ему изменяться» (Чисел 23:19) — «И пожалел Бог о бедствии, о котором сказал» (Иона 3:10).

«Ищущие меня найдут меня» (Притчи 8:17) — «С утра будут искать меня, и не найдут меня» (Притчи 1:28).

«Разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо» (Исаия 58:6) — «Также и из детей поселенцев, поселившихся у вас, можете покупать, и из племени их, которое у вас, которое у них родилось в земле вашей, и они могут быть вашей собственностью <...> вечно владейте ими, как рабами» (Лев. 25 45-46).

- С. 137 На самом деле царь Валагамбаху (Ваттагамини) правил в 103–77 годах до н. э., то есть существенно позже 53 лет после кончины Будды. Джеймс Тернор, первый переводчик и комментатор «Махавансы», на которую ссылается Сириманне, однако же, считал, что по крайней мере часть палийского канона была записана задолго до Валагамбаху. Он пишет: «Во введении к «Махавансе» было показано, что её автор Маханамо составил эту историю во время правления своего племянника Дхатасино, цейлонского монарха, который правил между 456 и 477 до Р. Х., основываясь на ранее указанных материалах, один из которых — версия «Аттхакатхи», привезённая Махиндой из Индии в 307 году до Р. Х. и переведённая им на сингальский язык. Этот факт, вкуче с многими другими обстоятельствами, между делом упоминающимися в истории соборов, даёт существенное подтверждение тому, что «Питакаттая» и «Аттхакатха» были на самом деле записаны в самом начале буддийской эры, и что сокрытие этих записей вплоть до правления цейлонского царя Ваттагамини между 104 и 76 годами до Р. Х. было частью *эзотерической* схемы этой веры и служило поддержанию веры в то, что жречество обладает даром вдохновения [позволяющим держать все эти тексты исключительно в памяти — С. К.]. Прекращение сокрытия

этих писаний в данный период, хоть и приписывается нисхождению духа вдохновения, по всей вероятности связано с общественными беспорядками, последовавшими за чолийским вторжением, которое привело к изгнанию иноземным врагом этого царя и жречества из Анурадхапуры и их жизнью в джбрых острова в течение 15 лет в качестве беженцев» (Turnour J. An Analysis of The Dipavanso / Journal of The Asiatic Society of Bengal. Vol. 7, № 83. — Calcutta: Printed at the Baptist Mission Press, 1838. — P. 922).

- C. 137 Капурала — название индуистских священников-экзорцистов на Шри-Ланке. Согласно Янгу и Сомаратне, Гунананда называет таким образом Моисея вслед за Хиккадуве-тхерой, который уже применял к нему это именование в своих работах 1860-х гг. (Young R. F., Somaratna G. P. V. Vain Debates. The Buddhist-Christian Controversies Of Nineteenth-Century Ceylon. — Vienna: Institut für Indologie der Universität Wien, 1996. — P. 170.) По мысли Хиккадуве, Моисей-медиум подчинил себе демона (прету) Иегову, благодаря чему обрёл чудесные силы и власть над евреями (см. там же, с. 191–120).

Третья речь преп. г-на Сильвы

- C. 141 Apannakam thanameke dutiyam ahu takkika || Etadannaya medhavi tam ganhe yadapannakanti [эпиграф к «Джатакам», предшествующий первой из них, «Анапаннака-джатаке»].
- C. 142 Pubbe ananussutesu dhammesu cakkhum udapādi nānam udapādi paññā udapādi vijjā udapādi āloko udapādi [СН 56:11, Дхаммачакка-паваттана-сутта].
- C. 143 Satthakatham sabbam Buddha vacanam tathagatassa parinibbanato yava pannasadhikani cattari vassa satani tava mati sampanna bhikkhu mukha pathena anesum («Сарасангаха»).
- C. 144 На Шри-Ланке текст «Ангулимала-паритта», излагающий речь, которую Ангулимала произнёс перед беременной жен-

щиной, избавив её от боли, читается монахами для мирян с той же целью.

- C. 144 Neka koti sahasani gocaratthaya dayi mam || Na tattha vimana homi-tuyh atthaya mahamune. || Neka koti sahasani bhariya'tthaya dayi mam <...> || Neka koti sahasani upakar atthaya dayi mam || [«Ападанали», гл. 4 («Тхериападана», подгл. 3 «Кундалакеша»), №28 («Яшодхара»), ст. 28–30 (987–989). См. пер.: *Legends of the Buddhist Saints. Apadānapāli / transl. by Jonathan Walters. — Whitman College, 2018. — P. 1119–1120*].
- C. 145 ...Āgatānam yācakānam alankata-patiyattam sīsam kantivā gala-lohitam nihativā su-añjitāni akkhīni uppātevā kulavamsa-padipam puttam manāpa-cārinam bhariyan ti evam ādini dentassa, aññani khanti. [Комментарий Буддагхоши в «Сумангала-виласини» на Махападана-сутту [ДН 14]. См.: *The Sumangala-Vilāsini. Buddhaghosa's Commentary on the Dīgha-Nikāya. Part II (Suttas 8–20). — London: Luzac & Company Ltd., 1931. — P. 465*].
- C. 145 См.: Джатака о рабе-цареубийце / Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды. — СПб.: МЭО «Возрождение» — Культурный центр «Уддияна», 2003. — С. 55–59.
- C. 146 См.: Джатака о мудреце-чандале / Джатаки: избранные рассказы о прошлых жизнях Будды. — СПб.: МЭО «Возрождение» — Культурный центр «Уддияна», 2003. — С. 146–154.
- C. 146 Sineru bhikkhave, || pabbataraja caturasiti jenasahassani ayamena, || caturasitiyo janasahassani vittharena, || caturasitiyojanasahassani mahasamudde ajjhoga'eha || caturasitiyojanasahassani mahasamudda accuggato. || [АН 7:62, Сатта-сьюггамана-сутта].
- C. 146 Hoti kho so bhikkhave, || samayo yam bahuni vassani bahuni vassatani bahuni vassasahassani bahuni vassasatasahassani devo na vassati. || Deve kho pana bhikkhave, || avassante ye kecime bhijagamabhutagama osadhitinavanaspatayo te

ussussanti visussanti visussanti na bhavanti. || || [АН 7:62, Сатта-сурьюггамана-сутта].

- С. 148 Прим. Дж. Пиблса: Эта ссылка со стороны преп. г-на Сильвы на Меру (или Махамеру), называемую в индуистской мифологии «пупом земли», была, по нашему мнению, несвоевременной и неуместной в этой дискуссии, касающейся буддизма; по этой причине скорее индуизм, а не буддизм имеет к ней отношение. Эта гора, о которой говорят, будто она так высока и так широка, прослеживается в индуистских легендах, возникших задолго до времени Будды. О той же горе говорили Клеанф и Анаксимандр, свидетельствуя об интеллектуальном обмене Индии и Греции. Буддизм имеет к индуизму отношение примерно то же, что и Реформация Лютера к римско-католицизму.

Заключительная речь буддистов

- С. 154 Вероятно, Гунананда имеет в виду, что в «Ангулимала-сутте» (МН 86) нигде прямо не описываются совершённые им убийства, — рассказчик и персонажи повествования, в том числе и сам Ангулимала, их лишь упоминают. Вместе с тем, примечательно, что действенность упомянутой да Сильвой «Ангулимала-паритты» связывается как раз со «словами истины» Ангулималы о том, что он «отродясь никого намеренно не лишал жизни». Эти слова ему посоветовал произнести перед беременной женщиной сам Будда, а на возражение Ангулималы о том, что они не соответствуют действительности, он пояснил, что «отродясь» в данном случае означает начиная с принятия Ангулималой монашества.
- С. 158 Прим. Дж. Пиблса: Некоторые из буддийских священников отлично осведомлены о трудах современных учёных. Когда я провёл полдня в училище буддийских профессоров и священников «Видьодая» близ Коломбо на Цейлоне, разговаривая с ними о природе души, её атрибутах и силах, проф. Х. Сумангала, обратившись к собственной библиотеке, привлёк моё

внимание к строкам из работы д-ра Людвиг Бюхнера «Сила и материя». Некоторые книги епископа Коленсо были переведены буддистами на сингальский язык.

С. 162 Отрицание всеведения Будды было первым из пунктов полемического сочинения миссионера Даниэля Гогерли «Кристиани-праджняпти», впервые вышедшего в 1848 году. Опровержения буддистов, неоднократно высказывавшиеся в печатных изданиях и во время публичных диспутов, были подобны тем, что озвучил Гунананда.

С. 163 Монах из Сиам-никаи Бентара Аттахадасси (ум. 1862) в «Будда-праджняпти», своём ответе на «Кристиани-праджняпти» Гогерли, приводит сингальскую народную сказку XVIII века о том, как на самом деле «воскрес» Христос:

«Причина, по которой буддисты не могут поверить в христианство — в том, что Библия гласит, будто Иисус Христос умер после пригвождения ко кресту <...> Библия также утверждает, что он возродился через три дня после смерти и в течение сорока дней пребывал со своими учениками, разговаривал с ними, ел, пил и ходил. Но спустя два дня после распятия на третий день тело его было снято и помещено в яму восьми локтей в глубину. Сверху тела насыпали хрусталь, на него землю, а на неё гранит, утоптаный слонами. Поверх положили гранитные блоки, а на них навалили гранитные камни. В ту ночь Васаварти-Мара увидал это и сказал: «Я открою двери четырёх адов <...> и заставлю мёртвых восстать из могил». Мара трижды воззвал с неба к своим ученикам; они достали свои оперения оттуда, где они были спрятаны, и ринулись на кладбище. Стоя друг у друга на плечах и взмахивая перьями, будто в полёте, они провозгласили: «Наш умерший Бог теперь ожил и возносится в небо на наших плечах». Вот как на самом деле это произошло. Эти два рассказа противоречат друг другу, но буддисты верят в этот последний, потому что христианство было создано Марой, и это он стоит за ним с тех самых дней и до нынешних. Быть христианином полезно для дел в этом мире, но в следующем это приведёт лишь к страданиям». (Цит. по Young R. F., Somaratna G. P. V. *Vain Debates. The Buddhist-Christian Controversies Of*

Nineteenth-Century Ceylon. — Vienna: Institut für Indologie der Universität Wien, 1996. — P. 103).

- C. 165 Скорее всего, слова об «Абсолютном Духе» — это самовольное добавление Пиблса.

Заключительные заметки

- C. 168 Фрагмент стихотворения Джона Уиттьера «Духовное проявление» (*A Spiritual Manifestation. / The Complete Poetical Works of John Greenleaf Whittier.* — Boston: James R. Osgood and Company, 1876. — P. 356).
- C. 168 Coomára Swámi, M. *Sutta Nipáta, or Dialogues and Discourses of Gotama Buddha.* — London: Trübner & Co., 1874. — P. xxxii. Кумарасвами написал про «философическую апатию», однако Пиблс счёл возможным заменить в своей цитате слово «апатия» на «надежду и покой».

Издание осуществлено на средства
буддийской общины «Шедруб Линг» (Качканар),
Ашина Ачарии, духовного наставника
Бирманского буддийского центра Тхеравады (Москва),
аджана Чатри, основателя буддийского храма
«Буддавихара» (Санкт-Петербург),
и частные пожертвования других лиц.

Корректор, составитель именного указателя:
Е. С. Куваева

Подписано в печать 22.02.2019. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура PT Serif. Печ. л. 5.
Тираж 500 экз. Заказ F-989.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди».
115093, г. Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58, стр. 3, пом. 11.
Тел. (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com.